

ФИЛОСОФСКИЙ ЖУРНАЛ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2022. Том 15. Номер 3

Главный редактор: А.В. Смирнов (Институт философии РАН, Москва, Россия)
Зам. главного редактора: Н.Н. Сосна (Институт философии РАН, Москва, Россия)
Ответственный секретарь: Ю.Г. Россиус (Институт философии РАН, Москва, Россия)
Редактор: М.В. Егорочкин (Институт философии РАН, Москва, Россия)

Редакционная коллегия

В.В. Васильев (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), Лоренцо Винчигуэрра (Пикардийский университет, Амьен, Франция), М.Н. Вольф (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия), С.В. Девяткин (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Новгород, Россия), Марица Денн (Университет Бордо-Монтэнь, СЕММС/CERCS, Франция), А.А. Кара-Мурза (Институт философии РАН, Москва, Россия), И.Т. Касавин (Институт философии РАН, Москва, Россия), В.А. Лекторский (Институт философии РАН, Москва, Россия), Ханс Ленк (Институт технологий г. Карлсруэ, Карлсруэ, Германия), В.И. Маркин (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), М.А. Маслин (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), А.А. Россиус (Итальянский институт философских исследований, Неаполь, Италия), В.Г. Федотова (Институт философии РАН, Москва, Россия), Чжан Байчунь (Пекинский педагогический университет, Пекин, Китай)

Редакционный совет

Эвандро Агацци (Университет Панамерикана, Мехико, Мексика), В.И. Аршинов (Институт философии РАН, Москва, Россия), Е.В. Афонасин (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия), В.Д. Губин (РГГУ, Москва, Россия), А.А. Гусейнов (Институт философии РАН, Москва, Россия), И.Р. Мамед-заде (Институт философии, социологии и права НАНА, Баку, Азербайджан), А.С. Манасян (Ереванский государственный университет, Ереван, Армения), Том Рокмор (Университет Дюкени, Питтсбург, США; Университет Пекина, Пекин, Китай), Антония Сулез (Университет Париж-VIII, Сен-Дени, Франция), М.М. Федорова (Институт философии РАН, Москва, Россия), В.В. Целищев (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия)

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук

Периодичность: 4 раза в год. Выходит с 2008 г.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-61227 от 3 апреля 2015 г.

Журнал включен в: Web of Science (Emerging Sources Citation Index; Russian Science Citation Index); Scopus; Ulrich's Periodicals Directory; EBSCO; ERIN PLUS; Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Перечень рецензируемых научных изданий ВАК (группы научных специальностей 09.00.00 «Философские науки»); КиберЛенинка

Подписной индекс каталога Почты России – ПН142

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора

При частичном или полном воспроизведении опубликованных материалов ссылка на «Философский журнал» обязательна. Ответственность за достоверность приведенных сведений несут авторы статей

Адрес редакции: Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, оф. 612

Тел.: +7 (495) 697-66-01

E-mail: philosjournal@iphras.ru

Сайт: <https://pj.iphras.ru>

THE PHILOSOPHY JOURNAL

(FILOSOFSKII ZHURNAL)

2022. Volume 15. Number 3

Editor-in-Chief: Andrey V. Smirnov (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia)
Deputy Editor-in-Chief: Nina N. Sosna (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia)
Executive Editor: Julia G. Rossius (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia)
Editor: Mikhail V. Egorochkin (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia)

Editorial Board

Vadim V. Vasilyev (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), Marina N. Volf (Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia), Lorenzo Vinciguerra (University of Picardy, Amiens, France), Sergey V. Devyatkin (Yaroslav the Wise Novgorod State University, Novgorod, Russia), Maryse Dennes (Université Bordeaux Montaigne, CEMMC/CERCS, France), Alexei A. Kara-Murza (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia), Ilya T. Kasavin (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia), Vladislav A. Lektorsky (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia), Hans Lenk (Karlsruhe Institute of Technology, Karlsruhe, Germany), Vladimir I. Markin (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), Mikhail A. Maslin (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), Andrei A. Rossius (Italian Institute for Philosophical Studies, Naples, Italy), Valentina G. Fedotova (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia), Zhang Baichun (Beijing Normal University, Beijing, China)

Advisory Committee

Evandro Agazzi (University Panamericana of Mexico City, Mexico), Vladimir I. Arshinov (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia), Eugene V. Afonasin (Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia), Abdusalam A. Guseynov (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia), Valery D. Gubin (Russian State University for Humanities, Moscow, Russia), Ilham Mammad-zadeh (Institute of Philosophy, Sociology and Law, Baku, Azerbaijan), Aleksandr S. Manasyan (Yerevan State University, Yerevan, Armenia), Tom Rockmore (Duquesne University, Pittsburgh, USA; Peking University, Beijing, China), Antonia Soulez (Université Paris-VIII, Saint-Denis, France), Maria M. Fedorova (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia), Vitaly V. Tselitshev (Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia)

Publisher: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Frequency: 4 times per year

First issue: November 2008

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor). The Mass Media Registration Certificate No. FS77-61227 on April 3, 2015

Abstracting and Indexing: Web of Science (Emerging Sources Citation Index; Russian Science Citation Index); Scopus; Ulrich's Periodicals Directory; EBSCO; ERIH PLUS; the list of peer-reviewed scientific editions acknowledged by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation; CyberLeninka

Subscription index in the catalogue of Russian Post is ПН142

No materials published in The Philosophy Journal can be reproduced, in full or in part, without an explicit reference to the Journal. Statements of fact and opinion in the articles in The Philosophy Journal are those of the respective authors and contributors and not of The Philosophy Journal

All materials published in the "Philosophy Journal" undergo peer review process

Editorial address: 12/1 Gonchamnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 697-66-01

E-mail: philosjournal@iphras.ru

Website: <https://pj.iphras.ru>

В НОМЕРЕ

ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ

- В.И. Молчанов.* Проблемы с проблемой сознания.
Абстракции и псевдоабстракции.....5

СМЫСЛЫ ИСТОРИИ РОССИИ

- В.Л. Шарова.* Проблема кризиса идеалов в политической философии
С.Л. Франка (к 100-летию «философского парохода»).....21
М.Ю. Загирняк. Концепт соборности в философии права Г.Д. Гурвича.....34

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

- В.Л. Иванов.* Онтологическая конституция вещи как *simul totum*
и учение о дистинкциях в «Метафизике» Николая Бонета.....50

ПОИСКИ НОВОГО ЯЗЫКА В ФИЛОСОФИИ

- Н.Н. Сосна.* Поэтика тихого космизма.....70
М.Г. Чистякова, Г.М. Преображенский. Трансформация чувственности
в постантропоцентричном искусстве.....84
А.А. Парамонов. Агентный реализм Карен Барад и концептуализм
Нильса Бора.....100

ЛОГИКА И ФИЛОСОФИЯ

- А.М. Павлова.* Знание и его динамика в интуиционистской логике.....113

ФИЛОСОФИЯ И НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ

- Л.Б. Макеева.* Теория релевантности, прагматика и проблема значения.....125
М.А. Смирнов. Основания, проблемы и перспективы современных концепций
семантической корректности.....140
М.А. Секацкая. Моральные аспекты компатибилизма.....157

ДИСКУССИИ

- А.Н. Фатенков.* Натурный ум в контракте на искусственный интеллект
(полемический отклик на «Эволюцию разума» Рэя Курцвейла).....172

TABLE OF CONTENTS

PHILOSOPHY OF MIND

Victor I. Molchanov. Problems with the problem of consciousness.
Abstractions and pseudo-abstractions.....5

RUSSIA: THE SENSES OF HISTORY

Veronika L. Sharova. The problem of the crisis of ideals in the political philosophy of Semyon Frank (to the 100th anniversary of the “Philosophical steamer”).....21
Mikhail Yu. Zagirnyak. The concept of sobornost’
in the Georges Gurvitch’s philosophy of law.....34

HISTORY OF PHILOSOPHY

Vitaly L. Ivanov. The ontological constitution of *res as simul totum*
and the doctrine of distinctions in *Metaphysica* of Nicholas Bonetus, OFM.....50

IN SEARCH OF A NEW LANGUAGE FOR PHILOSOPHY

Nina N. Sosna. The poetics of gentle cosmism.....70
Marina G. Chistyakova, German M. Preobrazhenskiy.
The transformation of sensuality in postanthropocentric art.....84
Andrey A. Paramonov. Karen Barad’s agential realism
and Niels Bohr’s conceptualism.....100

LOGIC AND PHILOSOPHY

Alexandra M. Pavlova. Knowledge and its dynamics in intuitionistic logic.....113

PHILOSOPHY AND SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Lolita B. Makeeva. The relevance theory, pragmatics and the problem of meaning.....125
Mikhail A. Smirnov. Foundations, problems and perspectives
of the modern conceptions of semantic correctness.....140
Maria A. Sekatskaya. Moral aspects of compatibilism.....157

ACADEMIC DISCUSSIONS

Aleksey N. Fatenkov. Natural intelligence in a counterattack
against artificial intelligence (a polemical response to “How to Create a Mind”
by Ray Kurzweil).....172

ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ

В.И. Молчанов

ПРОБЛЕМЫ С ПРОБЛЕМОЙ СОЗНАНИЯ. АБСТРАКЦИИ И ПСЕВДОАБСТРАКЦИИ*

Молчанов Виктор Игоревич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник. Российский государственный гуманитарный университет. Российская Федерация, 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6; e-mail: victor.molchanov@gmail.com

Проблема сознания рассматривается в статье в двух планах – концептуальном и терминологическом. Исследуется вопрос об истоках неоднозначности философских терминов, и приводятся соответствующие примеры. Основная предпосылка исследования состоит в следующем: абстрагирование работает как различение различий, характеризующих и отделяющих друг от друга виды опыта. Проводится методологическое различие между абстракцией и псевдоабстракцией, которые могут носить одно и то же имя, в данном случае – «сознание». Терминология трактуется как именованное абстракций разных уровней и осуществимых опытов. Термин «сознание» обозначает элемент предельного различия «сознание / предметный мир», абстрагированного из серии различий, характеризующих виды и уровни опыта. Псевдоабстракция формируется из ряда уже существующих значений слова «сознание» вне отношения к осуществимым видам опыта как видам различений. Выделяются две основные альтернативные тенденции в постановке проблемы сознания – структурно-генетическая и феноменологическая. В выделенных тенденциях усматривается общее: неопределенность значения слова «сознание» и его функционирование в качестве псевдоабстракции. Рассматривается также идеологический аспект проблемы. Принцип эмпиризма отождествляется с признанием первичности многообразия опыта как источника абстрагирования. Формулируется альтернатива в постановке и разрешении проблемы единства сознания. Критически анализируется аргументация Гуссерля, посредством которой осуществляется попытка выделить сферу сознания как независимую от любого типа предметности и как самодостаточную. Предметом анализа становится также способ введения Гуссерлем таких терминов, как «сознание», «ощущение», «переживание», «восприятие». Детальному анализу подвергнут мысленный эксперимент Гуссерля, цель которого – доказательство тождества ощущения цвета от действительного и иллюзорного предметов.

Ключевые слова: сознание, абстракция, псевдоабстракция, эмпиризм, многообразие опыта, термин, происхождение, сущность, Brentano, Гуссерль, Кант, Маркс, Мамардашвили, Чалмерс

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00842 «Формирование и трансформация концепций в феноменологической философии. История терминов и дискуссий».

Для цитирования: Молчанов В.И. Проблемы с проблемой сознания. Абстракции и псевдоабстракции // Философский журнал / Philosophy Journal. 2022. Т. 15. № 3. С. 5–20.

Введение

«Понятие сознания», «концепция сознания», «учение о сознании», «философия сознания», «анализ сознания», наконец, «проблема сознания» – все эти словосочетания и само слово «сознание» как будто говорят нам если не о некоей субстанции, или квазисубстанции, то все же об особой сфере, которая занимает исключительно важное место в человеческой жизни и относительно которой уже многие сотни лет создаются учения, концепции и понятия.

Полемика английского эмпиризма с «субстанциями» (и абстракциями) в философии и науке в XVII–XVIII вв. нашла свое мнимое разрешение в трансцендентализме Канта, оказавшем большое и зачастую скрытое влияние на последующую философию и науку. В XIX в. в соответствии с «духом времени» на первый план выходят генетические, исторические и функционально-служебные концепции, которые сохраняют в себе как субстанциализм, так и эмпиризм, только с индексом «квази». Субстанции заменяются псевдоабстракциями, а опыт в его теоретико-познавательном смысле принимает вид отсылки к истории в разных ее вариантах или к лабораторным исследованиям. О происхождении сознания речь идет, во-первых, в плане изначального происхождения (например, в процессе изготовления орудий труда), во-вторых, в плане производства определенного сознания в ту или иную эпоху, в-третьих, в нейрофизиологическом плане (мозг как источник сознания) – последнее становится одним из основных направлений исследования в аналитической философии XX в. При этом поиски истоков связаны, как правило, с признанием служебной, вторичной роли сознания по отношению к выбранной основе основ, будь это гегелевский «дух», марксовское «производство», ницшевская «воля к власти» или никому не принадлежащий мозг. Альтернативой такого рода генетически-структурно-служебного подхода уже в начале XX в. выступает гуссерлевская феноменология сознания, где сознание предстает как самодостаточная сфера. Однако за альтернативой генезиса и самодостаточности скрывается общее: попытка рассматривать сознание как таковое в его происхождении или сущности. Иначе говоря, речь идет о попытке представить имя «сознание» как некое сущее, имеющее определенное происхождение, или как регион бытия, постижимый благодаря безразличию к существованию мира.

В этой связи возникает вопрос более общего характера: какую роль могут играть абстракции и псевдоабстракции в концепциях сознания и иных концепциях? В какой степени могут быть определенными и однозначными термины в философских концепциях? Что означает опыт и эмпиризм как принцип при постановке проблемы сознания?

1. Неоднозначность терминов. Псевдоабстракции и идеологемы

Философская терминология вряд ли может быть однозначной, так как формирование философских текстов и создание терминов происходит в такой языковой среде, для которой характерно взаимопроникновение многих языков – художественной прозы и поэзии, политики и науки, обыденного языка и языков профессиональных и т.д., и, конечно, немаловажную роль играет здесь унаследованная философская терминология, а также стиль и язык философских концепций. Если провести более общее различие – между естественным и искусственными языками, что стало особенно актуальным в наши дни, то философские тексты живут еще по преимуществу в изменяющейся среде естественного языка, в отличие от математики и естествознания, где естественный язык выступает только в качестве вспомогательного средства. Термины в философских концепциях не успевают стать строгими (сюда относится и термин «строгая наука», о значении которого до сих пор спорят), четко отделенными от значений, сформированных в естественном языке. При этом речь идет не только о различии значений отдельных слов, но и о заимствовании различных языков – языка науки (кантовские «пространство» и «время» заимствованы у Ньютона; в позитивизме и неокантианстве ориентация на науку превратилась в задачу), логики (аналитическая философия), литературы («фаустовская культура» Шпенглера), мифологии (Ницше), теологии (в трактате «О сущности человеческой свободы» Шеллинга, в «Логике» Гегеля («мысли Бога»), у Маркса – товар как чувственное-сверхчувственное) и т.д. Сюда же относится использование метафор, сравнений и других языковых фигур (Гуссерль, заимствуя термин «поток сознания» у У. Джеймса и полагая его в качестве обозначения фундаментального слоя сознания в лекциях 1905 г., признает позднее, что это метафора). Как известно, этот же термин с достаточно неопределенным значением фигурирует и в литературоведении, что позволяет в полной мере эксплуатировать это словосочетание при сравнении Бергсона, Пруста, Гуссерля и др. Сюда же относится и обращение авторов философских концепций к художественным текстам как иллюстративным примерам (у Шелера, Сартра и др.). Принципиальная неустранимость неоднозначности философских терминов соответствует невозможности абсолютно точного выражения мыслей. Об этом косвенно говорит Г. фон Клейст, об этом прямо говорит Ф. Брентано: «Полностью мы не охватываем мыслью то, что высказываем, и даже самые строгие мыслители обычно не делают этого, даже при самой точной аргументации»¹.

Неоднозначность философских терминов, вызванная указанным заимствованием, несет в себе как позитивные, так и негативные моменты. С одной стороны, она способствует обогащению и междисциплинарной роли философских текстов, а также их относительной доступности для широкой публики, с другой стороны, это одна из причин формирования псевдоабстракций, распознать которые «по внешнему виду» невозможно. «Сознание» может быть как абстракцией, полезной для определенных исследований, так и фикцией с определенными функциями. Функция терминологии – различающая и одновременно посредническая между естественным языком, определенным видом опыта, к которому непосредственно относится

¹ Брентано Ф. О будущем философии. Избранные труды. М., 2018. С. 22.

термин, и обобщениями, или абстракциями, в рамках определенной концепции (вне концепций термины не существуют). Термин «сознание» обозначает абстракцию как элемент предельного различия «сознание / предметный мир», как результат абстрагирования из серии таких различий, как восприятие/воспринятое, суждение/обсуждаемое, предположение/предполагаемое и др., а также различий другого уровня: внутреннее/внешнее восприятие, многообразие/единство, часть/целое и др., характеризующих соответствующие виды и уровни опыта. Псевдоабстракция, напротив, опирается не на опыт и его серии, но на отбор ряда уже существующих значений слова «сознание» и на уже введенные в различных концепциях термины. Покажем на примере различие между абстракцией и псевдоабстракцией. В ранней феноменологии (Брентано, Гуссерль) термин «восприятие» указывает на различие, определяющее этот опыт, – «акт восприятия / воспринятое». Термин отделяет опыт восприятия от других базисных видов опыта (суждения, эмоции, сомнения, предположения и т.д.) и тем самым косвенно выделяет эту серию опытов, характеризующихся аналогичными различиями. У Брентано «психический феномен» – это термин, обозначающий абстракцию от ряда конкретных психических феноменов, каждый из которых характеризуется соответствующими различиями; Гуссерль вводит в ЛИ² «три понятия сознания», опираясь не столько на опыт, сколько на Юма, Брентано и др., и отсюда вырастает псевдоабстракция, которая впоследствии обрела имя чистого сознания.

Для историко-генетического и одновременно структурно-генетического подхода также характерна указанная неоднозначность и неопределенность, ведущая к псевдоабстракции «сознание». Однако здесь мы имеем дело еще и со специфическими предпосылками, которые у Маркса высказаны более явно и «системно», чем у Ницше и других адептов «вторичности сознания»: «Лишь теперь, после того как мы уже рассмотрели четыре момента, четыре стороны первоначальных, исторических отношений, мы находим, что человек обладает также и “сознанием”»³. Ирония не меняет сути дела: люди могут *рассматриваться* вначале «без сознания», а затем у них можно обнаружить и сознание. Формально здесь речь идет о методе исследования, допускающем использование «производственного» языка как предшествующего языку теории познания и сознания. Однако ранний Маркс предлагает ряд афоризмов и тавтологий, в которых теряется различие между методом исследования и описанием якобы реальных процессов: «Сознание никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием»; «Даже туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса»⁴; «Сознание <...> с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди»⁵. «Сознание» в этих высказываниях, которые имеют в основном критическую направленность и не нацелены на построение теории сознания, имеет неоднозначный смысл: или речь идет или об общественно зависимом характере сознания каждого человека, же о несамостоятельности того, что впоследствии получило название форм общественного

² Здесь и далее ЛИ – «Логические исследования» Э. Гуссерля.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3: Немецкая идеология. М., 1955. С. 29.

⁴ Там же. С. 25.

⁵ Там же. С. 29.

сознания: «Мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают видимость самостоятельности»⁶. «Формы сознания» и «сознание» вместе с перечислением, включившим в один ряд мораль и метафизику, суть явные псевдоабстракции, источник которых – разные значения этих слов (или терминов) в усвоенных (Гегель) и критикуемых концепциях. При новом, ленинском («позитивном») понимании идеологии несамостоятельность форм сознания трансформируется в их служебную роль, а роли распределяются: религия и мораль служат отживающим классам, философия (не метафизика) должна выражать интересы передовых классов. Такого рода идеология содержала в себе парадокс, который подтачивал ее изнутри: с одной стороны, требовалось теоретическое обоснование идеологии (в разное время с разной интенсивностью), с другой – осуществлялся идеологический контроль (включая самоконтроль) за такими обоснованиями. Пропорции содержания и идеологии в текстах советских философов зависели от многих факторов, включая тематику (меньше всего идеологических фраз содержали работы по философским вопросам естествознания), удаленность от Москвы, личные качества и т.д.

Особый случай представляет статья М.К. Мамардашвили «Анализ сознания в работах Маркса»⁷, в которой автор состязался с идеологией на ее поле. Субъективное, условно говоря, направление исследования этого во многих отношениях примечательного текста выдвигает на первый план В.А. Подорога, реконструируя то, что и кому хотел сказать автор, что он зашифровал в «сознании» и кого он имел в виду под именем Маркса. Для меня передним планом исследования является, во-первых, язык текста в аспекте функций псевдоабстракций, во-вторых, идеологическая составляющая текста, предназначенная для широкой публики. Очевидно, что эти направления взаимосвязаны и не имеют абсолютных границ.

Итак, адресаты: «Имя Маркса начинает использоваться как фигура речи, имеющая двойной смысл, посылая сигнал двум адресатам: один – узкому кругу исследователей, соратников и коллег (так называемой “прогрессивной научной общественности”), а другой – властным структурам, к тем, кто непосредственно курировал журнал “Вопросы философии” и играл роль партийного цензора»⁸. Уточнение состояло бы в том, что между этими адресатами не всегда проходила отчетливая граница, если принять во внимание то, что пишет, в частности, о Мамардашвили Подорога: «Будучи в Москве профессором закрытого Института общественных наук, со своим кругом влиятельных друзей и почитателей, он мало зависел от внешней политической ангажированной среды»⁹. Основные методологические установки, которым следовал Мамардашвили, Подорога характеризует следующим образом: 1. «В статье делается попытка совместить и прежде всего на уровне методологических установок “хорошо продуманного” Маркса с основными

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3: Немецкая идеология. С. 25. (Отсюда в СССР сделали известные идеологические и практические выводы.)

⁷ Мамардашвили М.К. Анализ сознания в работах Маркса // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1992. С. 249–268. Впервые опубликована в журнале «Вопросы философии» в 1968 г. (№ 6) в напряженное в идеологическом отношении время.

⁸ Подорога В.А. Топология страсти. Мераб Мамардашвили: современность философии. М., 2020. С. 73.

⁹ Там же. С. 20.

положениями психоанализа З. Фрейда»¹⁰; 2. «На место *бессознательного* он вводит *сознание*»¹¹. Независимо от их истинности или ложности оба тезиса обладают большой эвристической ценностью. Вряд ли можно оспаривать первый тезис, который, однако, требует дополнений. Одно сразу же делает автор: к улучшению Маркса Фрейдом добавляется влияние Альтюсера и косвенно – Лакана. Другое дополнение следует сделать относительно менее заметного присутствия также и гуссерлевской методологии: «Анализ общественно-предметных форм» – это анализ сознания «на уровне человеческой субъективности», в которой «образуется точка отсчета, независимая – в исследовании самого же сознания – от психологически сознательных выражений духовной жизни индивида»¹². Кем или чем она образуется? Вряд ли можно отождествить эту точку отсчета с бессознательным в каком-либо смысле – отсчитывать что-либо от бессознательного едва ли возможно; скорее это аналог гуссерлевской структурно представленной непсихологической субъективности, аналог, позволяющий уравнивать в качестве структурного анализ сознания и анализ «общественно-предметных форм». Во всяком случае, в статье сочетаются не только язык Маркса, в основном язык политической экономии, и язык психоанализа, но и язык феноменологии; слово «феномен» наделяется сразу тройственным значением: «Вообще интересные феномены анализируются Марксом в качестве сознания: “форма товара”, “форма цены”, “цена труда”, “цена капитала”, “форма процента”, “стоимость земли”»¹³. Далее: «Преимущество Маркса, впервые придавшего понятию “феномен” его современный смысл, перед всеми позднейшими феноменологами состоит как раз в том, что он <...> “выходит за феномены”, ищет их причинное происхождение, выявляет социальную систему общения, которую феномены сознания обслуживают»¹⁴. С феноменологической точки зрения, которую Маркс должен был бы прояснить Гуссерлю, обслуживание феноменами своего происхождения – это явный абсурд, но если вместо «социальной системы» подставить «бессознательное», то, видимо, какой-то смысл этому придать можно. Таким образом, не только «сознание», но и «феномен» функционирует как псевдоабстракция, обслуживающая сразу нескольких хозяев. Неопределенность терминов и смешение языков разных типов философских концепций, литературных произведений и научных теорий характеризуют общий стиль М.К. Мамардашвили, который впервые проявился в рассматриваемой статье и стал одной из причин популярности его лекций¹⁵. Если не выходить за рамки данной статьи и не обращаться к более поздним работам Мамардашвили, то второй тезис о замене бессознательного на сознание вряд ли можно считать верным. Бессознательное подразумевается в статье Мамардашвили там, где речь идет (на языке социальной философии) о социально-экономических системах и их сложных дифференциациях. Отношение между явным и подразумеваемым здесь

¹⁰ Подорога В.А. Топология страсти. С. 73.

¹¹ Там же. С. 74.

¹² Мамардашвили М.К. Указ. соч. С. 252.

¹³ Там же. С. 256.

¹⁴ Там же. С. 257.

¹⁵ Мои впечатления от лекций Мамардашвили, которые я слушал в студенческие годы (в частности, в 1969 г. – спецкурс по «Феноменологии духа» Гегеля), были примерно такими же, как их описал Подорога. Однако причину непонимания и его роль в мышлении мы трактовали впоследствии по-разному.

взаимное: сознание указывает на социально-экономическую систему как на бессознательное социальное целое, будучи элементом этого целого и признавая себя его функцией. В свою очередь, бессознательное целое демонстрирует сознанию свою непроницаемость и непознаваемость (элемент не может познать целое), создавая видимость, иллюзии, фетиши.

«Сознание» вводится в статье как нечто само собой разумеющееся, всем понятное и неопределенное, как многозначительная псевдоабстракция, которая так или иначе сводится к установке изучать сознание «по его “предметностям”, по значащим для него объективациям»¹⁶. Но тогда мы имеем дело только с иллюзиями сознания, которые поставляют бессознательно – а в настоящее время вполне сознательно – различные социальные системы.

Третий, «объективный» адресат, не упомянутый Подорогой – это широкий круг читателей журнала, не осведомленных о сложных отношениях сознательной и бессознательной цензуры, которым предназначалась незашифрованная часть статьи – представить Маркса как философа-теоретика сознания, причем на все времена: «Из схем Марксова анализа сознания вытекают элементы <...> теоретической модели социальной обусловленности сознания»¹⁷. Тем самым явно и неявно выполняется одна из основных идеологических задач, поставленных Лениным, – теоретическое обоснование идеологии.

2. «Трудная проблема» и единство сознания

Особый смысл трудностям, связанным с проблемой сознания, придавал четверть века назад Д. Чалмерс. По его мнению, трудность состоит в невозможности объяснить, исходя из одних и тех же предпосылок, объективные процессы и субъективный опыт: «По-прежнему кажется совершенно таинственным то обстоятельство, что продуцирование поведения должно сопровождаться субъективной внутренней жизнью. У нас есть серьезное основание полагать, что сознание порождается такими физическими системами, как мозг, но мы плохо понимаем, как это происходит или почему оно вообще существует. Как такая физическая система, как мозг, могла бы быть еще и *субъектом опыта!*»¹⁸; и далее: «Как оно (сознание. – В.М.) может возникнуть из комка серого вещества?»¹⁹

У Чалмерса нет намерения изучать сознание по его объективациям и т.д., но он впадает в другую крайность: он хочет «напрямую» получить доступ к сознанию, минуя восприятия, мысли и чувства: «Сознание может быть на удивление интенсивным. Это самый яркий феномен; нет ничего

¹⁶ Мамардашвили М.К. Указ. соч. С. 252.

¹⁷ Там же. С. 253.

¹⁸ Чалмерс Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории. М., 2013. С. 9. Перевод уточнен: один из основных терминов Чалмерса – *conscious experience* – передан как «сознательный опыт». Однако речь явно идет об осознанном переживании. (См.: Chalmers D. *The Conscious Mind. In Search of a Fundamental Theory*. N.Y., 1996. P. 3.) Чалмерс обсуждает проблему осознанных и неосознанных переживаний, обращаясь к Декарту, но не упоминает ни Лейбница, у которого намечается проблема неосознанного, ни Brentano, у которого эта проблема рассмотрена подробно. Объем статьи не позволяет мне рассмотреть различие абстракции и псевдоабстракции на примере «переживания».

¹⁹ Чалмерс Д. Указ. соч. С. 19.

реальнее его. И при этом оно может раздражать своей эфемерностью: хорошо известно, как трудно, говоря об осознанном переживании, указать, о чем, собственно, идет речь. «Международный психологический словарь» даже не пытается напрямую охарактеризовать его: «Сознание: наличие восприятий, мыслей и чувств; осведомленность. <...> Сознание – удивительный, но ускользающий феномен»²⁰. Однако позиции Чалмерса и автора статьи «Сознание» сходятся в одном важном пункте: сознание – это феномен, пусть яркий, загадочный, неопределенный, но все же феномен. Уравнивание сознания и конкретных видов опыта по феноменальности приводит к образованию псевдоабстракции: «Высказывания людей о сознании могут быть самыми разными в разное время: от “я чувствую пульсирующую боль” <...> до “проблема сознания крайне сложна”»²¹. Смешение языков здесь очевидно: первое высказывание – об определенном ощущении, второе – об абстракции, которая в этой смеси языков трансформируется в псевдоабстракцию. Уравнивание сознания в качестве проблемы и ощущения боли в феноменальности как раз и вызывает «трудности»: если ощущение и все виды опыта, каталог которых предлагает автор книги, можно соотносить с определенными физиологическими процессами, то для сознания, хотя оно и порождается мозгом, как полагает автор, открыть физиологические законы, в соответствии с которыми происходит это порождение, не удастся. В самом деле, при попытке извлечь абстракцию непосредственно из природы возникают трудности, которые вряд ли можно преодолеть.

«Яркость» феномена сознания затмевает эмпирическое соотношение частей и целого, и проблему единства сознания Чалмерс по-кантовски сводит к вопросу о том, «что делает мои зрительные переживания, слуховые переживания и т.д. переживаниями одного и того же субъекта?»²². При этом предполагается, что «единство сознания соответствует тому факту, что определенная информация доступна для интеграции определенным способом»²³.

Общей предпосылкой и неявным исходным пунктом для многих структурно-генетических концепций явился кантовский радикальный активизм, выраженный в тезисе, которого испугался сам Кант: «Опыт <...> есть первый продукт, который создает наш рассудок, когда он перерабатывает сырой материал ощущений»²⁴. Опыт – это продукт, и разногласия возникали и возникают только по поводу производителя этого продукта. Кантовский трансцендентализм – исходный пункт длинной череды попыток поставить и разрешить проблему единства и целостности сознания на основе таких концептуальных инструментов, как синтез, тождество, воображение, схематизм, спонтанность, жизненность, поток, порыв и др. Единство сознания, понятое как принадлежность ему различных представлений, т.е. его элементов (уже здесь смешение уровней абстракций), выступает в качестве предпосылки и одновременно цели, которая должна быть достигнута структурированием посредством объективных форм, получивших имя субъективных.

²⁰ Чалмерс Д. Указ. соч. С. 19.

²¹ Там же. С. 222–223.

²² Там же. С. 386.

²³ Там же. Перевод уточнен; см.: Chalmers D. Op. cit. P. 309.

²⁴ Kant I. Kritik der reinen Vernunft. Leipzig, 1979. S. 44 (A 1).

Этой тенденции противостоит другая, гораздо менее распространенная. Согласно Ж.-М. Гюйо, «множественность лежит в основе сознания, в особенностях, самопроизвольного сознания. Ощущение есть комбинация многих элементов»²⁵. Согласно Brentano, множественность психических феноменов изначальна и является нам как единство; единство – это феномен, единство является, но не конструируется или формируется посредством предполагаемого центра. Таким образом, речь идет о столкновении двух принципов: или изначальная и универсальная целостность сознания определяет любой опыт в качестве своих частей, или же определенная целостность и определенное единство сознания *эмпирически* образуется из конкретной связи тех или иных актов сознания – определенных восприятий, суждений, эмоций. Путь Гуссерля был переходом от первого ко второму, от концепции Brentano о различии многообразных психических и физических феноменов к учению об интенциональности как сущности сознания, модификациями которой являются все виды опыта. Вопрос теперь в том, какова первичная аргументация, которая обосновывает у Гуссерля независимость сознания от предметности.

3. Принципы, аргументы и опыт

Гуссерль ставит под сомнение эмпирический базис по меньшей мере исходных пунктов своих исследований, предлагая провести строгое различие между сознанием и предметным миром, миром не-сознания, чтобы обеспечить движение исследования исключительно в сфере сознания. В ЛИ, еще до введения термина «феноменологическая редукция», который впоследствии стал обозначать (без всяких на то оснований) само собой разумеющуюся операцию, Гуссерль попытался показать «на опыте» и тем самым доказать независимость сознания как переживания от предметности, на которую направлено это сознание.

Рассмотрим теперь пример Гуссерля, который, по существу, является мысленным экспериментом: «Так, например, в случае внешнего восприятия {цвет как момент ощущения (*Empfindungsmoment Farbe*), который представляет собой реальную (*reell*) составную часть конкретного видения (в феноменологическом смысле – визуального явления в восприятии (*Wahrnehmungerscheinung*))}, есть точно так же “пережитое”, или “осознанное, содержание” как в качестве характерного свойства акта восприятия (*Wahrnehmen*), так и в качестве полного воспринимаемого явления цветного предмета. Напротив, сам этот предмет, хотя он и воспринимается, не переживается, или не осознается; равным образом также не переживается, или не осознается, его воспринятая окраска. Если предмет не существует, если, следовательно, восприятие должно быть критически оценено как обман, галлюцинация, иллюзия и т.п., тогда не существует также и воспринятый, увиденный цвет – цвет предмета. Это различие между нормальным и аномальным, верным и обманчивым восприятием не касается внутреннего, чисто дескриптивного, или феноменологического, характера восприятия. Тогда как видимый цвет, – т.е. цвет, являющийся в визуальном восприятии вместе с являющимся предметом как его качество и положенный вместе

²⁵ Гюйо Ж.-М. Происхождение идеи времени. СПб., 1899. С. 27.

с предметом как налично существующий, – если этот цвет вообще существует, то, конечно, существует не как переживание; между тем ему соответствует в определенном переживании, т.е. в воспринимаемом явлении, некоторая реальная (reell) составная часть. Этому цвету соответствует ощущение цвета, качественно определенный цветовой момент, который в восприятии или в одном принадлежащем собственно ему компоненте восприятия (“явлении окраски предмета”) подвергается объективирующему “схватыванию”»²⁶.

Я привожу гуссерлевский пример полностью, чтобы не только иметь возможность подвергнуть его детальному анализу, но и познакомить читателя со стилем Гуссерля (или напомнить о нем, в зависимости от степени знакомства читателя с ЛИ), который играет немаловажную роль в его рассуждениях. Прежде всего, обратим внимание на терминологический момент, а именно на различие «восприятия» и «осознания» в гуссерлевском описании: предмет воспринимается, но не осознается. Это кажется странным, если не учитывать, что слово «осознается» – это термин, относящийся к первому из трех выделенных Гуссерлем понятий сознания. Речь идет о том, что предмет – это не переживание, как акт или процесс, и он не принадлежит поэтому к связи (а во втором издании ЛИ – уже потоку) переживаний. В первом понятии сознания осознаются только элементы самого сознания, сознание в данном понимании не осознает ничего, кроме «самого себя». Определяя сознание как единство Я-переживаний, а затем как поток переживаний, Гуссерль пытается выйти за пределы Brentano-ского понимания психических феноменов, которые не обладают «имманентной временностью». И все же Brentano-ская концепция содержится здесь «имманентно»: осознание здесь – это внутреннее сознание. Однако терминологически (термин «внутреннее сознание» Гуссерль позаимствовал у Brentano) это выявляется при формулировании второго понятия сознания как «осознания своих переживаний». В попытке избежать явной тавтологии Гуссерль использует здесь выражение «gewahr werden», однако дела это не меняет. Второе понятие сознания Гуссерль полагает более первичным, т.е. осознание своих переживаний (как актов) «первичнее», чем сознание как единство переживаний, ибо единство сознания предполагает осознание своих объединенных элементов. Опять-таки осознание не означает объективацию этих элементов, оно должно объединять все частичные функции в один процесс (или поток). Таким образом, первые два понятия сознания, объединенные в одно, говорят о «внутренней работе» сознания; сознание как бы занято самим собой, и существование или несуществование предметов для сознания безразлично. Однако такой вывод Гуссерль делает уже в приведенном выше примере, который, собственно, должен был сначала иллюстрировать наличие частей-элементов в переживаниях.

После этого предварительного терминологического разъяснения необходимо вернуться к тому, какая исходная проблема мотивирует Гуссерля ввести разные понятия сознания и каким образом Гуссерль вводит первое понятие сознания. Во введении к V исследованию Гуссерль постулирует корреляцию между значениями как идеальными единствами и актами придания значений. Поскольку значения суть «идеально схваченные моменты» актов, возникает задача исследовать акты как источники значений. Основная

²⁶ Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 2. Ч. 1. М., 2011. С. 319.

сфера такого рода исследований – это, по Гуссерлю, феноменология представлений, поскольку, напоминает нам ученик Brentano, не упоминая здесь учителя, «каждый акт или сам есть представление, или имеет представление своей основой»²⁷. Однако Гуссерль полагает, что здесь смешаны две разные проблемы: проблема сущности психического акта не отделена от проблемы разграничения психических и физических феноменов, или, как формулирует здесь Гуссерль, от проблемы отграничения психического домена. Для установления границ между психическим и физическим оправдано применить одно понятие сознания, а для «определения понятия психического акта» – другое. При этом, называя два понятия сознания, Гуссерль тут же выделяет три понятия сознания, и это можно объяснить как раз тем, что первые два объединяются в одно.

Этот пример вводит тему самостоятельности, независимости акта сознания и явления как содержания этого акта от существования или несуществования предмета. В этом аспекте изложение этого примера может быть существенно короче и яснее: если мы воспринимаем цвет как свойство определенного предмета, а потом оказывается, что предмет иллюзорен или у нас галлюцинация, то мы должны признать, что цвет как свойство предмета, в данном случае несуществующего, также не существует. Однако ощущение цвета не исчезает, хотя уже не соотносится с предметом, который разоблачен как иллюзорный. Это ощущение цвета, утверждает Гуссерль, дескриптивно тождественно ощущению цвета, когда мы воспринимали его как свойство предмета. Именно поэтому различие между нормальным и иллюзорным здесь отсутствует, т.е. отсутствует в отношении ощущаемого цвета.

Это рассуждение Гуссерля кажется безупречным и, возможно, поэтому не подвергается анализу в исследовательской литературе. Однако эта аргументация, которая затем повторяется в «Идеях I» в отношении «ноэмы» и лежит в основе метода редукции – основы основ феноменологии сознания, требует критического анализа. Во-первых, необходимо выяснить, на чем основана убедительность гуссерлевского примера. Она основана на различии иллюзорного и принципиально не иллюзорного в процессе внешне-го восприятия; иллюзия не может быть тотальной. Иллюзия соотносится с предметом, который имеет определенную окраску и форму, предмет может ошибочно казаться ближе или дальше, вверху или внизу и т.д., но само ощущение цвета, как и воспринимаемая форма, а также отношения правое-левое, верх-низ, далеко-близко и т.д. не могут быть иллюзорными, они даны, и именно они могут быть названы абсолютными данными. Однако Гуссерль проводит в данном примере не различие, но разделение, причем не только отделяет ощущение цвета от окраски предмета, что вполне верно, но также отрывает цвет от формы. Здесь как раз возникает (риторический, в сущности) вопрос относительно возможности ощущения цвета как такового вне и независимо от чего бы то ни было. Ощутить цвет как таковой, звук как таковой, запах как таковой вряд ли возможно, ибо абстракции или псевдоабстракции в ощущениях не даны. Ясно, что при разоблачении предмета как иллюзорного или галлюцинаторного мы ощущаем цвет в соотношении с какой-либо формой, в каких-то рамках, в каких-то границах. Иначе говоря,

²⁷ Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 2. Ч. 1. С. 316.

перед нами квазипредмет, но все же предметная форма, а не пустое место (это тоже абстракция) или протяженность как таковая.

Во-вторых, эмпирически установить невозможно, будет ли данное «цвет» тем же самым, когда иллюзия разоблачена. Это означало бы задачу установить тождество между описанием ощущения цвета, соотношенного с предметом, который сначала принимается в качестве существующего, и ощущением цвета от чего-то иллюзорного. Установить сходство ощущений цвета не представляет труда, если таковое, конечно, имеет место, но в случае разоблачения иллюзорного предмета сходства может и не быть. При этом тождество ощущений, установленное а priori, оказывается предпосылкой, никак феноменологически не реализуемой. Впрочем, это относится к любому тождеству, и гуссерлевское различие тождества и равенства, которое он по праву проводит, противоречит установлению тождества ощущений при разоблачении иллюзий.

Во-третьих, чтобы установить тождество или даже сходство между двумя ощущениями до и после разоблачения иллюзии, необходима третья позиция, своего рода «третий человек», и эта третья позиция (одного и того же исследователя) для различения-сравнения может лишь установить с очевидностью, что эти ощущения не одновременны и более или менее сходны. Эту третью позицию также вряд ли можно назвать феноменологически реализуемой с точки зрения интуитивизма данности, которого придерживался Гуссерль. Эту третью позицию можно было бы назвать феноменологической только в том случае, если данным считать не цвет и форму, но границы и различия.

Последний и, пожалуй, самый важный момент, который не позволяет принять это рассуждение Гуссерля за описание опыта, связан с неоднозначным употреблением Гуссерлем слова «существование», безразличие к которому (не к слову, конечно, но к «самому» существованию) становится затем основным принципом феноменологии. Гуссерль выдвигает его в качестве обоснования независимости актов сознания от какой бы то ни было предметности: сознание направлено на предмет, но предмет не направлен на сознание, он даже не предоставляет материал ощущений, как у Канта; интенция интерпретирует ощущения (интерпретирует не тексты, но именно ощущения – такова новация Гуссерля), которые содержатся в самом акте. Никаких «материальных» отношений между сознанием и предметом нет, и в ЛИ «материей» Гуссерль называет одну из структур акта.

В «Идеях I» Гуссерль утверждает, что «между сознанием и реальностью поистине зияет пропасть смысла»²⁸. «Реальность» здесь явно отождествляется Гуссерлем с предметностью. Однако предметы в самом деле бывают иллюзорными. Тогда между сознанием и иллюзорным, и в этом смысле нереальным, предметом опять-таки должна зиять пропасть смысла: смысл на стороне иллюзорного предмета, на стороне сознания – придание смысла, т.е. интенциональный акт. Теперь пропасть оказывается между двумя нереальностями: одной – предметной, другой – непредметной (акт сознания). Тем самым теряется смысл противопоставления сознания и реальности.

При этом, утверждая возможность безразличного отношения к существованию или несуществованию предметов, Гуссерль оперирует словом

²⁸ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. I. М., 2009. С. 151.

«существование» как само собой понятным, т.е. неопределенным. Рассматриваемый пример должен также упрочить неоднократно подчеркиваемое Гуссерлем положение, что отношение сознания и предмета не есть отношение двух реальностей. Задача, которую ставит пред собой Гуссерль, двоякого рода: с одной стороны, освободить предметы от синтезирующей навязчивости категориальных структур и получить доступ к «самим вещам», с другой – освободить сознание от каузальной навязчивости предметов, но предметов вне определенного контекста и мира, как, например, этот реальный или иллюзорный предмет с его окраской. Однако прояснение отношения сознания и предметов предполагает прояснение отношения сознания, даже если под сознанием понимать многообразные эмпирически данные акты представления, суждения и т.д., и мира, к которому принадлежат предметы. Мир как горизонт не решает проблему, но только отодвигает ее и уводит в бесконечность. «Горизонт» предполагает сознание, в частности восприятие, в мире, но это нахождение «в-мире» опять-таки требует прояснения. Осуществление интенции в «созерцании» как соприкосновение с предметным вряд ли может служить парадигмой соприкосновения с миром, не обладающим реальностью вещи, но и не иллюзорным. Однако гуссерлевская интенциональность и ноэтико-ноэматические структуры «чистого сознания» имеют дело с предметным и интуитивно данным, даже если это данное категориальное, но не с «мирским» и различенным. Восприятие остается основной структурой и «жизненного мира», и это указывает опять-таки на «предметную» структуру мира.

Вернемся теперь к «существованию» и возьмем обратный пример: манекен оказывается реальным человеком. Вряд ли при этом «данное» останется тем же самым. Различение реального и иллюзорного существования человека как, впрочем, и любого предмета, изменяет как способ восприятия и его эмоциональную окраску, так и сферу возможных суждений, как высказанных, так и невысказанных. С утверждением о неизменности данного, которое должен подтвердить пример с ощущением цвета, связана мысль Гуссерля о равенстве данных ощущений при различной их интерпретации. Гуссерль иллюстрирует эту мысль с помощью другого, гораздо более известного примера с восковой куклой, которую он (и мы, будь мы на его месте в музее восковых фигур) принял за раскланивающуюся даму. Однако оба этих неравнозначных, но аналогичных примера не подтверждают утверждения о равенстве ощущений. Этому равенству противоречит необратимость «интерпретаций»: разоблачив иллюзию, мы уже не можем вернуться к ней как реальности. Приняв человека за манекен и избавившись от этой иллюзии, мы уже не можем увидеть вместо этого человека манекен (если следовать, конечно, буквальному смыслу). Допущение равных самим себе комплексов ощущений сближает позиции Гуссерля и Э. Маха и препятствует как раз доказательству независимости интенциональных актов как интерпретирующих ощущения от предметности, ибо ощущения в чистом виде как раз и не существуют в нормальном мире нормального восприятия. Их можно искусственно выделить и тем самым создать.

Заключение

При всем различии структурно-генетических теорий между ними существует сходство относительно определенных предпосылок: человека можно рассматривать как часть природы, как производящий средства к жизни элемент социальной системы или как информационную систему (и даже всю вселенную объявить такой системой и признать виртуальный мир реальным) без всякого субъективного опыта, а затем пытаться обнаружить причины еще и сознания.

Принцип эмпиризма как принцип изначального многообразия «субъективного» опыта (каким еще может быть опыт – «объективным», т.е. независимым от опыта?) говорит как раз об обратном: ключ к познанию как социальных структур и процессов, так и мозга находится в том самом «субъективном опыте», который они якобы производят, а именно в коммуникативных исследованиях, которые опираются не на некий общий мозг, но на общую дискуссию и усматривают свои истоки не в тех социальных отношениях, которые являются их предметом, но в наличных когнитивных и дискурсивных парадигмах. (Интересно, откроют ли через «двести тысяч лет» (дата заимствована у А.П. Чехова), какая функция мозга обеспечивает мысль, что сознание – это функция мозга? Можно ли тогда будет считать эту мысль самосознанием мозга?)

С другой стороны, бестелесно-трансцендентальная сфера как таковая ближе искусственному интеллекту, чем человеческому. Во всяком случае, ни в кантовских трансцендентальных структурах познавательной способности, ни в гуссерлевских ноэтико-ноэматических структурах *чистого сознания* нет ничего, кроме гилеморфизма, что можно было бы отнести к человеческому опыту.

Принцип эмпиризма как принцип первичного многообразия опыта возвращает нас от псевдоабстракций к естественному языку как универсальному средству описания опыта и к человеческому миру. Многообразие опыта не сводится только к многообразию восприятий, суждений, желаний, мыслей, разочарований и т.д., но в развитой форме включает в себя опыт ученичества и обучения, аргументации и убеждения, отрицания и отказа, социально значимого действия, *признания* определенных правил и норм коммуникации и т.д.

Первичное многообразие опыта не дано посредством органов чувств и не определяется категориально рассудком или другими «высшими силами». Тем более оно не выводится логически из какого-либо высшего основания. Это первичный факт свободного пространства, который постоянно побуждает к воспроизводству своей фактичности.

Список литературы

- Брентано Ф. О будущем философии. Избранные труды / Пер. с нем. Р.А. Громова. М.: Академический проект, 2018. 629 с.
- Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. I / Пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Академический проект, 2009. 489 с.
- Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 2. Ч. 1 / Пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: Академический проект, 2011. 565 с.

- Гюйо Ж.-М. Происхождение идеи времени / Пер. с фр. И.К. Брусиловского. СПб.: Народная польза, 1899. 80 с.
- Мамардашвили М.К. Анализ сознания в работах Маркса // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс: Культура, 1992. С. 249–268.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3: Немецкая идеология / Пер. с нем. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 629 с.
- Подорога В.А. Топология страсти. Мераб Мамардашвили: современность философии. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. 352 с.
- Чалмерс Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории / Пер. с англ. В.В. Васильева. М.: УРСС: ЛИБРОКОМ, 2013. 512 с.
- Chalmers D.J. The Conscious Mind. In Search of a Fundamental Theory. N.Y.: Oxford University Press, 1996. 414 p.
- Kant I. Kritik der reinen Vernunft. Leipzig: Reclam, 1979. 1022 S.

Problems with the problem of consciousness. Abstractions and pseudo-abstractions*

Victor I. Molchanov

Russian State University for the Humanities. 6 Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russian Federation; e-mail: victor.molchanov@gmail.com

The problem of consciousness is explored in the article from conceptual and terminological perspective. The question of the origins of the ambiguity of the relevant philosophical terms is discussed and relevant examples are given. The basic premise of the study is the assertion that abstraction works as a differentiation of differences that characterize and separate kinds of experience. A methodological distinction is made between abstraction and pseudo-abstraction, which can bear the same name, in this case “consciousness”. Terminology is interpreted as naming of abstractions of different levels and of realizable experiences. The term “consciousness” denotes an element of the ultimate distinction “consciousness/objective world”, abstracted from a series of distinctions that characterize the types and levels of experience. Pseudo-abstraction is formed from a series of pre-existing meanings of the word “consciousness” without regard to realizable types of experience as types of distinctions. There are two main alternative trends in the formulation of the problem of consciousness – structural-genetic and phenomenological. The highlighted tendencies have something in common: the vagueness of the meaning in the use of the word “consciousness” and its functioning as a pseudo-abstraction. The ideological aspect of the problem is also considered. The principle of empiricism is identified with the recognition of the primacy of the diversity of experience as the source of abstraction. An alternative is formulated concerning the problem of the unity of consciousness. Husserl’s argumentation, through which an attempt is made to single out the sphere of consciousness as independent of any type of objectivity and as self-sufficient is analyzed, as well as the way he introduces such terms as “consciousness”, “sensation”, “experience”, “perception” “intentionality”. Husserl’s thought experiment, the purpose of which is to prove the identity of the sensation of color from a real and illusory object, is subjected to a detailed analysis.

Keywords: consciousness, abstraction, pseudo-abstraction, multiformity of experience, empiricism, term, origin, essence, Brentano, Husserl, Kant, Marx, Mamardashvili, Chalmers

For citation: Molchanov, V.I. “Problemy s problemoi soznaniya. Abstraktsii i psevdo-abstraktsii” [Problems with the problem of consciousness. Abstractions and pseudo-abstractions], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2022, Vol. 15, No. 3, pp. 5–20. (In Russian)

* The reported study was funded by RFBR, project No. 20–011–00842 “Formation and Transformation of concepts in Phenomenological Philosophy. History of Terms and Discussions”.

References

- Brentano, F. *O budushchem filosofii. Izbrannye trudy* [On the future of philosophy. Selected works], trans. by R.A. Gromov. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2018. 629 pp. (In Russian)
- Chalmers, D. *Soznayushchii um. V poiskakh fundamental'noi teorii* [The Conscious Mind. In search of fundamental theory], trans. by V.V. Vasiliev. Moscow: URSS Publ.; LIBROKOM Publ., 2013. 512 pp. (In Russian)
- Chalmers, D.J. *The Conscious Mind. In Search of a Fundamental Theory*. New York: Oxford University Press, 1996. 414 pp.
- Guyau, J.-M. *Proiskhozhdenie idei vremeni* [Origin of the idea of Time], trans. by I.K. Brusilovsky. St. Petersburg: Narodnaya pol'za Publ., 1899. 80 pp. (In Russian)
- Husserl, E. *Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii* [Ideas towards pure phenomenology and phenomenological philosophy], Book I, trans. by A.V. Mikhailov. Moscow: Akademicheskii proekt Publ, 2009. 489 pp. (In Russian)
- Husserl, E. *Logicheskie issledovaniya* [Logical investigations], Vol. 2, Pt. 1, trans. by V.I. Molchanov. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2011. 565 pp. (In Russian)
- Kant, I. *Kritik der reinen Vernunft*. Leipzig: Reclam, 1979. 1022 S.
- Mamardashvili, M.K. "Analiz soznaniya v rabotakh Marksa" [Analysis of consciousness in the works of Marx], in: M.K. Mamardashvili, *Kak ya ponimayu filosofiyu* [How I understand philosophy]. Moscow: Progress Publ.; Culture Publ., 1992, pp. 249–268. (In Russian)
- Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya, T. 3: Nemetskaya ideologiya* [Works, Vol. 3: German ideology]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955. 629 pp. (In Russian)

СМЫСЛЫ ИСТОРИИ РОССИИ

В.Л. Шарова

ПРОБЛЕМА КРИЗИСА ИДЕАЛОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ С.Л. ФРАНКА (К 100-ЛЕТИЮ «ФИЛОСОФСКОГО ПАРОХОДА»)

Шарова Вероника Леонтьевна – научный сотрудник сектора философии российской истории. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: veronika.sharova@gmail.com

Предмет статьи – проблема кризиса идеалов, порожденных европейским Просвещением и эпохой модерна, в интерпретации русских мыслителей первой трети XX в. С опорой на концепцию С.Л. Франка проанализировано соотношение общественно-политических идеалов Просвещения на русской почве и ложных «кумиров», приведших Россию и Европу к беспрецедентной эскалации зла в начале XX столетия. Особое внимание уделяется предположению, согласно которому идеалы демократии как подлинного народовластия в результате не критичного воплощения в жизнь приводят к революционному насилию и дальнейшему воспроизводству тирании. Рассматриваются два варианта демократии у Франка: «подлинный», имеющий в основе идею бескорыстного служения правде, и «ложный», ориентирующийся на тоталитарную утопию, принципиально враждебную свободе. Анализируются также взгляды Франка на феномен «кумира культуры», опирающегося на идею линейного прогресса и не способного удержать Россию и Европу от срыва в варварство и даже во многом способствовавшего этому срыву. Делается вывод, что С.Л. Франк, будучи одновременно христианским философом и политическим мыслителем, стал одним из относительно немногих (наряду, например, с Ф. Степуном и В. Вейдле), но значимых проводников русской культурной традиции в Европе и европейской – в России, т.е. подлинным «русским европейцем».

Ключевые слова: русская философия, политическая философия, философия истории, общественный идеал, кризис идеалов, Россия и Европа, русские европейцы, культура и цивилизация, цивилизация и варварство, христианство, Франк

Для цитирования: Шарова В.Л. Проблема кризиса идеалов в политической философии С.Л. Франка (к 100-летию «философского парохода») // Философский журнал / Philosophy Journal. 2022. Т. 15. № 3. С. 21–33.

В истории русской философской и общественно-политической мысли есть ряд сюжетов, сохраняющих свою актуальность во все исторические эпохи, при любом правлении, в периоды редкого спокойствия и на этапах «турбулентности». С фундаментальным вопросом «Что есть Россия?» (или, иначе,

«Как возможна Россия?»¹⁾ неразрывно связан еще один: к чему она стремится как к некоему пределу собственной идентичности? То есть, переформулируя: каков *общественный идеал* применительно к российскому историческому опыту?

Тематика идеала личного и общественного очевидно шире методологических возможностей и исследовательской практики какой-либо одной научной дисциплины: начиная с Античности этот метасюжет привлекал внимание социальных и политических мыслителей, историков, литераторов. Русская философия истории с момента своего зарождения²⁾ задавалась и по сей день задается вопросом, каким образом концептуально осмыслен и практически осуществим (и осуществим ли вообще) общественный идеал в перспективе исторической судьбы России.

Ситуация, сложившаяся в российском обществе после революции 1917 г., проблематизировала вопрос общественного идеала принципиально новым образом. Как и вся страна в целом, русское интеллектуальное сообщество оказалось идейно расколотым вследствие свершившегося переворота. На фоне «большого исторического нарратива» закономерен внутренний, личностный раскол, который пережили некоторые представители этого сообщества: те, кто сначала с надеждой или даже с восторгом приняли революцию, а спустя некоторое время признали в ней величайшую катастрофу, угрозу не только политическим, но и культурным основам человеческого общежития. Среди таких мыслителей был и Семен Людвигович Франк.

В первую очередь Франк известен как религиозный, православный мыслитель. Но в этой работе мы сосредоточимся на политическом и историческом аспектах его философии³⁾.

Небольшая статья Франка «Демократия на распутье» опубликована в апреле 1917 г., в промежутке между двумя этапами революционных преобразований, масштаб которых не вызывает у философа сомнений: всё свершившееся на его глазах он характеризовал как «огромной важности государственное строительство новой России», причем строительство, происходившее «быстро и успешно»⁴⁾. Франк уже и на этом этапе выражал сомнения относительно выбора пути, осмысленности этого стремительного

¹⁾ Кара-Мурза А.А. Как возможна Россия? М., 1999.

²⁾ Уже на рубеже XVIII–XIX вв. писатели-философы Н.М. Карамзин и А.И. Вяземский, путешествуя по Европе, соотносили отечественный опыт общественно-политического устройства с европейским, намечая в результате своих наблюдений социальные ориентиры – «общественные идеалы» для государства и человека. Подробнее см.: Кара-Мурза А.А. «Политическая свобода» versus «свобода от политики»: европейские странствия Карамзина как прототип русских поисков общественного идеала // Общественный идеал как проблема русской философской и политической мысли. К 65-летию профессора А.А. Кара-Мурзы. М., 2021. С. 139–156.

³⁾ Представляется, что политическое наследие Франка остается по сей день в значительной степени недооцененным; в частности, как замечает в связи с этим обстоятельством С.В. Акопов, фактически забытыми на долгое время оказались «ряд оригинальных работ С. Франка, раскрывающих теоретические истоки феноменов власти, деспотизма, политической свободы и ответственности, демократии, социализма, ряд трудов, посвященных политическому наследию А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского». В настоящей статье мы не ставим перед собой амбициозных целей заполнить эту лауну, однако считаем важным привлечь внимание к данной проблеме. Подробнее см.: Акопов С.В. С.Л. Франк как политический мыслитель. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2001.

⁴⁾ Франк С.Л. Демократия на распутье // Франк С.Л. Избранные труды. М., 2010. С. 163.

движения вперед; ведь радикальные перемены, полагал он, совершались скорее «непосредственным инстинктом национального самосохранения, чем ясными, продуманными идеями»⁵.

С одной стороны, демократия – подлинный идеал народовластия – изначально была заявлена идеологами революции в качестве главной цели, в качестве наглядного и безальтернативного противовеса былому угнетению народа. С другой – наиболее проникательные свидетели революции не могли не тревожиться за судьбу демократии, оказавшейся на распутье в момент исторического выбора между сценарием реформ и сценарием революции, между созидательным и разрушительным началами в дальнейшем развитии России. В иррациональности, неосознанности государственного строительства нового образца Франк усматривал серьезную опасность: обратной стороной «благотворной силы» «стихийного инстинкта... свободы, порядка, совести и служения родине»⁶ философ видел самые низменные его проявления в формах «классовой вражды, бунтарства, слепой мстительности, самоуправства, индифферентизма к судьбе родины, недоверия к власти и к культурным слоям общества»⁷. В истории России, впрочем, такое бывало и прежде: не случайно Франк вспоминает пушкинский образ народного бунта, бессмысленного и беспощадного⁸.

Ключевым моментом, по Франку, является понимание свободы как идеала общественного бытия и как собственно природного свойства человека. В подавлении свободы во имя диктатуры (пусть даже и «диктатуры пролетариата») намечается путь, противоположный общественному и личному идеалу, ведущий лишь к насилию и произволу. В этой бинарной оппозиции – свобода/произвол – обнаруживает себя моральная составляющая политической философии Франка, которая развивается в последующих работах философа⁹. Приведем один пример: в работе 1918 г. с говорящим названием «De Profundis» Франк рассуждает о судьбе идеалов, на первый взгляд, предельно пессимистично: «...мы судорожно цепляемся за жалкие, замирающие в нашем сознании остатки старых идей, понятий и идеалов и это бесплодное и бездейственное трепыхание чувств, желаний и слов во мраке смерти принимаем за политическую жизнь»¹⁰ – так в его трактовке выглядит собирательный образ русских интеллигентов-«веховцев». И все же в этой статье, финальной в книге «Из глубины», «символически завершившей» трилогию, начинавшуюся сборником «Проблемы идеализма», Франк выражает веру в возможность возрождения России, возлагая надежды уже не столько на внешние, политические перемены, сколько на духовное обновление:

...первым условием этого возрождения должно быть полное, окончательное осознание как всей глубины нашего падения, так и его последних, подлинно-реальных духовных причин... Силою свободной мысли и совести – которых не могут отнять у нас никакие внешние бедствия, никакой

⁵ Франк С.Л. Демократия на распутье. С. 163.

⁶ Там же. С. 164.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 165.

⁹ О взглядах С.Л. Франка на проблему демократии в контексте моральной философии см. также: Аляев Г.Е., Резвых Т.Н. С.Л. Франк о религиозном смысле и нравственной основе демократии // Вестник ПСТГУ. Сер. 1: Богословие. Философия. 2019. № 82. С. 111–127.

¹⁰ Франк С.Л. De Profundis // Франк С.Л. Избранные труды. М., 2010. С. 170.

гнет и произвол – мы должны возвыситься над текущим мигом; понять и оценить кошмарное настоящее в связи со всем нашим прошлым, в свете не мигающих, блуждающих огоньков болотных испарений, а непреходящих, сверхвременных озарений человеческой и национальной жизни¹¹.

Как и в более ранней статье на ту же тему, опубликованной по следам Первой русской революции 1905 г.¹², в 1917 г. Франк обосновывает подлинно религиозный, христианский смысл демократии как идеала общественной жизни: религиозный идеал народовластия, по мысли философа, – это идеал «всемирного свободного строительства высшей правды на земле»¹³. Именно в силу такой своей природы демократия не сообразна ни самоуправству, ни насилию, истоком которых неизбежно является «самодовлеющее хозяйничанье народа, не ведающего узды для своих вожделий»¹⁴. Всякая власть, заключает Франк, должна сводиться к служению «высшей правде»; ответственность демократического устройства в этом смысле еще выше.

Но демократия как «подвиг» – лишь один из двух возможных вариантов; очень легко (и история России, увы, наглядно показала это) идеалы народовластия и справедливости способны становиться кривым отражением самое себя – *идолом* вместо *идеала*, говоря словами Владимира Соловьева¹⁵. Другой путь демократии, который описывал Франк, «путь материалистического непонимания»¹⁶, по сути, ведет к охлократии, балансирующей между тиранией и анархией. Различение этих «двух исконно противоположных и противоборствующих нравственных идеалов» лежит не в политической, но в нравственной плоскости. В первую очередь эта грань должна быть осознана и осмыслена интеллигенцией, приходит к выводу философ.

Интересно, что несколько позже, в 1923 г., выходит в свет статья П.И. Новгородцева под тем же названием, «Демократия на распутье»¹⁷. В этой работе, представляющей собою довольно обстоятельное исследование феномена демократии, выдающийся русский правовед говорит о ней как о состоявшейся реальности, выразительной примете современной ему политической жизни. Вместе с тем он указывает на характерные обобщения, которые за относительно короткий срок укоренились в общественных науках по поводу демократии и сменяли друг друга: разочаровавшись в представлениях о неизбежно грядущем торжестве демократии, европейские и русские интеллектуалы уверились в ее хрупкости и уязвимости.

Между тем, приходит к выводу Новгородцев, оба взгляда на демократию ошибочны. Возлагать избыточные надежды на немедленное торжество идеалов демократии вследствие крушения самовластия – значит не понимать самой сути демократии. Эту суть Новгородцев усматривал в постепенном улучшении, как мы бы сегодня сказали, «человеческого капитала»:

¹¹ Франк С.Л. De Profundis // Франк С.Л. Избранные труды. М., 2010. С. 171.

¹² Франк С.Л. Молодая демократия // Франк С.Л. Полное собрание сочинений. Т. 2: 1903–1907. М., 2019. С. 404–417.

¹³ Франк С.Л. Демократия на распутье. С. 165.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Соловьев В.С. Идолы и идеалы // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. 2-е изд. СПб., 1911–1914. С. 366–401.

¹⁶ Франк С.Л. Демократия на распутье. С. 166.

¹⁷ См.: Новгородцев П.И. Демократия на распутье // София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии. Берлин, 1923. С. 93–107.

по Новгородцеву, демократия невозможна без «воспитания народа, без поднятия его нравственного уровня». Здесь заметно сближение теоретических позиций либеральных центристов Франка и Новгородцева, для которых не были характерны ни левый радикализм, ни «западная политическая догматика»¹⁸.

Более того, демократия и является идеалом, потому что она неосуществима как конечный результат, но возможна лишь как постоянный процесс: «демократия, вообще говоря, есть не путь, а только распутье, не достигнутая цель, а проходной пункт»¹⁹. Следовательно, продолжая рассуждения в логике П. Новгородцева, *молодая демократия* – не что иное, как оксюморон...

Итак, русская демократия – а с учетом вышесказанного и не демократия вовсе, а особый общественно-политический строй пореволюционной России, – пойдя по второму пути, в критически мыслящей интеллигенции нуждаться перестала довольно быстро. В конце сентября 1922 г. из Петрограда вышел пароход «Oberbürgermeister Naken» и взял курс на немецкий Штеттин. Одним из его пассажиров был и Семен Франк, Россию покидавший, по свидетельству его жены, со слезами²⁰.

С точки зрения географии этот период жизни и творчества – то, что Ф. Степун позже назвал «первопризывной эмиграцией»²¹, – не был для Франка шагом в неизвестность: Германия была хорошо знакома ему еще с дореволюционных лет; да и в целом философский метод Франка, интонация его работ, по замечанию Г. Аляева, позволяют называть Франка «не только самым немецким из русских философов, но и подлинно русским философом в немецком смысле этого слова»²². Концепция общественного идеала Франка также сформировалась отчасти под влиянием классической немецкой философии – Фихте, Гегеля, Шеллинга²³.

В 20-е гг. XX в. не только для России, но и для Европы вопрос ценностей, ориентиров, идеалов был насущным; оптимистичный, но во многом наивный прогрессизм предыдущего столетия, вдохновленный идеями Просвещения), не мог не вызывать сомнений прежде всего у тех мыслителей, для кого идеалы гуманизма и свободы личности оставались приоритетными. К их числу принадлежал и Франк; «крушению кумиров» посвящена одноименная книга, в основу которой легла речь, произнесенная на съезде Русского студенческого христианского движения в немецком городе Саарове в 1923 г.

Отправной точкой размышлений философа является убежденность в том, что европейские идеалы, сформированные Просвещением и модерном, уже не могли выступать в качестве таковых, перестали быть константами: ориентироваться на них, жить по этим заветам более не представлялось возможным. «Все старые – или, вернее, недавние прежние – устои и формы

¹⁸ Матюхин А.В. Принцип политического релятивизма в творчестве П.Н. Новгородцева и С.Л. Франка // Вестник МГОУ. Сер.: История и политические науки. 2015. № 2. С. 180–188.

¹⁹ Там же.

²⁰ Цыганков А.С., Оболевич Т. Немецкий период философской биографии С.Л. Франка (новые материалы). М., 2019. С. 35.

²¹ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Т. 2. Нью-Йорк, 1956. С. 429.

²² Аляев Г.Е. О философском методе С. Франка (феноменология не по Гуссерлю) // Идеиное наследие С.Л. Франка в контексте современной европейской культуры. М., 2009. С. 28.

²³ Рыбина Л.Б. Проблема общественного идеала в философии С.Л. Франка. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Курск, 2016. С. 13.

бытия гибнут, жизнь беспощадно отменяет их, избобличая если не их ложность, то их относительность; и огненные нельзя уже построить своей жизни на отношении к ним». Это замечание Франка – лейтмотив книги. Находясь в самом сердце Европы, в стране, несколько веков задававшей тон философской мысли и культуре, в том числе российской, Франк размышлял о духовном облике поколения, оказавшегося на перепутье. Туда его привели война и революция, равных которым не было в истории. Но каков дальнейший путь? Обновление и даже перерождение человека в эту беспрецедентную эпоху, полагал философ, возможно лишь «через крушение или гибель всех кумиров, которыми была соблазнена душа русского интеллигента XIX в. и поклонением которым еще в значительной мере доселе живет западноевропейское человечество»²⁴.

Франк последовательно перечисляет и развенчивает идеалы, которым излишне доверились если не все, то, по крайней мере, «преобладающее большинство русских людей из состава т. наз. “интеллигенции”»²⁵. Это идеал политического – революционного – преобразования, идеал служения народу, идеал прогресса культуры.

Политическая свобода, полагал Франк, до поры до времени представлялась панацеей, причем не только от зла собственно политического, но и от зла вообще, понимаемого с нравственных позиций: «...не только добро или нравственный идеал совпадал с идеалом политической свободы; наука, искусство, религия, частная жизнь – все подчинялось ему же». Это касается и России, русских интеллектуалов, которые, по словам Франка, в определенный период (с 1860-х гг.) вдруг предпочли Пушкину Некрасова, не простив первому «ни его камер-юнкерства, ни веры в самодовлеющую ценность искусства»²⁶. Свидетель революции, Франк высказывается против абстрактного идеала политических преобразований, за которыми, помимо их абсолютной новизны, ничего нет.

Сходной была и ситуация с культом народа, на формирование которого идеи, пришедшие из Европы, оказали самое непосредственное влияние: речь в первую очередь идет о руссоизме и о последствиях этой доктрины. Наследие Руссо обрело немало последователей и на русской почве: от философских идеалов равенства и братства путь к революции оказался, по историческим меркам, коротким. По этому пути «уйти от “ликующих, праздно болтающих, обгарывающих руки в крови” в стан “погибающих за великое дело любви”, объявить власти и всем врагам народа беспощадную войну: другими словами, это значило стать революционером»²⁷, резюмирует Франк. В 1923 г. было уже вполне очевидно, к чему привела эта очарованность идеалом народа – далеким от народа настоящего, действительного...

И все же даже в это время, когда и в стане русской интеллигенции никакого единства не наблюдалось (речь уже не только о тех, кто остался «там» и уехал в Европу или Новый Свет, но и об идейном расколе в эмигрантской среде)²⁸, Франк возлагал надежды, полагая, что «интеллигенция должна до

²⁴ Франк С.Л. Крушение кумиров // Франк С.Л. Соч. М., 1990. С. 114.

²⁵ Там же. С. 116.

²⁶ Там же. С. 117.

²⁷ Там же. С. 120.

²⁸ См., например: Углева А.В. Об ответственности интеллектуала (Еще раз об И.А. Ильине) // Общественный идеал как проблема русской философской и политической мысли. К 65-летию профессора А.А. Кара-Мурзы. М., 2021. С. 268–289.

конца осознать свое назначение как совести и разума народа. Свое дело она должна понять не как служение интересам рабов и угнетенных, которых больше нет, а как служение идеалу правды и добра во всенародном сознании»²⁹.

Ложно понятые идеалы революции и народа Франк рассматривает в единой оптике «политического фанатизма вообще». В этом контексте особенно важен образ *утопии*. Утопией Франк называет и социализм, воплощаемый в жизнь и в предельном своем воплощении губительный для общества. Эта последовательность – от теории к практике и от идеалов свободы к жесточайшей тирании – закономерность и судьба не только русской революции, но и всякой революции вообще, полагает философ³⁰. Франк не был одинок в подобной трактовке революции как политического события и идейного феномена: уместно вспомнить хотя бы соответствующую концепцию Н.А. Бердяева, сопоставившего утопию и «трагедию человеческого существования»³¹: по Бердяеву, марксизм – утопия не социальная, но духовная, и попытка реализовать ее на практике приведет лишь к умножению «трагизма жизни», но никак не к устранению последнего.

Негативизм утопии не в том, что она неосуществима, уточнял Бердяев, – напротив, она осуществляется достаточно последовательно, но лишь в искаженном и даже извращенном виде. Главная же опасность для человека и общества заключается в том, что «утопия всегда тоталитарна... всегда враждебна свободе»³². Попытка приблизить к реальной жизни отвлеченный миф не только бесплодна, но и опасна, как и любая попытка найти «абсолютное добро и абсолютный смысл» (курсив автора. – В.Ш.), которая, по Франку, неизбежно приводит к торжеству зла и неправды³³. Философ предлагает читателю обратить мысленный взор к истории и увидеть там

парадоксальный, но воочию явственный факт... все горе и зло, царящее на земле, все потоки пролитой крови и слез, все бедствия, унижения, страдания, по меньшей мере на 99% суть результат воли к осуществлению добра; фанатической веры в какие-либо священные принципы, которые надлежит немедленно насадить на земле, и воли к беспощадному истреблению зла³⁴.

Характерно, что и революцию, и политическое в целом Франк непосредственно увязывает с «кумиром» культуры – со специфическим толкованием культуры, тесно связанной с понятием прогресса. С одной стороны, разочарование в идеалах линейного научно-технического прогресса (которые, по замечанию М.М. Федоровой, не только стали фундаментом мироощущения человека Нового времени, но и повлияли на формирование социальных и политических практик³⁵) в описываемый период если стало

²⁹ Франк С.Л. Демократия на распутье. С. 167–168.

³⁰ Франк С.Л. Крушение кумиров. С. 126.

³¹ Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. Париж, 1951. С. 155.

³² Там же. С. 158.

³³ Подробнее о соотношении идеала, мифа и утопии см.: Кантор В.К. Русская революция, или Вера в кумиры (размышления над книгой С.Л. Франка «Крушение кумиров») // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 109–124.

³⁴ Франк С.Л. Крушение кумиров. С. 128.

³⁵ Федорова М.М. Историческое сознание эпохи модерна и политическая проективность // Полилог / Polylogos. 2021. Т. 5. № 2. DOI: 10.18254/S258770110015839-4. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110015839-4-1> (дата обращения: 29.06.2021).

не мейнстримом для европейских интеллектуалов, то, во всяком случае, стало заметно в спектре настроений. С другой же «настолярную книгу» апологетов подобных идей – «Закат Европы» Освальда Шпенглера – Франк отчасти критиковал, отдавая должное выразительному стилю и интуитивной проницательности автора, но не глубине и последовательности его мысли³⁶.

Основную проблему Франк видел не в том, что «старые» европейские идеалы плохи, но в том, что современными ему европейцами они последовательно извращаются, переходя в свою дурную противоположность. Это постепенное, но в 1920-е гг. уже заметное скатывание в варварство для русского европейца Франка более чем тревожный симптом.

Культура для философа – не абстрактная среда; при том, что она выступает в качестве объективного «социального факта» (пользуясь термином Дюркгейма), важнейшая ее характеристика заключается в том, что она всегда соотносена с человеком, с личностью. Эту гуманистическую линию в своих воззрениях на философию культуры Франк развивал уже в 1905 г. в статье, написанной в соавторстве с П.Б. Струве: «...свобода личности есть первое и существеннейшее условие культуры... задача личности – творить культуру, озарять землю светом идеала, а задача культуры – беречь личность», вполне в духе классической доктрины либерализма утверждали авторы³⁷.

При этом подчеркивается диалектический характер взаимоотношений личности и культуры, их противоборство и одновременное взаимное развитие в процессе преодоления «энтропии» изначального состояния бытия: в определенном смысле «идея культуры чисто логическим путем вступает в столкновение с идеей личности». Происходит это вследствие того, что культура – «творчество, сознательное и намеренное преобразование действительности в соответствии с идеалами, замена стихийного, от человека не зависящего состояния вещей, разумно и целесообразно выработанными условиями и формами духовно-общественного бытия. Культура есть гуманизация, подчинение стихии природной, как и стихии общественной, духу мыслящего человечества, борьба сознания и воли с древним хаосом»³⁸.

То, что Европа и Россия в XX в., напротив, отдали себя на волю хаосу и дегуманизации, уже в первой трети столетия продемонстрировали война, в которой не оказалось победителей³⁹, и революция, совершившаяся, как отмечалось выше, во имя химеры – враждебной свободе утопии. Франк констатирует, что к 1920-м гг. разочарование и апатия в отношении того, что менее десятилетия назад казалось естественным и очевидным, укрепились как в русском сознании, так и в европейском. Технический прогресс, содействующая ему наука продемонстрировали свою сущностную пустоту, свое, если можно так выразиться, духовное нищенство. С другой стороны, это разочарование

³⁶ Франк С.Л. Кризис западной культуры // Освальд Шпенглер и Закат Европы. М., 1922. С. 34–54.

³⁷ Франк С.Л. Очерки философии культуры (совместно с П.Б. Струве) // Струве П.Б. Избранные сочинения. М., 1999. С. 139–140.

³⁸ Там же. С. 142.

³⁹ Еще в 1914 г. Франк противопоставлял *Германию Гёте* современной ему воюющей Германии; война, таким образом, велась не между Востоком и Западом и не против национального противника, но против безыдейного и безрелигиозного национального самознания, обретая тем самым духовный смысл: за подлинную германскую и европейскую культуру (Франк С.Л. О поисках смысла войны // Русская мысль. 1914. № 12. С. 126–127).

стало во многом естественным следствием ложных надежд на постоянное, неуклонное совершенствование:

...человечество вообще, и европейское человечество в частности, – вовсе не непрерывно совершенствуется, не идет неуклонно по какому-то ровному и прямому пути к осуществлению добра и правды. Напротив, оно блуждает без предуказанного пути, подымаясь на высоты и снова падая с них в бездны, и каждая эпоха живет какой-то верой, ложность или односторонность которой потом изобличается <...>

Мы поняли, что нельзя говорить о какой-то единой культуре и преклоняться перед нею, разумея под ней одинаково и творчество Данте и Шекспира, и количество потребляемого мыла или распространенность крахмальных воротничков, подвиги человеколюбия и усовершенствование орудий человекоубийства...⁴⁰

Так обосновывает философ свой критический взгляд на концепцию линейно направленного, механистического прогрессизма вместо подлинного прогресса, т.е. естественного развития в разнообразии. И резюмирует свою мысль в формулировке вполне однозначной: «“Прогресса” не существует...»⁴¹.

Что же является основополагающей движущей силой цивилизационного развития, едино ли оно или представляет собой совокупность тем или иным образом пересекающихся и взаимно влияющих друг на друга потоков разной цивилизационной энергии? Версий предложено немало; выдвигались они и до событий первой трети XX в., и позже применительно к процессам глобального масштаба и в свете размышлений о судьбах России⁴². Представители русского европеизма при всем разнообразии их подходов к осмыслению исторического опыта России все же имели одну важную общую черту: революционный сценарий для них был неприемлем; если же в какой-то момент они все же поддались этому соблазну, то позже преодолели его⁴³. Революция не воспринималась «русскими европейцами» ни как цель, ни как даже временное средство на пути движения к общественному идеалу⁴⁴. А это движение, в свою очередь, предполагало особую траекторию истории: не линейную, но спиралевидную: предполагающую эволюцию схожих явлений на новом, более высоком витке.

Дальнейшие события XX в. принесут России, Европе и миру не меньше испытаний для духа и культуры; они породят и свергнут немало очередных

⁴⁰ Франк С.Л. Крушение кумиров. С. 141–142.

⁴¹ Там же.

⁴² См., например: Кара-Мурза А.А., Шарова В.Л. «Новая российская цивилизация будет цивилизацией Пушкина» (к вопросу о «цивилизационном выборе») // Полилог / Polylogos. 2021. Т. 5. № 1. DOI: 10.18254/S258770110014153-0. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110014153-0-1> (дата обращения: 10.07.2021).

⁴³ Жукова О.А., Шарова В.Л. Предисловие // Общественный идеал как проблема русской философской и политической мысли. К 65-летию профессора А.А. Кара-Мурзы. М., 2021. С. 10.

⁴⁴ Стоит уточнить, что в контексте настоящей статьи понятия «русский европеец», «русский европеизм» используются не метафорически, а с учетом и в продолжение вполне определенной линии исследований, намеченной рядом отечественных философов, историков и теоретиков культуры. Объем данного текста, к сожалению, не позволяет нам обратиться здесь к этой теме настолько подробно, насколько она того заслуживает; однако она безусловно станет предметом дальнейших изысканий. О феномене «русского европеизма», в частности, см.: Жукова О.А. На пути к русской Европе. Интеллектуалы в борьбе за свободу и культуру в России. М., 2013; Кара-Мурза А.А. Интеллектуальные портреты: Очерки о русских политических мыслителях XIX–XX вв. М., 2006; Кантор В.К. Русский европеец как явление культуры. М., 2001.

кумиров. Проблематика, затронутая мыслителями рубежа веков, не утратила своей актуальности на протяжении прошлого столетия. Не менее насущной остается она и по сей день. В заключение приведем слова Семена Франка, за сто лет ничуть не устаревшие ни в контексте исследуемой нами темы, ни вне ее:

...идеи и идеалы нужны не только для того, чтобы знать, что нужно делать; они не менее нужны и для того, чтобы знать, как нужно действовать, какие пути к осуществлению задачи должны быть признаны допустимыми и целесообразными...⁴⁵

Список литературы

- Акопов С.В. С.Л. Франк как политический мыслитель: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2001. 21 с.
- Аляев Г.Е. О философском методе С. Франка (феноменология не по Гуссерлю) // Идеиное наследие С.Л. Франка в контексте современной европейской культуры / Ред. В. Порус. М.: ББИ, 2009. С. 17–28.
- Аляев Г.Е., Резвых Т.Н. С.Л. Франк о религиозном смысле и нравственной основе демократии // Вестник ПСТГУ. Сер. 1: Богословие. Философия. 2019. № 82. С. 111–127.
- Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. Париж: YMCA-Press, 1951. 166 с.
- Жукова О.А. На пути к русской Европе. Интеллектуалы в борьбе за свободу и культуру в России. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2013. 208 с.
- Жукова О.А., Шарова В.Л. Предисловие // Общественный идеал как проблема русской философской и политической мысли. К 65-летию профессора А.А. Кара-Мурзы / Общ. ред. и сост. О.А. Жуковой и В.Л. Шаровой. М.: Аквилон, 2021. С. 7–16.
- Кантор В.К. Русская революция, или Вера в кумиры (размышления над книгой С.Л. Франка «Крушение кумиров») // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 109–124.
- Кантор В.К. Русский европеец как явление культуры. М.: РОССПЭН, 2001. 697 с.
- Кара-Мурза А.А. «Политическая свобода» versus «свобода от политики»: европейские странствия Карамзина как прототип русских поисков общественного идеала // Общественный идеал как проблема русской философской и политической мысли. К 65-летию профессора А.А. Кара-Мурзы / Общ. ред. и сост. О.А. Жуковой и В.Л. Шаровой. М.: Аквилон, 2021. С. 139–156.
- Кара-Мурза А.А. Интеллектуальные портреты: Очерки о русских политических мыслителях XIX–XX вв. М.: ИФ РАН, 2006. 180 с.
- Кара-Мурза А.А. Как возможна Россия? М.: Совет. спорт, 1999. 224 с.
- Кара-Мурза А.А., Шарова В.Л. «Новая российская цивилизация будет цивилизацией Пушкина» (к вопросу о «цивилизационном выборе») // Полилог / Polylogos. 2021. Т. 5. № 1. DOI: 10.18254/S258770110014153-0. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110014153-0-1> (дата обращения: 10.07.2021).
- Матюхин А.В. Принцип политического релятивизма в творчестве П.Н. Новгородцева и С.Л. Франка // Вестник МГОУ. Сер.: История и политические науки. 2015. № 2. С. 180–188.
- Новгородцев П.И. Демократия на распутье // София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии / Под ред. Н.А. Бердяева. Берлин: Обелиск, 1923. С. 93–107.
- Рыбина Л.Б. Проблема общественного идеала в философии С.Л. Франка: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Курск, 2016. 21 с.
- Соловьев В.С. Идолы и идеалы // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. 2-е изд. СПб.: Просвещение, 1911–1914. С. 366–401.
- Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Т. 2. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. 430 с.

⁴⁵ Франк С.Л. Политика и идеи // Франк С.Л. Соч. М., 1990. С. 72.

- Углева А.В. Об ответственности интеллектуала (Еще раз об И.А. Ильине) // *Общественный идеал как проблема русской философской и политической мысли. К 65-летию профессора А.А. Кара-Мурзы* / Общ. ред. и сост. О.А. Жуковой и В.Л. Шаровой. М.: Аквилон, 2021. С. 268–289.
- Федорова М.М. Историческое сознание эпохи модерна и политическая проективность // *Полилог / Polylogos*. 2021. Т. 5. № 2. DOI: 10.18254/S258770110015839-4. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110015839-4-1> (дата обращения: 29.06.2021).
- Франк С.Л. De Profundis // *Франк С.Л. Избранные труды*. М.: РОССПЭН, 2010. С. 169–190.
- Франк С.Л. Демократия на распутье // *Франк С.Л. Избранные труды*. М.: РОССПЭН, 2010. С. 163–168.
- Франк С.Л. Кризис западной культуры // *Освальд Шпенглер и Закат Европы*. М.: Берег, 1922. С. 34–54.
- Франк С.Л. Крушение кумиров // *Франк С.Л. Сочинения*. М.: Правда, 1990. С. 111–180.
- Франк С.Л. Молодая демократия // *Франк С.Л. Полное собрание сочинений*. Т. 2: 1903–1907. М.: Изд-во ПСТГУ, 2019. С. 404–417.
- Франк С.Л. О поисках смысла войны // *Русская мысль*. 1914. № 12. С. 126–127.
- Франк С.Л. Очерки философии культуры (совместно с П.Б. Струве) // *Струве П.Б. Избранные соч.* М.: РОССПЭН, 1999. С. 138–150.
- Франк С.Л. Политика и идеи // *Франк С.Л. Соч.* М.: Правда, 1990. С. 66–76.
- Цыганков А.С., Оболевич Т. Немецкий период философской биографии С.Л. Франка (новые материалы). М.: ИФ РАН, 2019. 272 с.

The problem of the crisis of ideals in the political philosophy of Semyon Frank (to the 100th anniversary of the “Philosophical steamer”)

Veronika L. Sharova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: veronika.sharova@gmail.com

The subject of the article is the problem of the crisis of ideals generated by the European Enlightenment and the Modern era, as interpreted by Russian thinkers of the first third of the 20th century. Building on the conception of Semyon Frank, the author analyzes the relationship between the socio-political ideals of the Enlightenment in the Russian version and false “idols” that led Russia and Europe to an unprecedented escalation of evil in the early 20th century, is analyzed. Particular attention is paid to the assumption that the ideals of democracy as a true power of the people, as a result of uncritical implementation, lead to revolutionary violence and further reproduction of tyranny. Two versions of democracy are considered: according to Frank, one of them is genuine, based on the idea of disinterested service to the truth, and the second is “false”, oriented towards a totalitarian utopia, fundamentally hostile to freedom. The author also analyzes Frank’s views on the phenomenon of the “idol of culture”, which is based on the idea of linear progress. According to Frank, linear progress cannot prevent Russia and Europe from falling into barbarism. Moreover, it even significantly contributed to that breakdown. It is concluded that Frank as a Christian philosopher and political thinker became one of the relatively few (along with, for example, Fyodor Stepun and Vladimir Weidle), but all the more significant conductors of the Russian cultural tradition in Europe and the European cultural tradition in Russia: that is, a genuine personification of the phenomenon of a “Russian European”.

Keywords: Russian philosophy, political philosophy, philosophy of history, social ideal, crisis of ideals, Russia and Europe, culture and civilization, Christianity, Semyon Frank

For citation: Sharova, V.L. “Problema krizisa idealov v politicheskoi filosofii S.L. Franka (k 100-letiyu ‘filosofskogo parakhoda’)” [The problem of the crisis of ideals

in the political philosophy of Semyon Frank (to the 100th anniversary of the ‘Philosophical steamer’), *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2022, Vol. 15, No. 3, pp. 21–33. (In Russian)

References

- Akopov, S.V. *S.L. Frank kak politicheskii myslitel' Avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [S.L. Frank as a Political Thinker. Ph.D. Thesis Abstract]. St. Petersburg, 2001. 21 pp. (In Russian)
- Alyayev, G.E. “O filosofskom metode S. Franka (fenomenologiya ne po Gusserlyu)” [On the philosophical method of S. Frank (phenomenology not according to Husserl)], *Ideinoe nasledie S.L. Franka v kontekste sovremennoi evropeiskoi kul'tury* [Ideological heritage of S.L. Frank in the context of modern European culture], ed. by V. Porus. Moscow: Biblical-Theological Institute of St. Apostle Andrew Publ., 2009, pp. 17–28. (In Russian)
- Alyayev, G.E. & Rezvykh, T.N. “S.L. Frank o religioznom smysle i нравstvennoi osnove demokratii” [S.L. Frank on the Religious Meaning and Moral Foundation of Democracy], *Vestnik PSTGU, Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya*, 2019, No. 82, pp. 111–127. (In Russian)
- Berdyayev, N.A. *Tsarstvo dukha i tsarstvo kesarya* [The Kingdom of the Spirit and the Kingdom of Caesar]. Paris: YMCA-Press, 1951. 166 pp. (In Russian)
- Fedorova, M.M. “Istoricheskoe soznanie epokhi moderna i politicheskaya proektivnost'” [Historical Consciousness of the Modern Era and Political Projectivity], *Polilog / Polylogos*, 2021, Vol. 5, No. 2, DOI: 10.18254/S258770110015839-4 [https://polylogos-journal.ru/s258770110015839-4-1, accessed on 29.10.2021]. (In Russian)
- Frank, S.L. “De Profundis”, in: S.L. Frank, *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010, pp. 169–190. (In Russian)
- Frank, S.L. “Demokratiya na rasput'e” [Democracy at a Crossroads], in: S.L. Frank, *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010, pp. 163–168. (In Russian)
- Frank, S.L. “Krizis zapadnoi kul'tury” [The crisis of Western culture], *Osvat'd Shpengler i Zakat Evropy* [Oswald Spengler and the Decline of Europe]. Moscow: Bereg Publ., 1922, pp. 34–54. (In Russian)
- Frank, S.L. “Krushenie kumirov” [The Crash of Idols], in: S.L. Frank, *Sochineniya* [Works]. Moscow: Pravda Publ., 1990, pp. 111–180. (In Russian)
- Frank, S.L. “Molodaya demokratiya” [Young Democracy], in: S.L. Frank, *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], Vol. 2: 1903–1907. Moscow: PSTGU Publ., 2019, pp. 404–417. (In Russian)
- Frank, S.L. “O poiskakh smysla voiny” [Searching for the Meaning of War], *Russkaya mysl'*, 1914, No. 12, pp. 126–127. (In Russian)
- Frank, S.L. “Ocherki filosofii kul'tury (sovместно s P.B. Struve)” [Essays on the philosophy of culture (with P.B. Struve)], in: P.B. Struve, *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1999, pp. 138–150. (In Russian)
- Frank, S.L. “Politika i idei” [Politics and ideas], in: S.L. Frank, *Sochineniya* [Works]. Moscow: Pravda Publ., 1990, pp. 66–76. (In Russian)
- Kantor, V.K. “Russkaya revolyutsiya, ili Vera v kumiry (razmyshleniya nad knigoi S.L. Franka ‘Krushenie kumirov’)” [Russian Revolution, or Belief in Idols (Reflections on the book by S.L. Frank ‘The Downfall of Idols’)], *Voprosy filosofii*, 2009, No. 1, pp. 109–124. (In Russian)
- Kantor, V.K. *Russkij evropeec kak yavlenie kul'tury* [Russian European as a Cultural Phenomenon]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001. 697 pp. (In Russian)
- Kara-Murza, A.A. “‘Politicheskaya svoboda’ versus ‘svoboda ot politiki’: evropeiskie stranstviya Karamzina kak prototip russkikh poiskov obshchestvennogo ideala” [‘Political freedom’ versus ‘freedom from politics’: Karamzin’s European wanderings as a prototype of the Russian search for a social ideal], *Obshchestvennyi ideal kak problema russkoi filosofskoi i politicheskoi mysli. K 65-letiyu professora A.A. Kara-Murzy* [Social Ideal as a Problem of Russian Philosophical and Political Thought. To the 65th anniversary

- of Professor A.A. Kara-Murza], ed. by O.A. Zhukova and V.L. Sharova. Moscow: Akvilon Publ., 2021, pp. 139–156. (In Russian)
- Kara-Murza, A.A. *Intellektual'nye portrety: Ocherki o russkikh politicheskikh myslitelyah XIX–XX vv.* [Intellectual Portraits: Essays on Russian Political Thinkers of the 19th–20th Centuries]. Moscow: IPh RAS Publ., 2006. 180 pp. (In Russian)
- Kara-Murza, A.A. *Kak vozmozhna Rossiya?* [How is Russia possible?]. Moscow: Soviet Sport Publ., 1999. 224 pp. (In Russian)
- Kara-Murza, A.A. & Sharova, V.L. “Novaya rossiiskaya tsivilizatsiya budet tsivilizatsiei Pushkina’ (k voprosu o ‘tsivilizatsionnom vybore’)” [‘The New Russian Civilization Will Be Pushkin’s Civilization’ (to the Question of ‘Civilizational Choice’)], *Polilog / Polylogos*, 2021, Vol. 5, No. 1, DOI: 10.18254/S258770110014153-0 [https://polylogos-journal.ru/s258770110014153-0-1, accessed on 10.07.2021]. (In Russian)
- Matyukhin, A.V. “Princip politicheskogo relyativizma v tvorchestve P.N. Novgorodtseva i S.L. Franka” [The principle of political relativism in the work of P.N. Novgorodtsev and S.L. Frank], *Vestnik MGOU, Seriya: Istoriya i Politicheskie Nauki*, 2015, No. 2, pp. 180–188. (In Russian)
- Novgorodtsev, P.I. “Demokratiya na rasput’e” [Democracy at a Crossroads], *Sofiya. Problemy dukhovnoi kul’tury i religioznoi filosofii* [Sofia. Problems of Spiritual Culture and Religious Philosophy], ed. by N.A. Berdyaev. Berlin: Obelisk Publ., 1923, pp. 93–107. (In Russian)
- Rybina, L.B. *Problema obshchestvennogo ideala v filosofii S.L. Franka. Avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [The Problem of the Social Ideal in the Philosophy of S.L. Frank. Ph.D. Thesis Abstract]. Kursk, 2016. 21 pp. (In Russian)
- Solovyev, V.S. “Idoly i idealy” [Idols and Ideals], in: V.S. Solovyev, *Sobranie sochinenii* [Works], Vol. 5, 2nd ed. St. Petersburg: Prosveshchenie Publ., 1911–1914, pp. 366–401. (In Russian)
- Stepun, F.A. *Byvshee i nesbysheesya* [Past and Unfulfilled], Vol. 2. New York: Chekhov Publ., 1956. 430 pp. (In Russian)
- Tsygankov, A.S. & Obolevič, T. *Nemetskii period filosofskoi biografii S.L. Franka (novye materialy)* [The German period of the philosophical biography of S.L. Frank (new materials)]. Moscow: IPh RAS Publ., 2019. 272 pp. (In Russian)
- Ugleva, A.V. “Ob otvetstvennosti intellektuala (Eshche raz ob I.A. Il’ine)” [On the responsibility of an intellectual (Once again about I.A. Ilyin)], *Obshchestvennyi ideal kak problema russkoi filosofskoi i politicheskoi mysli. K 65-letiyu professora A.A. Kara-Murzy* [Social Ideal as a Problem of Russian Philosophical and Political Thought. To the 65th anniversary of Professor A.A. Kara-Murza], ed. by O.A. Zhukova and V.L. Sharova. Moscow: Akvilon Publ., 2021, pp. 268–289. (In Russian)
- Zhukova, O.A. *Na puti k russkoj Evrope. Intellektualy v bor’be za svobodu i kul’turu v Rossii* [On the Way to Russian Europe. Intellectuals in the Struggle for Freedom and Culture in Russia]. Moscow: Liberal Mission Foundation Publ., 2013. 208 pp. (In Russian)
- Zhukova, O.A. & Sharova, V.L. “Predislovie” [Foreword], *Obshchestvennyi ideal kak problema russkoi filosofskoi i politicheskoi mysli. K 65-letiyu professora A.A. Kara-Murzy* [Social Ideal as a Problem of Russian Philosophical and Political Thought. To the 65th anniversary of Professor A.A. Kara-Murza on of scientific articles], ed. by O.A. Zhukova and V.L. Sharova. Moscow: Akvilon Publ., 2021, pp. 7–16. (In Russian)

М.Ю. Загирняк

КОНЦЕПТ СОБОРНОСТИ В ФИЛОСОФИИ ПРАВА Г.Д. ГУРВИЧА*

Загирняк Михаил Юрьевич – доктор философских наук, научный сотрудник. Балтийский федеральный университет им. И. Канта. Российская Федерация, 236041, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14; e-mail: MZagirnyak@kantiana.ru

В отечественной и зарубежной исследовательской литературе встречаются указания на то, что Г.Д. Гурвич обосновал понятие соборности в качестве правового концепта, обозначающего уровень социального развития. Однако специальных исследований, посвященных этому вопросу, до сих пор нет. Автор настоящей статьи обращается к анализу учения Гурвича об авто-теургии как способе обоснования социокультурной реальности и показывает, что Гурвич вкладывает в концепт «волезрение», трактуя его как способ социализации и инкультурации индивида. Анализ волезрения позволяет объяснить, почему в учении Гурвича взаимодействие отдельных индивидов и коллективных социальных субъектов – это правовая задача. В своем учении о социальном праве Гурвич идентифицирует любой социальный факт как правовой факт. Поэтому все социальные взаимодействия обретают у него статус нормативных фактов – ситуаций формирования правопорядка, причем сосуществование множества нормативных фактов, т.е. юридический плюрализм, обеспечивает гибкость системы права, становится основой гармонизации персональных ценностей индивидов и трансперсональных ценностей социальных феноменов. Опираясь на эти положения, Гурвич обосновывает мысль о том, что социальное право наиболее эффективно способствует достижению социального единства, а именно соборности. Соборность Гурвич определяет как самоорганизующую целостность, в рамках которой свобода индивида находит свое выражение через участие в развитии культуры как таковой. В заключение автор статьи показывает, что соборность, понятая как правовой концепт, используется в философии Гурвича для обоснования идеала социального развития, преодолевающего ограниченность метаидеологий индивидуализма и коллективизма.

Ключевые слова: ценность, индивид, общество, социальное право, соборность, справедливость, авто-теургия, волезрение

Для цитирования: Загирняк М.Ю. Концепт соборности в философии права Г.Д. Гурвича // Философский журнал / Philosophy Journal. 2022. Т. 15. № 3. С. 34–49.

* Данное исследование было поддержано из средств программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» БФУ им. И. Канта.

Постановка проблемы

Концепт соборности занимает значительное место в отечественной социальной онтологии. Именно это понятие позволяло в русской философской традиции находить компромисс между социологическим универсализмом и номинализмом. Понятие соборности раскрывается через формулу, полагающую функционирование единого во многом, взаимное определение частей и целого.

Религиозное обоснование соборности предложил А.С. Хомяков. С его точки зрения, определяющее значение в достижении соборности имеет православие и церковь. Он считал, что религия играет роль социальной технологии, открывая возможность социокультурной идентификации. Каждый человек может осознать свою жизнь как часть социума через единство Церкви – «единство Божьей Благодати, живущей во множестве разумных творений»¹. Большой вклад в последующее религиозное осмысление этого понятия внесли В.С. Соловьев, В.В. Розанов, Е.Н. Трубецкой, П.А. Флоренский и другие. В конце XIX – начале XX в. соборность стала важнейшим концептом русской религиозно-философской мысли, что нашло отражение и в работах философов русского зарубежья первой половины прошлого столетия².

Наряду с устоявшейся трактовкой соборности в философии русского зарубежья формируется новый вектор, а именно секуляризация этого понятия. Значительный вклад в светское обоснование соборности внес Г.Д. Гурвич. Георгий Давидович Гурвич (фр. Georges Gurvitch, 1894–1965)³ – российский

¹ Хомяков А.С. Опыт катехизического изложения учения о церкви // Хомяков А.С. Полное собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. М., 1886. С. 3.

² С.Н. Булгаков обосновывал соборность как «многоединство единой цельной жизни многих» (Булгаков С.Н. О внешнем непогрешительном авторитете церкви // Булгаков С.Н. Православие. Очерки учения православной церкви. Минск, 2011. С. 10, 85–86). Н.А. Бердяев рассматривает религию в качестве необходимого условия для того, чтобы индивид осознал себя частью целого, а церковь – инструментом осуществления соборности (Бердяев Н.А. Философия свободы // Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 74, 190). И.А. Ильин пишет, что в воплощении идеи сердца соборная церковь определяет русский народ (Ильин И.А. Россия есть живой организм. О русском национализме // Ильин И.А. Национальная Россия: наши задачи. М., 2011. С. 167). Н.О. Лосский понимал соборность как творчество многих людей в едином гармоничном целом (Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики // Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики. Характер русского народа. М., 1991. С. 100). Л.П. Карсавин предложил учение о симфоническом субъекте, который представляет собой согласованное множество индивидов как их единство (Карсавин Л.П. Основы политики // Основы евразийства. М., 2002. С. 369). С.Л. Франк расширил объем понятия соборности, обозначив религиозную общность как одну из составляющих этого феномена: он выделил три формы соборности – семейный союз, религиозное единство, общность судьбы (Франк С.Л. Духовные основы общества // Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 58–59).

³ С 1912 по 1914 г. Гурвич в статусе студента Императорского Юрьевского университета (ныне – Тартуский университет) стажировался в германских университетах. В 1915 г. опубликовал первую работу – «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и ее европейские источники». В 1917 г. на юридическом факультете Петроградского университета Гурвич защитил магистерскую диссертацию «Руссо и Декларация прав. Идея неотчуждаемых прав индивида в политической доктрине Руссо», которая была опубликована отдельной книгой в 1918 г. Эта работа стала последней на русском языке, написанной до эмиграции Гурвича. В 1921 г. он читал курс «Об идее неотъемлемого права лиц»

философ-правовед, более известный за рубежом как социолог права⁴. Пройдя путь от студента Юрьевского университета до профессора Сорбонны, Гурвич на протяжении всего своего творчества критиковал этатизм и методологический индивидуализм, а также разрабатывал учение о социальном праве. Функциональность права, согласно Гурвичу, не исчерпывается регламентациями межличностных отношений социальных индивидов, а заключается в интеграции последних для достижения социальной целостности. Такая трактовка права привела Гурвича к нетрадиционной трактовке соборности – как философско-правового, а не религиозного концепта.

На оригинальность трактовки соборности Гурвичем обратили внимание не только русские философы Б.П. Вышеславцев и П.М. Бицилли⁵, но и европейские (Ж. ле Гофф⁶, Р. Тулемон⁷, Ж.-Г. Белли⁸, Э. Бертольд⁹), а также

на юридическом факультете Русского научного института в Берлине. С 1922 по 1925 г. работал на юридическом факультете Русского института в Праге, опубликовал здесь работу «Введение в общую теорию международного права. Конспект лекций». В конце 1920-х гг. читал лекции по немецкой философии во французских университетах. В 1929 г. получил французское гражданство. В 1932 г. в университете Сорбонны защитил докторскую диссертацию «Идея социального права», которая становится важнейшей работой в его социологии и философии права. С 1931 по 1940 г. занимал должность генерального секретаря Международного института социологии права в Париже. В те же годы работал в должности редактора (по проблемам философии и социологии права) журнала «Archives de philosophie du droit et de sociologie juridique» (с 1941 по 1951 г. журнал не издавался). В 1940 г. уехал в США, где возглавил Французский институт социологии. В 1942 г. опубликовал в США работу «Sociology of Law». В 1945 г. вернулся во Францию. С 1945 по 1949 г. возглавлял Центр социологических исследований (Centre d'études sociologiques) подразделения Национального центра координации исследований Франции (Centre national de la Recherche scientifique). В 1946 г. основал французский журнал «Cahiers internationaux de sociologie». В период после возвращения из США Гурвич подготовил 9 работ по философии и социологии права.

- ⁴ О социологии права Гурвича см.: *Голосенко И.А., Гергилов Р.Е.* Георгий (Жорж) Гурвич как социолог // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. № 1. С. 21–31. О специфике понимания права в философии Гурвича см.: *Гофман А.Б.* Социология во Франции и в России. К истокам идейных взаимосвязей // Социологические исследования. 2014. № 11 (367). С. 11; *Жуков В.Н.* Юридическая наука и ценности // Государство и право. 2018. № 1. С. 10–11; *Тимошина Е.В.* Право как справедливость: концепция интуитивного права в школе Л.И. Петражицкого // Петербургская школа философии права. К 150-летию со дня рождения Льва Петражицкого. СПб., 2018. С. 130–132; *Корнилаев Л.Ю.* Индивидуальное и социальное в философии права Л.И. Петражицкого // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Философия. 2021. Т. 25. № 3. С. 519–520.
- ⁵ Вышеславцев замечает, что Гурвич пересматривает роль религии в формировании соборности (*Вышеславцев Б.П.* Georges Gurvitch. L'Idée du Droit Social // Путь. 1934. № 43. С. 78, 80–81). Бицилли отмечает, что в своей правовой концепции Гурвич воссоздает идею соборности, которая должна способствовать «расширению и углублению демократии» (*Бицилли П.М.* G. Gurvitch, L'expérience juridique // Новый Град. 1935. № 10. С. 140).
- ⁶ *Гофф Ж.* Гурвич и социальное право // Правоведение. 2013. № 5 (310). С. 100.
- ⁷ *Toulemont R.* Sociologie et pluralisme dialectique: Introduction a l'oeuvre de Georges Gurvitch. Louvain, 1955. P. 6.
- ⁸ *Belley J.-G.* Le «Droit social» de Gurvitch: trop beau pour être vrai? // Droit et société. 2014. Vol. 88. No. 3. P. 741.
- ⁹ *Antonov M., Berthold É.* Sources russes de la pensée de Georges Gurvitch: écrits de jeunesse dans les annales contemporaines (1924–1931) // Cahiers internationaux de sociologie. 2006. Vol. 121. No. 2. P. 207, 215–216, 221.

современные отечественные исследователи (М.В. Антонов¹⁰, Б.В. Назмутдинов¹¹). Все они отмечали связь соборности с развитием социального права, однако специального исследования понятия соборности в философии Гурвича на данный момент не существует.

Чтобы заполнить эту лакуну, следует проанализировать то, как Гурвич объясняет развитие социума и культуры, а затем обратиться к вопросу о роли права в развитии социума.

Авто-теургия как основа трактовки соборности у Гурвича

Коротко суммирую понимание Гурвичем соборности: он считает, что соборность – это ситуация, в которой социальное единение достигает состояния целостности, что приводит к достижению социального и культурного идеала¹². Соборность в философии Гурвича является результатом развития социальных коммуникаций, при котором преодолены все несогласованности между индивидами, социальными институтами и общностями, а общество функционирует как единое целое. Философ связывает уровень социального единения с эффективностью развития культуры. Формируемая с помощью права социальная инфраструктура позволяет каждому индивиду наряду с другими осознавать себя свободным участником социального целого в развитии культуры как таковой¹³. Культура формируется и развивается во взаимодействиях членов общества¹⁴.

Гурвич как философ формировался под влиянием множества школ и концепций европейской и отечественной философии¹⁵. Для обоснования соборности он использовал идеи и решения 1) аксиологии баденского неокантианства; 2) феноменологии М. Шелера; 3) учения о всеединстве В.С. Соловьева¹⁶.

Аксиология баденского неокантианства дала Гурвичу возможность вывить принципы понимания истории:

¹⁰ Antonov M. La théorie du droit de Georges Gurvitch et ses origines philosophiques russes // Droit et société. 2016. Vol. 94. No. 3. P. 506, 511.

¹¹ Назмутдинов Б.В. Критика Г.Д. Гурвичем правовых воззрений евразийцев // Правоведение. 2014. № 1 (312). С. 206.

¹² Гурвич Г.Д. Этика и религия // Современные записки. 1926. Кн. 29. С. 282.

¹³ Гурвич Г.Д. Идеология социализма в свете новейшей немецкой литературы // Современные записки. 1924. Кн. 18. С. 407.

¹⁴ Гурвич Г.Д. Этика и религия. С. 277–278; Гурвич Г.Д. Будущность демократии // Современные записки. 1927. Кн. 32. С. 337.

¹⁵ По этому поводу С.И. Гессен замечает: «...прошедший через тройную культуру – русскую, немецкую и французскую – автор наш делает попытку синтеза, в европеизме которого русский элемент играет далеко не последнюю роль. Ему не только удалось выразить в своем труде некоторые характерные мотивы русской мысли, но и обогатить ими европейскую науку и даже французскую философскую и юридическую терминологию» (Гессен С.И. Идея социального права // Современные записки. 1932. Кн. 49. С. 423).

¹⁶ Следует отметить, что идеи философского течения, представленного в каждом последующем из трех перечисленных здесь пунктов, позволили Гурвичу преодолеть недостатки течения, указанного в предыдущем пункте. Феноменология Шелера и всеединство Соловьева – это концепции, позволяющие преодолеть недостатки неокантианской трактовки социокультурного развития (Гурвич Г.Д. Этика и религия. С. 270, 277).

1) противопоставление вневременных ценностей и исторической культурной действительности¹⁷;

2) противопоставление естественного детерминизма и культурной свободы;

3) корреляцию социального и культурного развития.

Эти принципы позволили Гурвичу обосновать, каким образом отдельный человек становится социальным субъектом, участвующим в жизни культуры. В соответствии с учением о ценностях баденской школы отдельный человек осознаёт культуру как процесс воплощения ценностей – собственный путь человечества, отличный от природного детерминизма. Каждый человек актуализирует свою свободу, обращаясь к априорным ценностям. История культуры с точки зрения баденского неокантианства – это процесс воплощения ценностей¹⁸. Осознание ценностей индивидом ведет к пониманию общества как коллективного субъекта, воплощающего ценности, и культуры как результата воплощения этих ценностей. Гурвич обращает внимание на то, что, согласно философии баденского неокантианства, каждый индивид, обращаясь к ценностям, получает возможность оценивать культурную действительность¹⁹. Однако, по мнению Гурвича, неокантианская аксиология не дает ответов на вопросы:

1) каким образом каждый человек осознаёт ценности;

2) каким образом свободные акты отдельных людей соединяются и систематизируются в общественное формирование культуры.

Восполнить первый недостаток, который имеется у неокантианства, Гурвичу помогает феноменология М. Шелера²⁰. Индивиды осознают ценности благодаря феноменологической редукции²¹, которая, по мнению Гурвича, дает возможность преодолеть противопоставление вечных ценностей и исторической действительности. Ценности существуют в исторической реальности и выявляются посредством феноменологической редукции²².

¹⁷ Гурвич Г.Д. Юридический опыт и плюралистическая философия права // Гурвич Г.Д. Философия и социология права: Избранные соч. СПб., 2004. С. 250. См. об этом: Загорняк М.Ю. Аксиологические аспекты философии права Г.Д. Гурвича // Вопросы философии. 2016. № 9. С. 55–56.

¹⁸ О культуре как процессе содержательного воплощения аспектов ценностей см. у представителей баденского неокантианства (Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 55; Виндельбанд В. *Sub specie aeternitatis* (Медитация) // Виндельбанд В. Избранное: Дух и история. М., 1995. С. 276–277). Специфика осмысления социальных феноменов неокантианцами русского зарубежья проанализирована Н.А. Дмитриевой (см.: Dmitrieva N.A. Back to Kant, or Forward to Enlightenment: The Particularities and Issues of Russian Neo-Kantianism // Russian Studies in Philosophy. 2016. Vol. 54. No. 5. P. 386–390).

¹⁹ Gurvitch G. La théorie des valeurs de Heinrich Rickert // Revue Philosophique de la France et de l'Étranger. 1937. Vol. 24. No. 9/10. P. 87–88.

²⁰ Гурвич Г.Д. Юридический опыт. С. 248.

²¹ Феноменологическая редукция, с точки зрения Э. Гуссерля, делает «зримым и доступным для нас трансцендентально очищаемое сознание с его сущностными коррелятами» (Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. I // Гуссерль Э. Избранные работы. М., 2005. С. 246). М. Шелер, в отличие от Гуссерля, акцентировал внимание на том, что бытие предшествует познанию: «...онтология духа и мира предшествует всякой теории познания» (Шелер М. Феноменология и теория познания // Шелер М. Избранные произведения. М., 1994. С. 216).

²² Gurvitch G. La philosophie phénoménologique en Allemagne. I: Edmund Husserl // Revue de Métaphysique et de Morale. 1995. Vol. 35. No. 4. P. 560–561.

Второй недостаток неокантианской трактовки социокультурного развития Гурвич преодолевает, используя учение о всеединстве В.С. Соловьева. Опираясь на это учение²³, он в работе «Этика и религия» формулирует концепцию авто-теургии²⁴, которая объясняет «самостоятельное участие человека через нравственное действие и усилие в Божественном творчестве, непосредственно готовящее путь для религии»²⁵. Гурвич вводит специальный термин «волезрение», которым обозначает процедуру осознания ценностей: человек актуализирует свою свободу в социуме в условиях определенной культуры и может осуществить свободное действие, только будучи участником культурного развития. Принципиальная возможность социального взаимодействия обеспечена интенциональным единством индивидуальных сознаний: как пишет Гурвич, каждый человек – незаменимый и неповторимый сочлен «целостного духовного потока»²⁶. Благодаря волезнанию индивид осознаёт ценности как аспекты реализации плана Бога, а себя и остальных людей – как участников формирования единого содержания культуры²⁷. Как верно замечает Паулин Макдональд, Гурвич считал, что индивид способен осознавать одновременно «Я», «Другой» и «Мы» в любой момент²⁸. Усилия всех людей, социальных субъектов, образуют множество составляющих одного творческого потока, результатом которого является культура²⁹.

Человечество усилиями всех людей создает культуру, т.е. каждый человек становится социальным субъектом, только будучи участником формирования содержания культуры. И, участвуя в культурном творчестве, индивид реализует свою свободу. Этот механизм у Гурвича можно прояснить следующим образом: реализация ценностей требует не только творчества индивида, но и согласованности его действий с другими участниками социума

²³ В.С. Соловьев выделяет в жизни и деятельности человека и человечества 1) сферу практической жизни, цель которой – достижение объективного блага (*Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Соловьев В.С. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 2: 1875–1877. М., 2000. С. 190*); 2) сферу знания, цель которой – объективная истина (*Там же. С. 192*); 3) сферу творчества, цель которой – объективная красота (*Там же. С. 195*). Всеединство достигается путем реализации *триединого принципа* истины, добра и красоты (*Соловьев В.С. Красота в природе // Соловьев В.С. Красота как преображающая сила. М., 2017. С. 37*). Гурвич так же, как и Соловьев, указывает три сферы «общечеловеческой» жизни: «Истина, добро, красота – это обозначение трех самостоятельных и необходимых путей к Богу через мир и мирское дело, трех главных узлов, через которые тянется многогранная связь человеческого творчества с Божественным» (*Гурвич Г.Д. Этика и религия. С. 277*).

²⁴ Там же. С. 262, 276.

²⁵ Там же. С. 262.

²⁶ Там же. С. 281.

²⁷ Акт волезнания Гурвич обосновывает как религиозный акт. Но это действие не связано с конфессиональной принадлежностью индивида. Гурвич различает религиозный акт и религию. Религиозный акт он понимает в широком смысле как мировоззренческую позицию, тогда как обращение к религии – это особый путь воплощения ценностей, а не инструмент их открытия. Подмена религиозного акта религией влечет за собой религиозное обоснование ценностей, что приводит к «обескровливанию идеи творческой свободы» (*Там же. С. 269*). Вслед за Соловьевым Гурвич считает, что, когда отдельный человек реализует свободу и участвует в формировании культурного содержания, он уже принимает участие в Божественном творчестве. А проявляться это может не только в религиозных отправлениях, но и в науке, искусстве и т.п. (*Там же*).

²⁸ *McDonald P. The Legal Sociology of Georges Gurvitch // British Journal of Law and Society. 1979. Vol. 6. No. 1. P. 33.*

²⁹ *Гурвич Г.Д. Этика и религия. С. 281.*

как равноправными участниками творчества культуры. Как пишет П. Макдональд, Гурвич понимает общество как коллективное предприятие для воплощения ценностей в реальном мире (*real-life world*)³⁰.

Именно в рамках учения об авто-теургии Гурвич сформулировал собственное понятие соборности: соборность – это единство неповторимых и незаменимых индивидуальностей, представляющих собой «*струи целостного творческого потока*»³¹. Идеал развития социума – это творческая соборность, достижение гармонии личного и общего развития, множества в единстве³². Но в эмпирической действительности эта гармония является только целью, для достижения которой необходимо достичь множества компромиссов – построить систему социальной логистики, охватывающую всё общество.

Философ предлагает решение с позиции *трансперсонализма*, концепции, сформулированной Гурвичем в результате синтеза индивидуализма и универсализма³³. В рамках этой концепции он пишет о социальном бытии как о «*постоянном движении взаимоучастия Многого в Едином и Единого во Многом – нераздельной корреляции Целого и его частей, взаимопорождающих друг друга*»³⁴. Социальные феномены не могут быть редуцированы до уровня отдельного индивида, но при этом и не обладают собственным бытием, представляя собой сферу творческого взаимодействия индивидов³⁵. В связи с этим справедливо замечание М.В. Антонова о том, что в философии Гурвича личность и общество взаимообуславливают друг друга³⁶. Социум создается во взаимоформировании отдельных индивидов и коллективных социальных субъектов. С точки зрения Гурвича, этот процесс является правовым. Чтобы понять, почему Гурвич так считает, необходимо проанализировать специфику права в его философии.

Право в трансперсоналистическом учении Гурвича

Гурвич различает функциональность морали и права в процессе социокультурного развития. Он рассуждает следующим образом: индивид посредством волеизъявления осознаёт свою свободу как участие в воплощении культурных ценностей наряду с другими людьми. Актуализация индивида в качестве социального субъекта включает в себя две задачи:

- 1) творческую самореализацию;
- 2) самоактуализацию в статусе равноправного сотворца культурного содержания.

³⁰ McDonald P. The Legal Sociology. P. 38.

³¹ Гурвич Г.Д. Этика и религия. С. 281.

³² Гурвич Г.Д. Идея социального права // Гурвич Г.Д. Философия и социология права: Избранные сочинения. СПб., 2004. С. 56.

³³ Там же. С. 50. Учение о трансперсонализме Г.Д. Гурвич развивал и дополнял в течение всей жизни. См., например: Gurvitch G. Le principe démocratique et la démocratie future // Revue de Métaphysique et de Morale. 1929. Vol. 36. No. 3. P. 407–408; Idem. The Problem of Social Law // Ethics. 1941. Vol. 52. No. 1. P. 26–28; Idem. Is the Antithesis of «Moral Man» and «Immoral Society» True? // The Philosophical Review. 1943. Vol. 52. No. 6. P. 549.

³⁴ Гурвич Г.Д. Идея социального права. С. 56.

³⁵ Там же. С. 50.

³⁶ Антонов М.В. Портреты ученых-юристов. Г.Д. Гурвич: проект социологии права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С. 67.

Гурвич считает, что первая задача – моральная, а вторая – правовая³⁷.

Каждый человек осознаёт цели собственного развития благодаря морали. Мораль позволяет ему осмыслить свою жизнь как личную траекторию воплощения ценностей. Человек проецирует собственную жизнь на плоскость культурной действительности, что дает ему возможность создать свою биографию – осознать важные этапы собственной жизни. Его жизнь обретает смысл только как составная часть единого культурного потока, как участие в культурном развитии. То есть благодаря морали индивид формирует идеал личностного развития как участник социального единства³⁸. Достижение морального идеала представляет собой полное единение всех людей, вовлеченных в развитие культуры. Только в таком случае каждый индивид может полностью реализовать свободу – воплотить в собственном творчестве ценности как представитель единого культурного потока. Гурвич считает, что достижение морального идеала принципиально невозможно³⁹.

Однако метафизически обоснованная нацеленность людей на взаимодействие друг с другом приводит к социальным практикам в эмпирической действительности. И эти практики далеки от идеала соборности⁴⁰. Эмпирическое воплощение взаимодействий индивидов – это уже не моральная, а правовая задача, которая выражается в стремлении к справедливости⁴¹. Справедливость дает возможность нравственно несовершенным индивидам непротиворечиво взаимодействовать между собой⁴². Право отличается от морали тем, что способствует социальному единению в эмпирической реальности⁴³.

Справедливость – это ситуация компромиссов как между отдельными людьми (персональными ценностями⁴⁴), так и между отдельными индивидами и коллективными личностями (персональными и трансперсональными ценностями⁴⁵). Таким образом, право создает единые *общие* условия для взаимодействия социальных субъектов, замещая *абсолютную индивидуализированность* «морального идеала всеобщими правилами и общей

³⁷ Гурвич Г.Д. *Идея социального права*. С. 140–141.

³⁸ Там же. С. 129.

³⁹ Gurvitch G. *Is Moral Philosophy a Normative Theory?* // *The Journal of Philosophy*. 1943. Vol. 40. No. 6. P. 145.

⁴⁰ Гурвич следующим образом объясняет дисгармонию общества: «Акт признания некоей ценности далеко не совпадает с непосредственным видением такой ценности» (Гурвич Г.Д. *Идея социального права*. С. 130). Например, человек может любить классическую музыку, но при этом не иметь достаточных способностей для понимания ее эстетической ценности. Поэтому в обществе любителей классической музыки возможны значительные расхождения в ее понимании. Как заметил Реза Банакар, задача права в учении Гурвича – достичь равновесия обязанностей и требований всех участников социума (Banakar R. *Integrating Reciprocal Perspectives: On Georges Gurvitch's Theory of Immediate Jural Experience* // *Canadian Journal of Law and Society*. 2001. Vol. 16. No. 1. URL: <https://ssrn.com/abstract=1777167> (дата обращения: 22.10.2020)).

⁴¹ Гурвич Г.Д. *Идея социального права*. С. 141.

⁴² «...Group of gangsters may commune in a very intense fashion in respect to the negative values to which it aspires» (Gurvitch G. *Mass, Community, Communion* // *The Journal of Philosophy*. 1941. Vol. 38. No. 18. P. 495).

⁴³ Гурвич Г.Д. *Юридический опыт*. С. 292.

⁴⁴ Гурвич Г.Д. *Идея социального права*. С. 129.

⁴⁵ Там же. С. 134.

типологией»⁴⁶. Каждый человек получает возможность реализовать свободу как творчество и предложить свой вклад в содержание культуры⁴⁷.

Велик соблазн обосновать право как стадию реализации морального идеала, признав Гурвича последователем учения о праве В.С. Соловьева. Этот соблазн укрепляется после знакомства со статьей Гурвича о Чичерине и Соловьеве, в которой он отдает предпочтение решению Соловьева рассматривать право как минимум добра⁴⁸. Однако в докторской диссертации Гурвич однозначно заявляет, что не поддерживает идею права как минимума нравственности, предложенную независимо друг от друга В.С. Соловьевым и Г. Еллинеком⁴⁹, и что не следует путать моральный идеал с идеей справедливости. Право всегда представляет собой реализацию справедливости⁵⁰. Системы правопорядка можно оценивать и сравнивать по тому, насколько успешно они формируют социум, поддерживают в обществе гармонию персональных и трансперсональных ценностей⁵¹. Поддержание и оптимизация бытия социума – главная задача права. Г.Д. Гурвич подчеркивает этот статус права, критикуя теорию естественного права как грубую ошибку⁵²: любое так называемое естественное право – это дублирование морального идеала.

Стремление к гармонии между индивидуальными и коллективными личностями как универсальный принцип работы права должно в перспективе привести общество к единению. Это возможно потому, что Гурвич расширяет понятие права. В учении о *социальном праве* Гурвич относит все социальные взаимодействия к проявлениям права. Любой факт социального взаимодействия является уже правовым. С точки зрения Гурвича, социальное право – это способ создания социальных феноменов в широком смысле этого слова. Правотворчество приравнивается к функционированию социальных коммуникаций.

В эмпирической реальности это приводит к возникновению *нормативных фактов* – прецедентов социальных практик, которые могут инициировать обязывающую функцию права⁵³. Нормативный факт позволяет каждому индивиду, не утрачивая собственного уникального, незаменимого значения,

⁴⁶ Гурвич Г.Д. *Идея социального права*. С. 132.

⁴⁷ Возвращаясь к примеру с любителями музыки, можно добавить, что музыкант или музыкальный критик может заниматься творчеством и предлагать для оценки образцы собственного творчества в соответствии с заведенными порядками. Так же и право в философии Гурвича выполняет коммуникативную функцию.

⁴⁸ Гурвич Г.Д. Два величайших русских философа права: Борис Чичерин и Владимир Соловьев // *Известия высших учебных заведений: Правоведение*. 2005. № 4. С. 153.

⁴⁹ Гурвич Г.Д. *Идея социального права*. С. 141, 132.

⁵⁰ Там же. С. 139.

⁵¹ Как замечает Мишель Коуту, Гурвич выступает против принципа идентичности, который потребует растворения всех внутри целостности, предлагая рассматривать назначение права в создании баланса противоположностей (*Coutu M. Autonomie collective et pluralisme juridique: Georges Gurvitch, Hugo Sinzheimer et le droit du travail // Droit et société*. 2015. Vol. 90. No. 2. P. 363).

⁵² Гурвич Г.Д. *Юридический опыт*. С. 307.

⁵³ Гурвич Г.Д. *Идея социального права*. С. 59, 135. Следует различать нормативные факты и сложные коллективные личности – союзы, в которых индивиды могут осуществить свои права только при взаимодействии с самими союзами («центральными личностями коллектива» (Там же. С. 61)) как с отдельными равноправными участниками социальных практик.

идентифицировать себя в качестве участника Целого⁵⁴. Нормативные факты различаются по объему (семья, государство, международная организация) и могут включать друг друга⁵⁵. Это возможно потому, что социальные группы, порождающие нормативные факты, могут быть вовлечены в более обширную целостность и стать частью группы, формирующей нормативный факт, т.е. субъектом этого социального права. Их упорядочивание происходит благодаря реализации справедливости. Справедливость способствует социальному единению, их синхронизации в общем социокультурном процессе. Итог работы права – формирование единой справедливости в системе «духовных элементов юридического опыта»⁵⁶.

Гурвич прекрасно знает, что любое общество представляет собой сложное равновесие между множеством различных групп, каждая из которых имеет свои стандарты, убеждения, ценности, идеалы⁵⁷. Иерархическая система нормативных актов позволяет отдельному человеку идентифицировать себя как свободного участника всего социума⁵⁸. Реализация социального права не позволяет, чтобы какой-либо социальный институт (церковь, государство и т.п.) обладал привилегией на формирование права, – этой функцией обладает каждый человек как участник социума⁵⁹. Поэтому благодаря праву каждый человек может осознать, что творчество других участников социума как минимум не менее ценно и важно, чем его собственное. Это обстоятельство позволяет актуализировать собственную значимость каждого человека как участника культурного развития.

Всё многообразие социальных коммуникаций – это нормативные факты. Поэтому в обществе, по выражению Гурвича, должен сформироваться *юридический плюрализм*⁶⁰. Процесс гармонизации интересов социальных субъектов продолжается постоянно, и право формирует всеединство. Поэтому Гурвич называет социальное право не иначе как *правом всеединства*⁶¹. Соборность как достижение гармонии Целого и частей всего социума – это уровень социально-правового развития общества в целом.

Выводы

Концепция социального права Гурвича – один из значимых векторов развития социально-философской мысли русского зарубежья. Философ идентифицирует себя с отечественной философской традицией и предлагает новый взгляд на соборность как на параметр для оценки справедливости. Гурвич отказывается от традиционного понятия соборности, сложившегося

⁵⁴ Гурвич Г.Д. *Идея социального права*. С. 128.

⁵⁵ Там же. С. 161. См. об этом: *Bosserman P. The Twentieth Century's Saint-Simon: Georges Gurvitch's Dialectical Sociology and the New Physics // Sociological Theory*. 1995. Vol. 13. No. 1. P. 53.

⁵⁶ Гурвич Г.Д. *Юридический опыт*. С. 279.

⁵⁷ *Gurvitch G. Is the Antithesis of «Moral Man»*. P. 538.

⁵⁸ Визуально это можно представить в виде системы концентрических кругов (или кругов Эйлера), расходящихся от индивида, где размер каждого круга соответствует объему нормативного факта.

⁵⁹ Гурвич Г.Д. *Идея социального права*. С. 75, 97, 101.

⁶⁰ Там же. С. 78.

⁶¹ Там же. С. 55.

в русской религиозной философии, реализация которого связана с православной церковью как социальным институтом. С его точки зрения, соборность – это результат социально-правового развития.

Функциональность соборности связана со спецификой права в философии Гурвича. Философ мыслил право как способ формирования социального единства. Право сосредоточено на поддержании целостности общества – создает модели социальных практик, оптимизирующие взаимодействия в социуме⁶². При реализации социального права каждый человек получает возможность найти коллективные образования, необходимые для выражения собственного потенциала, либо поучаствовать в создании новых. Человек в рамках социального права ориентирован на поиск коллективных образований для собственной самоактуализации, т.е. для выражения индивидуальной свободы посредством социальных ролей. Идеальное правовое общество воплощает, согласно Гурвичу, *единство во многом*, понимаемое как множество нормативных фактов, для координации которых не требуется сверхфункционального метаобразования⁶³ вроде государства, церкви или иного социального института.

Юридический плюрализм, в свою очередь, порождает социокультурное единство. Гурвич обосновывает эту особенность социального бытия тем, что корреляция и интеграция нормативных фактов обеспечиваются единым алгоритмом их функционирования – осуществлением справедливости на основе социальной саморегуляции и самоорганизации. Соборность в этом контексте трактуется как предельно возможная гармонизация нормативных фактов, не связанная с функциональностью какого-либо социального института.

Трактовка социальных взаимодействий в качестве правовых позволила Гурвичу обосновать понятие соборности в сфере права, рационализировать это понятие и создать на его основе правовой концепт, применимый для анализа любой локальной культуры.

Список литературы

- Антонов М.В. Портреты ученых-юристов. Г.Д. Гурвич: проект социологии права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С. 63–74.
- Бердяев Н.А. Философия свободы // Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С. 12–250.
- Бицилли П.М. G. Gurvitch, L'expérience juridique // Новый Град. 1935. № 10. С. 139–142.
- Булгаков С.Н. О внешнем непогрешительном авторитете церкви // Булгаков С.Н. Православие. Очерки учения православной церкви. Минск: Изд-во Белорусского экзархата, 2011. С. 77–123.
- Виндельбанд В. Sub specie aeternitatis (Медитация) // Виндельбанд В. Избранное: Дух и история / Пер. с нем. М.И. Левиной. М.: Юрист, 1995. С. 271–280.
- Вышеславцев Б.П. Georges Gurvitch. L'Idée du Droit Social // Путь. 1934. № 43. С. 78–82.
- Гессен С.И. Идея социального права // Современные записки. 1932. Кн. 49. С. 421–435.
- Голосенко И.А., Гергилов Р.Е. Георгий (Жорж) Гурвич как социолог // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. № 1. С. 21–31.
- Гофман А.Б. Социология во Франции и в России. К истокам идейных взаимосвязей // Социологические исследования. 2014. № 11 (367). С. 3–12.

⁶² Гурвич Г.Д. Идея социального права. С. 57.

⁶³ Там же. С. 76.

- Гофф Ж. Гурвич и социальное право / Пер. с фр. М.В. Антонова // Правоведение. 2013. № 5 (310). С. 97–111.
- Гурвич Г.Д. Будущность демократии // Современные записки. 1927. Кн. 32. С. 326–355.
- Гурвич Г.Д. Два величайших русских философа права: Борис Чичерин и Владимир Соловьев / Пер. с нем. М.В. Антонова, А.В. Полякова // Известия высших учебных заведений: Правоведение. 2005. № 4. С. 138–164.
- Гурвич Г.Д. Идеология социализма в свете новейшей немецкой литературы // Современные записки. 1924. Кн. 18. С. 404–419.
- Гурвич Г.Д. Философия и социология права: Избранные сочинения / Пер. с фр. М.В. Антонова. СПб.: Изд-во юридического факультета С.-Петербур. гос. ун-та, 2004. 847 с.
- Гурвич Г.Д. Этика и религия // Современные записки. 1926. Кн. 29. С. 259–283.
- Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. I // Гуссерль Э. Избранные работы / Пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Территория будущего, 2005. С. 241–282.
- Жуков В.Н. Юридическая наука и ценности // Государство и право. 2018. № 1. С. 5–16.
- Загирняк М.Ю. Аксиологические аспекты философии права Г.Д. Гурвича // Вопросы философии. 2016. № 9. С. 54–62.
- Ильин И.А. Россия есть живой организм. О русском национализме // Ильин И.А. Национальная Россия: наши задачи. М.: Эксмо: Алгоритм, 2011. С. 151–172.
- Карсавин Л.П. Основы политики // Основы евразийства / Сост. Н. Агамалян и др. М.: Арктогея-Центр, 2002. С. 367–411.
- Корнилаев Л.Ю. Индивидуальное и социальное в философии права Л.И. Петражицкого // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Философия. 2021. Т. 25. № 3. С. 513–523.
- Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики // Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики. Характер русского народа. М.: Политиздат, 1991. С. 24–236.
- Назмутдинов Б.В. Критика Г.Д. Гурвичем правовых воззрений евразийцев // Правоведение. 2014. № 1 (312). С. 203–214.
- Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / Пер. с нем., под ред. С.И. Гессена. М.: Республика, 1998. С. 44–128.
- Соловьев В.С. Красота в природе // Соловьев В.С. Красота как преображающая сила. М.: РИПОЛ классик, 2017. С. 19–84.
- Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Соловьев В.С. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 2: 1875–1877. М.: Наука, 2000. С. 185–308.
- Тимошина Е.В. Право как справедливость: концепция интуитивного права в школе Л.И. Петражицкого // Петербургская школа философии права. К 150-летию со дня рождения Льва Петражицкого / Под ред. А.В. Полякова и Е.В. Тимошиной. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2018. С. 117–132.
- Франк С.Л. Духовные основы общества // Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 13–146.
- Хомяков А.С. Опыт катехизического изложения учения о церкви // Хомяков А.С. Полное собрание сочинение: в 8 т. Т. 2. М.: Университетская тип., 1886. С. 2–26.
- Шелер М. Феноменология и теория познания // Шелер М. Избранные произведения / Пер. с нем. А.Н. Малинкина, А.В. Денежкина. М.: Гнозис, 1994. С. 195–258.
- Antonov M. La théorie du droit de Georges Gurvitch et ses origines philosophiques russes // Droit et société. 2016. Vol. 94. No. 3. P. 503–512.
- Antonov M., Berthold É. Sources russes de la pensée de Georges Gurvitch: écrits de jeunesse dans les annales contemporaines (1924–1931) // Cahiers internationaux de sociologie. 2006. Vol. 121. No. 2. P. 197–226.
- Banakar R. Integrating Reciprocal Perspectives: On Georges Gurvitch's Theory of Immediate Jural Experience // Canadian Journal of Law and Society. 2001. Vol. 16. No. 1. URL: <https://ssrn.com/abstract=1777167> (дата обращения: 22.10.2020).
- Belley J.-G. Le «Droit social» de Gurvitch: trop beau pour être vrai? // Droit et société. 2014. Vol. 88. No. 3. P. 731–746.

- Bosserman P.* The Twentieth Century's Saint-Simon: Georges Gurvitch's Dialectical Sociology and the New Physics // *Sociological Theory*. 1995. Vol. 13. No. 1. P. 48–57.
- Coutu M.* Autonomie collective et pluralisme juridique: Georges Gurvitch, Hugo Sinzheimer et le droit du travail // *Droit et société*. 2015. Vol. 90. No. 2. P. 351–372.
- Dmitrieva N.A.* Back to Kant, or Forward to Enlightenment: The Particularities and Issues of Russian Neo-Kantianism // *Russian Studies in Philosophy*. 2016. Vol. 54. No. 5. P. 378–394.
- Gurvitch G.* Is Moral Philosophy a Normative Theory? // *The Journal of Philosophy*. 1943. Vol. 40. No. 6. P. 141–148.
- Gurvitch G.* Is the Antithesis of «Moral Man» and «Immoral Society» True? // *The Philosophical Review*. 1943. Vol. 52. No. 6. P. 533–552.
- Gurvitch G.* La philosophie phénoménologique en Allemagne. I: Edmund Husserl // *Revue de Métaphysique et de Morale*. 1995. Vol. 35. No. 4. P. 553–597.
- Gurvitch G.* La théorie des valeurs de Heinrich Rickert // *Revue Philosophique de la France et de l'Étranger*. 1937. Vol. 24. No. 9/10. P. 80–88.
- Gurvitch G.* Le principe démocratique et la démocratie future // *Revue de Métaphysique et de Morale*. 1929. Vol. 36. No. 3. P. 403–431.
- Gurvitch G.* Mass, Community, Communion // *The Journal of Philosophy*. 1941. Vol. 38. No. 18. P. 485–496.
- Gurvitch G.* The Problem of Social Law // *Ethics*. 1941. Vol. 52. No. 1. P. 17–40.
- McDonald P.* The Legal Sociology of Georges Gurvitch // *British Journal of Law and Society*. 1979. Vol. 6. No. 1. P. 24–52.
- Toulemont R.* Sociologie et pluralisme dialectique: Introduction à l'œuvre de Georges Gurvitch. Louvain: Nauwelaerts, 1955. 276 p.

The concept of sobornost' in the Georges Gurvitch's philosophy of law*

Mikhail Yu. Zagirnyak

Immanuel Kant Baltic Federal University. 12 Nevskogo Str., Kaliningrad, 236041, Russian Federation; e-mail: MZagirnyak@kantiana.ru

The literature on the subject contains a number of indications that G.D. Gurvitch provided a justification for *sobornost* as a legal concept reflecting the level of social development. However, there are still no special studies devoted to this issue. The author explores Gurvitch's doctrine of auto-theurgy as a justification of a sociocultural reality and shows how Gurvitch characterizes the concept of *volezrenie* as a way of socialization and enculturation of an individual. The analysis of *volezrenie* is then used to explain why the interaction of individuals and collective social actors is a legal matter in Gurvitch's doctrine. In his doctrine of social law, Gurvitch identifies any social fact as a legal fact. For this reason, all social interactions acquire the status of normative facts, i.e. situations of law and order formation. According to Gurvitch, coexistence of a multitude of normative facts, i.e. legal pluralism, ensures the flexibility of a legal system and becomes the basis for a harmonization of personal values of individuals and transpersonal values of social phenomena. Based on these provisions, Gurvitch argues that social law contributes to the achievement of social unity, namely, sobornost in the most effective way. Gurvitch defines sobornost as a self-organizing wholeness within which the freedom of an individual finds its expression through participation in the development of culture itself. In conclusion, it is shown that sobornost, understood as a legal concept, is used in Gurvitch's philosophy to justify an ideal of social development that overcomes the limitations of the meta-ideologies of individualism and collectivism.

* This research was supported from the Russian Federal Academic Leadership Program Priority 2030 at the Immanuel Kant Baltic Federal University.

Keywords: value, individual, society, social law, sobornost', justice, auto-theurgy

For citation: Zagirnyak, M.Yu. "Kontsept sobornosti v filosofii prava G.D. Gurvicha" [The Concept of sobornost' in the Georges Gurvitch's Philosophy of Law], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2022, Vol. 15, No. 3, pp. 34–49. (In Russian)

References

- Antonov, M. "La théorie du droit de Georges Gurvitch et ses origines philosophiques russes", *Droit et société*, 2016, Vol. 94, No. 3, pp. 503–512.
- Antonov, M. "Portrety uchenyh-juristov. G.D. Gurvich: proekt sociologii prava" [Portraits of Legal Scholars. G.D. Gurvich: The Project of the Sociology of Law], *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2014, Vol. 4, pp. 63–74. (In Russian)
- Antonov, M. & Berthold, E. "Sources russes de la pensée de Georges Gurvitch: écrits de jeunesse dans les annales contemporaines (1924–1931)", *Cahiers internationaux de sociologie*, 2006, Vol. 121, No. 2, pp. 197–226.
- Banakar, R. "Integrating Reciprocal Perspectives: On Georges Gurvitch's Theory of Immediate Jural Experience", *Canadian Journal of Law and Society*, 2001, Vol. 16, No. 1 [https://ssrn.com/abstract=1777167, accessed on 27.11.2020].
- Belley, J.-G. "Le 'Droit social' de Gurvitch: trop beau pour être vrai?", *Droit et société*, 2014, Vol. 88, No. 3, pp. 731–746.
- Berdyayev, N. "Filosofija svobody" [The Philosophy of Freedom], in: N.A. Berdyayev, *Filosofija svobody. Smysl tvorchestva* [The Philosophy of Freedom. The Meaning of the Creative Act]. Moscow: Pravda Publ., 1989, pp. 12–250. (In Russian)
- Bicilli, P. "G. Gurvitch, L'expérience juridique" [G. Gurvitch, The Legal Experience], *Novyj Grad*, 1935, Vol. 10, pp. 139–142. (In Russian)
- Bosserman, P. "The Twentieth Century's Saint-Simon: Georges Gurvitch's Dialectical Sociology and the New Physics", *Sociological Theory*, 1995, Vol. 13, No. 1, pp. 48–57.
- Bulgakov, S.N. "O vneshnem nepogreshitel'nom avtoritete cerkvi" [On the external sinful authority of the church], in: S.N. Bulgakov, *Pravoslavie. Ocherki uchenija Pravoslavnoj Cerkvi* [Orthodoxy. Essays on the Teachings of the Orthodox Church]. Minsk: Publishing House of the Belarusian Exarchate, 2011, pp. 77–123. (In Russian)
- Coutu, M. "Autonomie collective et pluralisme juridique: Georges Gurvitch, Hugo Sinzheimer et le droit du travail", *Droit et société*, 2015, Vol. 90, No. 2, pp. 351–372.
- Dmitrieva, N. "Back to Kant, or Forward to Enlightenment: The Particularities and Issues of Russian Neo-Kantianism", *Russian Studies in Philosophy*, 2016, Vol. 54, No. 5, pp. 378–394.
- Frank, S.L. "Duhovnye osnovy obshhestva" [The spiritual foundations of society], in: S.L. Frank, *Duhovnye osnovy obshhestva* [The spiritual foundations of society]. Moscow: Respublika Publ., 1992, pp. 13–146. (In Russian)
- Goff, J. "Gurvich i social'noe parvo" [Gurvitch and Social law], trans. by M. Antonov, *Pravovedenie*, 2013, Vol. 310, No. 5, pp. 97–111. (In Russian)
- Gofman, A. "Sociologija vo Francii i v Rossii. K istokam idejnyh vzaimosvjazej" [Sociology in France and Russia. On the origins of intellectual ties], *Sociological Studies*, 2014, Vol. 11 (367), pp. 3–12. (In Russian)
- Golosenko, I.A. & Gergilov, R.E. "Georgij (Zhorzh) Gurvich kak sociolog" [Georgij (Georges) Gurvitch as sociologist], *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2000, Vol. III, No. 1, pp. 21–31. (In Russian)
- Gurvitch, G. "Budushhnost' demokratii" [The Future of Democracy], *Sovremennye zapiski*, 1927, Vol. 32, pp. 421–435. (In Russian)
- Gurvitch, G. "Dva velichajshih russkih filosofa prava: Boris Chicherin i Vladimir Solovev" [Two of the Greatest Russian Philosophers of Law: Boris Chicherin and Vladimir Solovyov], trans. by M.V. Antonov, *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenii: Pravovedenie*, 2005, No. 4, pp. 138–164. (In Russian)

- Gurvitch, G. "Ideologija socializma v svete novejshej nemeckoj literatury" [The Ideology of Socialism in the Light of Recent German Literature], *Sovremennye zapiski*, 1924, Vol. 18, pp. 404–419. (In Russian)
- Gurvitch, G. "Is Moral Philosophy a Normative Theory?", *The Journal of Philosophy*, Vol. 40, No. 6, pp. 141–148.
- Gurvitch, G. "Is the Antithesis of 'Moral Man' and 'Immoral Society' True?", *The Philosophical Review*, 1943, Vol. 52, No. 6, pp. 533–552.
- Gurvitch, G. "Jetika i religija" [Ethics and Religion], *Sovremennye zapiski*, 1926, Vol. 9, pp. 259–283. (In Russian)
- Gurvitch, G. "La philosophie phénoménologique en Allemagne. I: Edmund Husserl", *Revue de Métaphysique et de Morale*, 1928, Vol. 35, No. 4, pp. 553–597.
- Gurvitch, G. "La théorie des valeurs de Heinrich Rickert", *Revue Philosophique de la France et de l'Étranger*, 1937, Vol. 124, No. 9/10, pp. 80–88.
- Gurvitch, G. "Le principe démocratique et la démocratie future", *Revue de Métaphysique et de Morale*, 1929, Vol. 36, No. 3, pp. 403–431.
- Gurvitch, G. "Mass, Community, Communion", *The Journal of Philosophy*, 1941, Vol. 38, No. 18, pp. 485–496.
- Gurvitch, G. "The Problem of Social Law", *Ethics*, 1941, Vol. 52, No. 1, pp. 17–40.
- Gurvitch, G. *Filosofija i sociologija prava. Izbrannye raboty* [Philosophy and Sociology of Law: Selected Works], trans. by M.V. Antonov. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Publ., 2004. 847 pp. (In Russian)
- Hessen, S.I. "Ideja social'nogo prava" [The Idea of Social Law], *Sovremennye zapiski*, 1932, Vol. 49, pp. 421–435. (In Russian)
- Husserl, E. "Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoj filosofii. Kniga I" [Ideas for Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy. Book I], in: E. Husserl, *Izbrannye raboty* [Selected Works], trans. by A.V. Mikhailov. Moscow: Territoriiia budushhego Publ., 2005, pp. 241–282. (In Russian)
- Ilyin, I.A. "Rossija est' zhivoy organizm. O russkom nacionalizme" [Russia is a living organism. On Russian Nationalism], in: I.A. Ilyin, *Nacional'naja Rossija: nashi zadachi* [National Russia: our tasks]. Moscow: Eksmo Publ.; Algorithm, 2011, pp. 151–172. (In Russian)
- Karsavin, L.P. "Osnovy politiki" [Policy basics], *Osnovy Evrazijsstva* [Fundamentals of Eurasianism], ed. by N. Agamalyan et al. Moscow: Arktogeja-Centr Publ., 2002, pp. 367–411. (In Russian)
- Khomyakov, A.S. "Opyt katehizicheskogo izlozhenija uchenija o cerkvi" [The Experience of the Catechetical Presentation of the doctrine of the Church], in: A.S. Khomyakov, *Polnoe sobranie sochinenii* [The Complete Works], Vol. 2. Moscow: University Printing House, 1886, pp. 2–26. (In Russian)
- Komilaev, L. Yu. "Individual and Social in L.I. Petrazhitzky's Philosophy of Law", *RUDN Journal of Philosophy*, 2021, Vol. 25 (3), pp. 513–523. (In Russian)
- Lossky, N.O. "Uslovija absoljutnogo dobra: Osnovy jetiki" [Conditions of Absolute Good: Fundamentals of Ethics], in: N.O. Lossky, *Uslovija absoljutnogo dobra: Osnovy jetiki; Karakter russkogo naroda* [Conditions of Absolute Good: Fundamentals of Ethics; The character of the Russian Nation]. Moscow: Politizdat Publ., 1991, pp. 24–236. (In Russian)
- McDonald, P. "The Legal Sociology of Georges Gurvitch", *British Journal of Law and Society*, 1979, Vol. 6, No. 1, pp. 24–52.
- Nazmutdinov, B.V. "Kritika G.D. Gurvichem pravovyh vozzrenij evrazijscev" [George Gurvitch's Critique of the Eurasianist Legal Views], *Pravovedenie*, 2014, Vol. 312, No. 1, pp. 203–214. (In Russian)
- Rickert, H. "Nauki o prirode i nauki o kul'ture" [Cultural Science and Natural Science], in: H. Rickert, *Nauki o prirode i nauki o kul'ture* [Cultural Science and Natural Science], ed. of S.I. Hessen. Moscow: Respublika Publ., 1998, pp. 44–128. (In Russian)
- Scheler, M. "Fenomenologija i teorija poznanija" [Phenomenology and Cognitive Theory], in: M. Scheler, *Izbrannye proizvedenija* [Selected Works], trans. by A.N. Malinkin and A.V. Denezhkin. Moscow: Gnosis Publ., 1994, pp. 195–258. (In Russian)

- Solovyov, V.S. “Filosofskie nachala cel’nogo znaniya” [The Philosophical Principles of Integral Knowledge], in: V.S. Solovyov, *Polnoe sobranie sochinenij i pisem* [The Complete Works and Letters], Vol. 2: 1875–1877. Moscow: Nauka Publ., 2000, pp. 185–308. (In Russian)
- Solovyov, V.S. “Krasota v prirode” [Beauty in Nature], in: V.S. Solovyov, *Krasota kak preobrazhajushhaja sila* [Beauty as a Transformative Force]. Moscow: RIPOL klassik Publ., 2017, pp. 19–84. (In Russian)
- Timoshina, E.V. “Pravo kak spravedlivost’: koncepcija intuitivnogo prava v shkole L.I. Petrazhickogo” [Law as Justice: The Concept of Intuitive Law in the School of Lev Petrazhitsky], *Peterburgskaja shkola filosofii prava. K 150-letiju so dnja rozhdenija L’va Petrazhickogo* [The St. Petersburg School of Legal Philosophy. To the 150th Anniversary of Lev Petrazhitsky’s Birth], ed. by A.V. Polyakov and E.V. Timoshina. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2018, pp. 117–132. (In Russian)
- Toulemont, R. *Sociologie et pluralisme dialectique: Introduction a l’oeuvre de Georges Gurvitch*. Louvain: Nauwelaerts, 1955. 276 pp.
- Vysheslavtsev, B.P. “Georges Gurvitch. L’Idée du Droit Social” [Georges Gurvitch. The Idea of Social Law], *Put’*, 1934, Vol. 43, pp. 78–82. (In Russian)
- Windelband, W. “Sub specie aetemitatis (Meditacia)” [Sub specie aetemitatis (Meditation)], in: W. Windelband, *Izbrannoe: Duh i istorija* [Selected: Spirit and History], trans. by M.I. Levina. Moscow: Jurist Publ., 1995, pp. 271–280. (In Russian)
- Zagimnyak, M.Yu. “Axiological Aspects of the Georges Gurvitch’s Legal Philosophy”, *Voprosy filosofii*, 2016, Vol. 9, pp. 54–62. (In Russian)
- Zhukov, V.N. “Juridicheskaja nauka i cennosti” [Legal Science and Values], *State and Law*, 2018, Vol. 1, pp. 5–16. (In Russian)

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

В.Л. Иванов

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ ВЕЩИ КАК *SIMUL TOTUM* И УЧЕНИЕ О ДИСТИНКЦИЯХ В «МЕТАФИЗИКЕ» НИКОЛАЯ БОНЕТА*

Иванов Виталий Львович – научный сотрудник Научно-образовательного Центра проблем философии, религии, культуры. Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения. Российская Федерация, 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 67, лит. А; e-mail: ivavit@gmail.com

В статье исследуется учение о вещи в созданной в начале 1330-х гг. «Метафизике» оригинального францисканского теолога и философа Николая Бонета. В статье указывается на историко-философское значение этого сочинения, состоящее в том, что «Метафизика» Бонета – один из первых больших самостоятельных, т.е. не связанных с традицией комментирования Аристотеля, трактатов о метафизике в схоластической традиции и первый трактат в истории философии под заголовком «Метафизика», названный так самим автором. Во-первых, мы представляем биографию автора трактата и кратко характеризуем структуру его четырехчастного «сочинения о философии», а также подчеркиваем важность разделения на метафизику и натуральную теологию, впервые в истории схоластической традиции не только заявленного как проект, но и осуществленного именно Бонетом. Во-вторых, мы исследуем место III кн. «Метафизики» в целом метафизического трактата Бонета и выявляем две главные содержательные темы этой книги: учение о вещи и учение о дистинкциях и тождествах. В-третьих, на материале I и III кн. «Метафизики» демонстрируется связь, оппозиция и частичное совпадение двух фундаментальных понятий метафизики Бонета: понятия сущего как сущего и понятия вещи, а также выявляется ведущее значение понятия вещи как «*simul totum*», т.е. единичного «конституированного целого» из метафизических элементов (формальностей, чтойностных и индивидуальных дифференций, внутренних модусов, свойств). Наконец, мы анализируем взаимосвязь учения о вещи и учения о дистинкциях у Бонета и эксплицируем то, как учение о реальной и формальной дистинкции и тождестве подчинено цели аналитики метафизической «конституции вещи» и встроено в трактат о вещи. Это, в свою очередь, позволяет сделать вывод о том, что основным отличием «формалистского трактата» о дистинкциях и тождествах, в качестве которого воспринималось содержание III кн. «Метафизики» Бонета последующей скотистской традицией, в сравнении с соответствующими трактатами Франциска Мероннского и Петра Фомы является именно определяющая для понимания «формальностей» роль онтологического понятия вещи как «метафизического целого» или индивидуума у Бонета.

* Статья написана при финансовой поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-011-00439 «Понятие и реальность. Теологические основания средневековой онтологии».

Ключевые слова: Высокая схоластика, Николай Бонет, первая самостоятельная схолистская метафизика, учение о вещи, трактат о дистинкциях

Для цитирования: Иванов В.Л. Онтологическая конституция вещи как *simul totum* и учение о дистинкциях в «Метафизике» Николая Бонета // *Философский журнал / Philosophy Journal*. 2022. Т. 15. № 3. С. 50–69.

1. Первая систематическая метафизика в истории?

Примерно с тем же рвением¹, с которым историки философии во второй половине XX в. пытались найти исторические истоки традиционно связываемого с именем Хр. Вольфа и известного современности главным образом из работ Канта разделения метафизики на *общую* и *специальную*, еще раньше они начали поиск первой исторической формы *систематической* (или методически изложенной) метафизики. Исторический интерес к возникновению «систематической метафизики» можно объяснить, с одной стороны, доминированием неокантианских эпистемологических представлений в истории философии конца XIX – первой трети XX в., а с другой стороны, общим осознанием – особенно после работ В. Йегера – *проблематического* характера единства сочинения Аристотеля о «первой философии». Само понятие «системы» философии, как и критерии ее «систематичности», разумеется, исторически обусловлено (главным образом философскими «открытиями» в разных вариантах немецкой идеалистической философии), но, поскольку нас интересует здесь только историко-философская сторона вопроса, мы не будем пытаться анализировать сложную взаимосвязь исторического и систематического в новой и новейшей философии, а упростим критерии поиска, истолковав вопрос более традиционно: кто написал первый систематический трактат или самостоятельное изложение² метафизики как науки? Сам автор идеи некоторой первой теоретической науки, т.е. Аристотель, едва ли может быть признан философом, изложившим *метафизическую науку* в отдельном сочинении, – по многим и разнородным основаниям, главным из которых, как представляется, является отсутствие у него развернутого обсуждения *научного* характера «первой науки», а также единства разных описаний ее «подлежащего». Если мы ограничим поиск автора «первой систематической метафизики» рамками схолистической традиции Запада, то таковым был, как мы теперь знаем³, францисканец Николай Бонет (ум. 1343 г.). «Метафизика» Бонета, созданная в начале 1330-х гг. (вероятно, в Париже), – это полностью независимый от композиции аристотелевских книг о первой

¹ Следует отметить, что это рвение было особенно мотивировано публикацией в 1957 г. доклада М. Хайдеггера об «онто-теологической конституции метафизики».

² Под систематичностью или самостоятельностью здесь и далее понимается не-ориентированность в самой форме изложения на сочинения иных авторов.

³ Хотя сам этот факт был известен в современности по крайней мере с 1962 г. (см.: *Riesco Terreiro J.* Nicolas Bonet escribe una metafísica sistemática dos siglos y medio antes que Suarez // *Salamanticensis*. 1962. No. 9. P. 3–21), однако его значимость для истории схолистической метафизики была эксплицитно осознана сравнительно недавно, ср. следующие работы: *Aertsen J.* Medieval Philosophy as Transcendental Thought. From Philip the Chancellor (ca. 1225) to Francisco Suárez. Leiden; Boston, 2012. P. 481; *Duba W.O.* Three Franciscan Metaphysicians after Scotus: Antonius Andreae, Francis of Marchia, and Nicholas Bonet // *The Latin Medieval Commentaries on Aristotle's Metaphysics*. Leiden; Boston, 2014. P. 466; *Goris W.* Transzendente Einheit. Leiden; Boston, 2015. S. 102–104.

философии большой трактат, который впервые в истории философии получил название «Метафизика» от самого автора. Целью данного исследования является анализ учения о вещи в III кн. «Метафизики» Бонета. Однако для лучшего понимания контекста учения о вещи мы сначала представим биографию и сочинения Бонета, а далее кратко охарактеризуем структуру его метафизики и место III кн. в целом трактате.

2. Биография и сочинения Николая Бонета, ОМБ

Как и о подавляющем большинстве философов и теологов Высокой схоластики, о биографии Николая Бонета известно крайне мало достоверных фактов⁴. Основываясь на том, что мы знаем о стандартной карьере ученого францисканца и о среднем возрасте получения миноритами степени магистра теологии (около 45 лет), а также на документально зафиксированной дате первого появления Бонета в качестве магистра теологии (конец 1333 г.), можно предположить, что он родился в 1280-е гг. Документально известно, что он был французом из Турени и стал братом францисканского ордена, вступив в конвент миноритов в Туре. Согласно выглядящей достаточно обоснованной гипотезе Дьюбы⁵, Бонет получил высшую и наиболее почетную в схоластическом университете степень магистра теологии Парижского университета весной 1333 г., был «актуально правящим магистром», т.е. профессором теологии, на францисканской кафедре в Париже в 1333–1334 гг. и участвовал в работе комиссии ведущих парижских теологов, созванной в конце 1333 г. французским королем Филиппом VI для консультаций по вопросу о так называемом «видении блаженных». Известно также, что в 1338 г. по поручению папы Бенедикта XII Бонет участвовал (в качестве «профессора теологии») в подготовке дипломатического посольства курии к монгольскому великому хану, а в 1342 г. Бонет был назначен папой Климентом VI епископом Мальты. Он умер не позднее октября 1343 г., поскольку этим временем датируется папская булла, называющая его преемника на епископскую кафедру и упоминающая смерть Бонета. Не существует никаких достоверных исторических свидетельств относительно того, учился ли когда-либо Бонет лично у Дунса Скота⁶, хотя позднейшая скотистская историография традиционно относит его к личным ученикам Тонкого учителя.

Ситуация с сочинениями Николая Бонета довольно необычна и сильно отличается от стандартной для первой трети XIV в. в том плане, что, несмотря на то, что Бонет был магистром и профессором *теологии*, до нас не дошло (или пока не обнаружено) ни одного его теологического сочинения – ни по схоластической, ни по экзегетической теологии. На настоящий момент у нас нет – ни в виде отредактированного сочинения, ни просто студенческой записи – даже его теологического курса по «Сентенциям», т.е. работы

⁴ См.: Duba W.O. Three Franciscan Metaphysicians after Scotus. P. 466–469.

⁵ Ibid. P. 469.

⁶ Если он все же учился у Скота, то только в качестве студента францисканской программы «лектората», поскольку по возрасту он относится, скорее всего, к следующему поколению после Скота и потому никак не мог в середине 1300-х гг. участвовать в программе теологического *бакалавриата* в Париже.

в обязательном, наиболее популярном и важнейшем для мендикантских⁷ теологов жанре схоластической теологии. В отличие от подавляющего большинства францисканских теологов⁸ времени расцвета философской теологии (первая треть XIV в.) мы знаем сегодня Бонета исключительно как автора *философских* сочинений, если говорить точнее: *одного* философского сочинения, состоящего из четырех самостоятельных трактатов. Несмотря на то, что лишь несколько известных нам сегодня манускриптов XIV и XV вв.⁹ содержат все четыре трактата вместе и в одном порядке, перекрестные ссылки в каждом из четырех трактатов, а главное – то обстоятельство, что сам Бонет несколько раз эксплицитно обсуждает¹⁰ порядок между четырьмя науками, которые содержатся в них, достаточно ясно доказывает то, что все четыре трактата либо были задуманы как части *одного* большого сочинения, либо являются серией работ, написанных по *единому* замыслу. Кроме того, наиболее распространенное и влиятельное старопечатное Венецианское издание 1505 г. содержит все четыре трактата как своеобразное «собрание сочинений» Бонета в «четыре томах», так что благодаря ему факт связности и упорядоченности этих трактатов был зафиксирован и воспринят в последующей схоластической (особенно – скотистской) традиции. Поскольку в тексте Бонета не содержится единого названия для всей серии, мы условно можем называть это четырехчастное целое «Философским сочинением», так как оно, по всей вероятности, содержательно исчерпывает совокупность теоретических философских наук согласно Бонету.

Итак, четыре трактата, составляющие это целое в том порядке, который артикулирован самим автором, таковы: 1) «Метафизика»; 2) «Натуральная философия»; 3) «Категории, или 10 книг о 10 первых родах»; 4) «Натуральная теология». Нужно подчеркнуть, во-первых, что определяющим строем и порядком целого является *эпистемологическая* концепция Бонета: все четыре дисциплины понимаются именно как науки с собственным *подлежащим*, т. е. – в наших терминах – «предметом» (в случае «Категорий» на самом деле – с десятью разными подлежащими), принципом и свойствами, демонстрируемыми или известными о подлежащем, причем теория подлежащего науки, основывающаяся на отчасти преобразованной Скотом аристотелевской эпистемологии «Второй аналитики», содержится в начале первой науки, т.е. метафизики, а частично дополнительно обсуждается Бонетом в начале каждого из следующих трех трактатов. Именно соотношение между подлежащими определяет порядок познания и изложения наук¹¹. Что касается самих этих подлежащих, то первым подлежащим метафизики является, согласно Бонету, «сущее, поскольку оно сущее», первым подлежащим

⁷ Представители мендикантских или *нищенствующих* орденов (двух главных – доминиканцев и францисканцев, а также августинцев и кармелитов) были основной и ведущей силой в формировании и развитии схоластической теологии и философии в век Высокой схоластики (1250–1350). См. актуальное состояние исследований о мендикантской теологии и философии в большом сборнике: *Philosophy and Theology in the «Studia» of the Religious Orders and at Papal and Royal Courts*. Turnhout, 2012.

⁸ Даже от Антония Андреа и Петра Фомы, большую часть наследия которых составляют философские сочинения, дошли также и теологические работы.

⁹ См.: BNF, Ms. lat. 16132; BAV, Vat. lat. 11504.

¹⁰ См.: *Nicolaus Bonetus, OFM. Nicolai Boneti Quattuor volumina: Metaphysica, Physica, Liber predicamentorum, Theologia naturalis*. Venetiis, 1505. F. 45ra–b, 91ra.

¹¹ Ibid. F. 17rb.

натуральной философии – «ограниченное сущее» (*ens limitatum*), первыми подлежащими учения о категориях – 10 высших или первых родов, а натуральной теологии – «первый ум» или «первый двигатель» (т.е. Бог). Во-вторых, все четыре трактата, как уже было специально отмечено в отношении первого из них, являются *не* комментариями к аристотелевским текстам, но совершенно оригинальными и написанными по собственному плану исследованиями предметов и трудностей четырех теоретических наук. В-третьих, Бонет *впервые* в схоластической традиции написал не только самостоятельную метафизику, но и отдельную от нее специальную *натуральную теологию*: хотя сама идея разделения классического содержания метафизики на две части – собственно «метафизику о сущем» и специальную метафизическую науку «о божественном» – обсуждалась Скотом¹² и была аффирмативно обоснована Франциском из Марки¹³, Николай Бонет был первым философом, кто действительно осуществил это разделение и изложил две разные науки, так что его авторству принадлежит также первый в истории оригинальный трактат под названием «Натуральная теология»¹⁴.

Отдельно следует обсудить еще два связанных между собой вопроса: когда примерно были созданы эти философские трактаты? И насколько обоснованно считать Бонета «последователем Скота», или «ранним скотистом»? Что касается первого вопроса, поскольку Бонет не называет эксплицитно ни одного имени среди современных ему или чуть более ранних философов или теологов, да и вообще не упоминает в своем тексте никого, кроме Аристотеля и Аверроэса, то все современные идентификации цитат из других авторов, могущие быть основанием для датировки его работ, являются лишь гипотетическими и предварительными. С другой стороны, ранняя рецепция теорий Бонета в XIV в. вообще никак не изучена, известный нам период его популярности среди францисканцев приходится скорее на середину XV в. и позже, поэтому в датировке «ante quem» нам вообще не на что опереться. Бонет, несомненно, обсуждает позиции Дунса Скота, Петра Ауреола, знает теории Франциска Мероннского и Петра Фомы, а также, согласно ряду современных исследователей¹⁵, Герарда Одонского и Ричарда ФитцРальфа. Если судить по известной нам примерной датировке теологических комментариев к «Сентенциям» (версия *Conflatus*) Франциска Мероннского (около 1325 г.) и Герарда Одонского (1327–1328), а также философских трактатов Петра Фомы (после 1325 г.), Бонет совершенно точно написал собственные философские трактаты в самом конце 1320-х –

¹² Дунс Скот «Вопросы о книгах Метафизики Аристотеля». Кн. I, вопр. 1, п. 154–155, 156–161 (*Duns Scotus. Quaestiones super libros Metaphysicorum Aristotelis. Libri I–V* // B. Ioannis Duns Scoti OFM Opera Philosophica. Vol. III. St. Bonaventure; N.Y., 1997. P. 68–72).

¹³ Франциск из Марки «Вопросы о метафизике», Пролог, п. 40–43; кн. I, вопр. 1, п. 28–49 (*Franciscus de Marchia, OFM. Quaestiones super Metaphysicam. Grottaferrata; Roma, 2012. P. 55–57, 69–75*).

¹⁴ О концепции и важнейших темах натуральной теологии Бонета см. только что вышедшую статью Г. Смита: *Smith G.R. The Natural Theology of Nicholas Bonetus* // *Rivista di Storia della Filosofia*. 2021. No. 4. P. 642–667.

¹⁵ См.: *Duba W.O. Three Franciscan Metaphysicians after Scotus*. P. 466; *Grellard Ch. Les pré-supposés méthodologiques de l'atomisme: la théorie du continu de Nicolas d'Autrécourt et Nicolas Bonet* // *Méthodes et statut des sciences à la fin du Moyen-Âge*. Paris, 2004. P. 182; *Hübener W. «Objektivität» und «Realisierung»*. Zwei Beispiele für die Weiterarbeit der Aristotelischen Scholastik am metaphysischen Grundvokabular // *Archiv für Begriffsgeschichte*. 2007. Bd. 49. S. 60, 64.

начале 1330-х гг., причем большинство исследователей сейчас склоняются скорее к более поздней дате. Что касается вопроса о «скотизме» Бонета, если судить по отсутствию любых эксплицитных цитат и упоминаний имени Скота (не говоря уже о таких популярных среди ранних последователей Скота именовании, как «наш Учитель» или просто «Учитель»), то по этим внешним признакам можно заключить, что, вероятно, Бонет, по крайней мере не желал, чтобы его рассматривали как «последователя Скота» в точном смысле слова. С другой стороны, если мы обращаем внимание на его содержательное обсуждение прежде всего метафизических тем, а также на философскую понятийность и терминологию, то можно отметить несомненную близость его теорий таким отличительным и обязательным для любого следующего Скоту философа позициям, как *унивокация* чтойностного понятия сущего и *формальная дистинкция* (в смысле дистинкции из природы вещи, но не в полном смысле реальной). Бонет постоянно ссылается на некий предполагаемый им, а на самом деле скорее специально им конструируемый консенсус «древних и современных философов» – вплоть до знаменитого утверждения¹⁶ о том, что родоначальниками «формальной дистинкции» и «полагания формальностей» были не философы в Шотландии или Париже (намек на происхождение Иоанна Дунса из Шотландии, учившего в Париже), но де сам Аристотель в своей школе в греческих Афинах, – однако содержательно эта «общая» позиция скорее соответствует именно (пусть и не менее воображаемому) консенсусу «школы Скота». Иначе говоря, сам Бонет стилизует себя под выразителя общего мнения «всех философов», а на деле является весьма независимым последователем Скота – в том смысле, что его общая понятийность и некоторые фундаментальные метафизические позиции определены общетеоретическим наследием Тонкого учителя. Мы считаем, что дополнительной гипотетической причиной того, почему Бонет не упоминает, по крайней мере в *метафизике*, Скота как автора «авторитетных утверждений», заключается то, что в XIV в. вообще, да и большинством первых последователей, Скот рассматривался как крайне значимый и авторитетный автор именно в схоластической *теологии*, а вовсе не в метафизике, поскольку как раз большого и законченного сочинения по метафизике Скот после себя вообще не оставил, иначе говоря, Бонету просто не на что было предметно сослаться в ходе его собственного метафизического изложения.

3. «Метафизика»: структура сочинения и место III книги в целом трактате

Среди всех трактатов в «Философском сочинении» Бонета наиболее оригинальным и интересным представляется его изложение метафизической науки, разделяющееся на девять книг. I книга «Метафизики» посвящена эпистемологическому рассмотрению подлежащего знания, унивокального термина, свойствам или характеристикам первого подлежащего науки, а также длительному обсуждению того, что есть *подлежащее*

¹⁶ Ср.: *Nicolaus Bonetus, OFM. Nicolai Boneti OFM Metaphysica // Nicolai Boneti Quattuor volumina: Metaphysica, Physica, Liber predicamentorum, Theologia naturalis. Venetiis, 1505. F. 22rb.*

метафизики как науки¹⁷ (включая пространное исследование унивокации чтойности сущего как такового, которое выступает подлежащим метафизики). Во II кн. продолжается эпистемологическое рассмотрение – уже не подлежащего, а самой метафизики как «хабитуса» науки и ее свойств, а также эксплицируется типично скотистский вопрос о первом объекте интеллекта. В III кн. Бонет довольно неожиданно исследует дистинкции и тождества, а также разъясняет значения некоторых метафизических терминов, что подробнее будет проанализировано чуть ниже. IV кн. имеет дело с первым сложным *принципом* (т.е. с принципом противоречия) и его «адекватным подлежащим», а также с разными родами противоположностей. V и VI кн. содержат в себе учение о свойствах или «терпениях сущего» как такового¹⁸ – простых и дизъюнктивных, тут рассматриваются: единство¹⁹, истина²⁰, благо, первенство, контрагируемость, чистая потенциальность и абсолютная простота чтойности сущего, а также необходимость и контингенция, первое и последующее, акт и потенция, конечность и бесконечность и др. VII и VIII кн. посвящены подробной дискуссии о мнениях Платона и Аристотеля относительно *универсальных* предикатов. Наконец, IX кн. содержит учение о *разделении* сущего и об общих для Бога и тварей унивокальных предикатах.

Интересно, что все книги «Метафизики», кроме первой, содержащей в начале пространное эпистемологическое введение о порядке знания, а также специальных книг об универсальном (VII и VIII кн.), всегда начинаются Бонетом с предложения, в котором обязательно встречается термин «ens in quantum ens» («сущее, поскольку оно сущее»), т.е. предпочитаемое им обозначение подлежащего предмета науки метафизики. Таким образом Бонет, как кажется, пытается подчеркнуть *единство* метафизического изложения, поскольку всё в метафизике, согласно его неоднократным декларациям, так или иначе связано с ее подлежащим. Поскольку однако Бонет строит свое изложение метафизики «систематически», то кроме указания на связь с подлежащим как единым «принципом» каждая книга в начале также содержит экспликацию собственной *цели*. Не исключение здесь и интересующая нас специально III кн.: Бонет начинает ее со своеобразного пролога²¹, содержащего ряд принципиальных положений.

Во-первых, он напоминает, что сущее, поскольку оно сущее, есть первая и абсолютно простая чтойность, а во-вторых, утверждает, что эта чтойность является первым (подразумевается: внутренним) *принципом* чего угодно иного, обладающего некоторой чтойностью. Отсюда разъясняется

¹⁷ См. об этом: *Mandrella I.* Metaphysik als Supertranszendentalwissenschaft? Zum scotistischen Metaphysikentwurf des Nicolaus Bonetus // *Recherches de Théologie et Philosophie Médiévales.* 2008. Vol. 75. S. 170–182; *Forlivesi M.* «Quae in hac quaestione tradit Doctor videntur humanum ingenium superare». Scotus, Andrés, Bonet, Zerbi and Trombetta Confronting the Nature of Metaphysics // *Quaestio.* Vol. 8: La posterità di Giovanni Duns Scoto. 2008. P. 248–256; *Aertsen J.* Medieval Philosophy as Transcendental Thought. P. 484–487; *Goris W.* Transzendente Einheit. S. 102–109.

¹⁸ См.: *Hübener W.* «Objektivität» und «Realisierung». S. 61; *Duba W.O.* Three Franciscan Metaphysicians after Scotus. P. 476–480.

¹⁹ Специально о единстве см.: *Goris W.* Transzendente Einheit. S. 109–117.

²⁰ См.: *Duba W.O.* Three Franciscan Metaphysicians after Scotus. P. 488–492.

²¹ См.: *Nicolaus Bonetus, OFM.* Metaphysica. F. 19rb. Ср. также наш перевод первой части III кн. «Метафизики», который принят для публикации в журнале «Платоновские исследования», выпуск 17 (2022/2).

и специальная задача III кн.: «должно исследовать тождество и дистинкцию» первой чтойности сущего от любой иной чтойности «из природы вещи»²². Как кажется, с этим вполне согласуется и содержание самой этой книги: вся ее вторая половина (огромная восьмая глава в Венецианском издании 1505 г.) посвящена доказательству «возможности и необходимости дистинкции из природы вещи», причем первым и главным аргументом²³ в пользу необходимости такой дистинкции выступает то, что если мы вслед Бонету принимаем *унивокацию* сущего как первой и отдельной чтойности по отношению ко всем иным чтойностным понятиям²⁴, то мы не сможем ни объяснить способ *контракции* сущего как такового по отношению к иным чтойностным сущим (потому что сущее должно быть дистинктно от своих дифференций, чтобы они могли его контрагировать), ни понять способ «содержания» (*inclusio*) первой чтойности в иных, например, в первых категориальных родах (потому что сущее должно быть дистинктно и разом тождественно с любой категорией, чтобы, с одной стороны, заключаться в ней, но, с другой стороны, заключаться не в ней одной, а в них всех), если не докажем возможность *дистинкции из природы вещи*, а не только дистинкции посредством интеллекта. Этой общей задаче соответствует и утверждение в конце книги²⁵, что она завершает собой общий трактат о сущем, поскольку оно сущее, который таким образом охватывает части I, II и III кн., после чего начинается трактат о свойствах сущего.

Но главным аргументом, который кажется свидетельствующим в пользу того, что III кн. посвящена именно учению о *дистинкциях* и *тождествах*, можно считать исторический: одна только эта книга из всего трактата о метафизике довольно часто имела в рукописной традиции отдельное от остального трактата хождение – как особый «трактат о формальностях»²⁶ Бонета, а два раза в XV в. она даже была отдельно напечатана (причем оба издания – под ошибочным именем Антония Андреа в 1475 г. и под собственным именем Бонета в 1489 г. – вышли даже раньше, чем первый раз была напечатана вся «Метафизика» целиком в 1493 г.). Иначе говоря, содержание III кн. «Метафизики» Бонета было воспринято францисканскими последователями Скота как трактат о дистинкциях и тождествах и в качестве отдельного произведения встроено в XV в. в формалистскую традицию. И хотя Бонет разъясняет в ходе своего изложения в III кн. не только дистинкции и тождества, но и *формальности* и *внутренние модусы*, подводя это под общую рамку экспликации важных метафизических терминов, это также вполне подходило под общий стандарт формалистских трактатов. Что, однако, с первого же взгляда на содержание III кн. вызывает некоторое непонимание, так это

²² *Nicolaus Bonetus, OFM. Metaphysica. F. 19rb.*

²³ *Ibid. F. 21vb.*

²⁴ Эта унивокация была подробно эксплицирована и доказана в гл. 6 кн. I «О подлежащем этой метафизики», см.: *Nicolaus Bonetus, OFM. Metaphysica. F. 7va – 9vb.*

²⁵ *Ibid. F. 24ra.*

²⁶ О традиции «трактатов о формальностях» см.: *Poppi A. Il contributo dei formalisti padovani al problema delle distinzioni // Problemi e figure della scuola scotistica del Santo. Padova, 1966. P. 601–790; Вдовина Г.В. Антоний Сирект и традиция «Трактатов о формальностях» // ESSE: Философские и теологические исследования. 2016. Т. 1. № 2. С. 267–286, а также наши примечания к переводу: *Псевдо-Франциск Меронский. Трактат о формальностях. Раздел II и III // ESSE: Философские и теологические исследования. 2017. Т. 2. № 1/2. С. 167–255.**

то, что экспликация «метафизических имен» начинается в ней с аналитики термина «вещь». Если же более внимательно проанализировать изложение в этой книге, то обнаруживается, что понятие вещи тематизируется в ней в нескольких местах (1-я, 2-я, 6-я и части 8-й главы), так что вся III кн. в целом оказывается не только учением Бонета о дистинкциях, но, наряду с этим, и его учением о вещи, так что именно прояснение понятия вещи вместе с аналитикой дистинкций выполняет объявленную задачу этой книги: завершение трактата о сущем как таковом на пути выяснения его дистинкции от иных сущих. Цель последующего изложения состоит в том, чтобы проанализировать функцию и значение понятия вещи в контексте III кн. И ответить на вопрос, какое понятие вещи является ведущим для Бонета, а также почему дополнительно к своему понятию сущего он нуждается именно в таком понятии вещи.

4. Центральный вопрос III кн. «Метафизики»: что есть вещь?

4.1. Три значения вещи. Вещь и сущее. Вещь и «нечто вещи»

«Что́ есть вещь (res)? Что ты понимаешь под вещью?» – спрашивает Бонет²⁷ в начале первой главы III кн. и отвечает на это типично по-схоластически, т.е. посредством *разделения значений* термина²⁸. Бонет утверждает, что о вещи философы говорят в трех значениях: некоторые понимают ее в значении «субстрата», или подлежащего, иные – в значении «предиката», а третьи – в значении чего-то «конституированного» и «получившегося». Первым способом обозначения вещь (или *реальность*²⁹ – добавляет тут же Бонет) понимается как «некий внутренний модус», которым «реализуются» – Бонет использует собственный неологизм «*teantur*» («овеществляются») – разнообразные чтойности, дифференции и свойства, заключенные в конкретном индивидууме, например Сократе³⁰. Отличительной чертой этого понимания вещи является, во-первых, характеристика реальности как «внутреннего модуса», а во-вторых, понимание «вещи» как чего-то *единого*, что наделяет все разнообразные чтойностные предикаты в сущем *одной* «реальностью»³¹, овеществляя их все на манер некоторого «подлежащего».

²⁷ См.: *Nicolaus Bonetus, OFM. Metaphysica. F. 19rb–va*, ср. также наш перевод (см. в сноске 21 выше).

²⁸ Из дальнейшего очевидно, что, согласно Бонету, термин «вещь» как общий для этих трех значений эквивокален по отношению к ним.

²⁹ «Вещь» является общепринятым переводом термина «res», поэтому в дальнейшем изложении производные от res/вещи «реальность» (realitas) и «вещность», а также «реализуются» и «овеществляются» употребляются как полные синонимы. При этом необходимо помнить, что realitas («реальность») является собственным термином схоластической метафизики и теологии, а потому она не может смутно пониматься на современный (последегелевский) манер как какое-то всеобщее имя для совокупности всего действительного или существующего.

³⁰ См. об этом: *Hübener W. «Objektivität» und «Realisierung»*. S. 62–63.

³¹ Ср.: «...точно так же, как Сократ и человек, и разумное, и животное, как и все иное пребывающее в Сократе, сказываются “сущим” из-за единственной сущности и чтойности сущего в одном индивидууме сущего, соответствующей всем тем, что пребывают в Сократе, как предикат, так же и все предикаты сказываются “вещью” от одной реальности и одной вещи, соответствующей им как субстрат; к каковой вещи или реальности

Оба этих признака данного значения вещи или реальности свидетельствуют, что оно происходит из круга Франциска Мероннского, который был одной из самых влиятельных фигур среди францисканцев в Париже первой половины 1320-х гг. Именно Франциск Мероннский впервые ввел понимание реальности как «внутреннего модуса», кроме того, некоторые его описания в дистинкции 8 «Конфлатуса» очень напоминают³² то, как объясняет реальность или вещь в первом значении Бонет.

Вторым способом вещь понимается как «любой высказанный о чем-то позитивный предикат», в этом значении универсального позитивного «предиката» вещь равна «всему, что вообще не есть ничто». Бонет подчеркивает, что в этом значении «вещь» и позитивное обращаются друг с другом, а вещь есть *эквивокальное* имя. Однако более важным является то, что в этом значении вещь обращается и совпадает с *сущим*, но не с тем сущим, которое Бонет установил как унивокальное подлежащее науки метафизики (сущее в этом «втором – по счету главы 6 кн. I “Метафизики” Бонета – значении» является «определенной чтойностью»³³, дистинктной от всех иных чтойностей и дифференций, а не совпадающей с ними в предикации), а с так называемым *сущим в первом значении*, т.е. поскольку под сущим понимается *эквивокальное* имя, которое также обозначает «все позитивное, которое есть вне ничто» и охватывает как реальное сущее, так и сущее разума, т.е. любую чтойность и любое объективное содержание (*ratio*) вообще³⁴. Бонет утверждает, что именно в этом значении вещи как эквивокального позитивного предиката понимают ее *оппоненты* «формальной дистинкции» или дистинкции из природы вещи, при этом его аргументы³⁵ против отождествления сущего как предмета метафизики и сущего как любого позитивного предиката (который равен вещи во втором значении) в трактате об унивокации сущего в I кн. свидетельствуют, что, вероятно, за этими «оппонентами» прежде всего скрывается наиболее влиятельный критик Скота и ранних формалистов – Пётр Ауреол³⁶. Поскольку Бонет считает, что эквивокальные термины вообще не могут быть предметами науки, то он напрочь отрицает³⁷ всякое использование данного значения вещи в своей метафизике.

стягиваются (*trahuntur*) все через себя заключенные в Сократе силой действующего и производящего чтойности и дифференции, а также их терпения». См. *Nicolaus Bonetus, OFM. Metaphysica*. F. 19va.

³² См.: *Franciscus de Mayronis. Conflatus. Kommentar zum ersten Buch der Sentenzen*. Freiburg; Basel; Wien, 2013. S. 368–369, 388, а особенно 392.

³³ См.: *Nicolaus Bonetus, OFM. Metaphysica*. F. 7ra–va.

³⁴ *Ibid.*

³⁵ *Ibid.* F. 7rb–va, ср. также: F. 21va.

³⁶ Об аргументах Ауреола против позиции «полагающих формальности» см.: *Вдовина Г.В.* Ранние оппоненты учения о формальностях и формальном различии // *ESSE: Философские и теологические исследования*. 2021. Т. 6. № 1. С. 135–144.

³⁷ Ср.: *Nicolaus Bonetus, OFM. Metaphysica*. F. 19va: «...и в этой [нашей] метафизике вещь [вовсе] не берется этим способом, более того, такое значение того имени, которое есть “вещь”, всецело отвергается в нашем рассмотрении, и мы никоим образом не желаем использовать имя “вещь” в таком значении». Еще одним основанием отказа Бонета использовать термин “вещь” в данном значении является то, что именно с его помощью противники «формальной дистинкции» совершают свою – ошибочную на взгляд Бонета – *подстановку*, т.е. вменяют сторонникам формальной дистинкции или дистинкции из природы вещи понятие вещи именно в этом значении «любого позитивного предиката», хотя те его как раз вовсе не используют.

Любопытно, что Бонет прямо утверждает³⁸, что «создатели формальностей и дистинкции из природы вещи... не используют [термин] вещь в этом значении», хотя ему не могло не быть известно, что именно «создатель формальностей» Скот в третьем вопросе своего «*Quodlibet*»³⁹, анализируя значения *эквивокального* термина «вещь», вполне допускает такое «наиболее общее» его значение, в котором вещь охватывает «что угодно, что не есть ничто».

Наконец, третье значение вещи – это вещь как нечто «конституированное» из иных элементов или «частей». Стоит, во-первых, отметить, что на протяжении всей III кн. Бонет предпочитает использовать для характеристики этого значения термин «целое». Во-вторых, хотя в некоторых местах понятие вещи как целого применяется им к чтойностно конституированному целому видовой природы, однако с самого начала в изложении Бонета доминирует тенденция отождествления «целого» вещи с индивидуальной вещью или *суппозитом, существующим* единично и отдельно, – Бонет сразу уподобляет это значение вещи «лицу» и суппозиту:

Третьим способом вещь принимается [как обозначенная] по способу [чего-то] конституированного и получившегося: подобно тому, как лицо и суппозит берутся как целое через себя сущее и существующее третьим способом «бытия-через-себя»⁴⁰.

В-третьих, тут же Бонет вводит еще одно важное различие: вещью (*res*) называется *целое*, конституированное из неких онтологических элементов, а сами эти элементы – чтойности, дифференции или модусы – называются «чем-то, [принадлежащим] вещи» (*aliquid rei*). Лишь конституированное из рода и дифференций (чтойностных и индивидуальных) есть вещь в этом третьем значении. Именно это значение вещи Бонет считает наиболее *собственным*, и именно так он намерен по большей части «использовать «вещь» в этой метафизике»⁴¹. Он подчеркивает, что хотя и не отвергает совсем первое значение имени «вещь» (вещь как субстрат и внутренний модус реальности) в рассмотрении метафизики, однако считает третье значение «более понятным» и предпочтительным.

Итак, в метафизике Бонета одно из значений вещи (вещь как предикат) совпадает с одним из значений сущего (сущее как эквивокальное имя для всего позитивного вне ничто), и именно это значение вещи Бонет полностью *исключает* из своей метафизики. С другой стороны, он утверждает, что наиболее *собственным* и *понятным* значением вещи (вещь как целое и конституированное), которое объясняется и используется в его метафизике, является как раз то значение, в котором вещь *не* совпадает с сущим, но, наоборот, отличается от него. Зафиксируем это: вещь как целое принципиально дистинктна от сущего как первой чтойности в метафизике Бонета, хотя первая чтойность сущего как сущего и участвует как первый чтойностный элемент в конституции вещи как целого. В самом разворачивании метафизической аргументации Бонета вещь в третьем значении часто выступает своеобразным противоположным «полюсом» или пунктом по отношению

³⁸ См.: *Nicolaus Bonetus, OFM. Metaphysica. F. 21va.*

³⁹ См.: Дунс Скот «Какие угодно вопросы». Вопр. 3, п. 6–9 (*Duns Scotus, OFM. Ioannis Duns Scoti Quaestiones Quodlibetales. Madrid, 1968. P. 92–94.*)

⁴⁰ См.: *Nicolaus Bonetus, OFM. Metaphysica. F. 19va.*

⁴¹ *Ibid. F. 19vb.*

к первой чтойности сущего как подлежащего метафизической науки. Это доказывается еще одним важным утверждением Бонета. Он пишет, что «вещь основывается на схождении многих позитивных [элементов], ни один из которых не является вещью, но лишь чем-то, [принадлежащим] вещи»⁴². Из этого следует, что вещь как таковая (в третьем значении) «не имеет просто простого понятия»⁴³, напротив, она всегда обладает «понятием, которое разрешимо на множество» частей или элементов. Вспомним, что, согласно Бонету (впрочем, согласно любому последователю Скота, для которого это положение было краеугольным камнем его метафизической теории понятий⁴⁴), понятие сущего как первой чтойности (первого чтойностного элемента) является именно *абсолютно простым и неразрешимым* ни на какие дальнейшие части. В этом вещь как конституированное целое прямо *противоположна* сущему как первой чтойности.

4.2. Вещь, формальность и разные типы дистинкций

Главным образом ориентируясь на описанное оригинальное понятие вещи в третьем значении, Бонет разворачивает в III кн. свою собственную теорию дистинкций и тождеств. Напротив, его понятия формальности и внутреннего модуса вполне традиционны и соответствуют в целом (хотя и с небольшими собственными дополнениями) общему «майронистскому» мнению последователей Скота, распространенному, по видимости, в 1320-х гг. в Парижском *studium generale* францисканцев⁴⁵. Бонет принимает от Франциска Мероннского как фундаментальную оппозицию формальности (или чтойности) и внутреннего модуса, так и базовую формулу для описания этой оппозиции: формальность есть либо «то, что, будучи добавленным к другому, изменяет его формальное содержание», либо «то, что через себя заключено в формальном содержании другого», в первом значении формальностью будут все *чтойностные* дифференции, контрагирующие нечто, а во втором – *первая чтойность* сущего как такового, а также все прочие контрагируемые и конституированные чтойности – категорий, родов и видов, но не индивидуумов. Соответственно, внутренний модус – это тот метафизический элемент, который, будучи добавленным к некоторой контрагируемой чтойности, не изменяет формальное содержание конституированного из него и чтойности. Формальная дистинкция описывается Бонетом как дистинкция между формальностями, а дистинкция из природы вещи – как дистинкция между модусом и формальностью либо как дистинкция между частью и целым, заключающим в себе и заключенным в ином, конституирующим и конституированным, которые могут быть между собой формально тождественны, поскольку одно из них заключается в другом тождеством

⁴² *Nicolaus Bonetus, OFM. Metaphysica. F. 19vb.*

⁴³ *Ibid.* Под «просто простым» или абсолютно простым понятием в скотистской эпистемологии понимается понятие, которое не может быть разделено/разрешено в анализе на какие-то более простые понятийные элементы.

⁴⁴ Ср.: Дунс Скот «Теоремы». Ч. 3А, п. 8; ч. 3В, п. 61–67 (*Duns Scotus. Ioannis Duns Scoti Quaestiones in Libros Perihermenias Aristotelis; Quaestiones super Librum Elenchorum Aristotelis; Theoremata* // В. Ioannis Duns Scoti OFM Opera Philosophica. Vol. II. St. Bonaventure; N.Y.; Washington, 2004. P. 610, 620–622).

⁴⁵ См. об этом: *Duba W.O. The Forge of Doctrine. The Academic Year 1330–31 and the Rise of Scotism at the University of Paris. Turnhout, 2017. P. 185–210.*

«первого способа предикации через себя»⁴⁶, но тем не менее быть не адекватно или не полностью тождественны друг другу, а потому допускать дистинкцию «из природы вещи».

Важно при этом, что все такого рода дистинкции понимаются Бонетом в противоположность *реальной* дистинкции, поскольку одна только реальная дистинкция есть дистинкция между вещами, тогда как все иные дистинкции являются дистинкциями между разнообразными конституирующими вещь метафизическими элементами, каждый из которых – не вещь, но «нечто вещное». В правилах «для опознания того, что есть вещь, а что, напротив, есть нечто, [принадлежащее] вещи», которые Бонет формулирует⁴⁷ в гл. 2 кн. III, предполагается, что *реальная дистинкция* есть только там, где хотя бы один член дистинкции является единичным сущим, которое может *существовать* в *отделенности* от другого члена дистинкции в единичном и обособленном «бытии самим по себе». Именно это и есть вещь как *целое*, тогда как все то, что не может существовать отдельно от другого само по себе, является «чем-то, [принадлежащим] вещи», и реально тождественно вещи, хотя и может быть дистинктно от нее формально или «из природы вещи». Бонет снова поясняет примером: в Сократе есть индивидуально контрагированные чтойности сущего, субстанции, тела, животного и человека, и все это является «чем-то вещным», а не вещью, но «Сократ, получившийся из всех них и через себя заключающий их в себе, есть именно сама вещь – единая и целая вещь»⁴⁸.

Наконец, вся знаменитая контрверсия о полагании формальностей и дистинкции из природы вещи, которая не произведена интеллектом, но одновременно не является реальной дистинкцией в собственном значении, редуцируется Бонетом в конечном итоге именно к истолкованию понятия «вещи» (и соответствующей интерпретации реальной дистинкции). Бонет утверждает⁴⁹, что «враги формальностей» радикально заблуждаются в том, что считают, что «изобретатели (или создатели) формальностей» пользуются тем же самым значением понятия «вещи», что и они сами: согласно его разъяснению, совершенно очевидно, что эти оппоненты позиции скотистов понимают вещь во *втором* значении как любой позитивный предикат, и тогда утверждение множества формальностей, которые дистинктны не только посредством акта интеллекта, в одной вещи совершенно невозможно, потому что множество формальностей как квазивещей прямо противоречит единству одной вещи. Однако, как настаивает Бонет, эти оппоненты принимают

⁴⁶ Это терминологическое выражение обозначает эпистемологическую характеристику *присущности* некоторого предиката субъекту пропозиции, восходящую к аристотелевскому разделению «способов сказывания самого по себе» в 4-й гл. I кн. «Второй Аналитики» (*Aristoteles. An. Post. I 4, 73a34 – 73b24*). Модусы «через себя» присущности в скотистской традиции были связаны с видами *тождества*, поскольку некоторое утвердительное связывание предиката с субъектом вообще часто понималось в ней как тождество. Соответственно, формальное (или чтойностное) тождество понимается как тождество «предикации первым способом через себя». См. об этом у Бонета в 4-й гл. III кн. «Метафизики» (*Nicolaus Bonetus, OFM. Metaphysica. F. 20rb–va*), а также подробнее у Петра Фомы 9-й вопрос «De modis distinctionum», включенный в «Quodlibet» как 6-й вопрос: *Quodlibet, q. 6 art. 1 B (Petrus Thomae, OFM. Quodlibet. St. Bonaventure; N.Y.; Leuven; Paderborn, 1957. P. 90–92)*.

⁴⁷ Ср.: *Nicolaus Bonetus, OFM. Metaphysica. F. 19vb*.

⁴⁸ *Ibid.*

⁴⁹ Ср. с дальнейшим: *Ibid. F. 21va–b*.

ложную посылку в свою аргументацию, поскольку Скот и его последователи (в том числе сам Бонет) понимают вещь именно в *третьем* значении – как *конституированное целое*. И при таком понимании вещи «любому, кто имеет хоть зернышко интеллекта», – язвительно замечает Бонет, – «очевидно, что полагание формальностей и дистинкции из природы вещи возможно»⁵⁰. Более того, оно не только возможно, но и «вполне просто для понимания», поскольку в этом значении единство вещи как целого никак не противоречит множеству дистинктивных – хотя и не в собственном смысле реальной дистинкции, но все же из природы вещи – элементов, ее конституирующих. Тождественно лишь целое вещи, что не противоречит дистинкции между многими ее элементами. Итак, экспликация значения понятия вещи вовсе не чисто случайно помещена Бонетом в начале его трактата о дистинкциях и тождествах. Напротив, представляется обоснованным, что учение о вещи заранее определяет принципиальное разделение на реальную дистинкцию в собственном смысле и дистинкцию из природы вещи, соответствующее разделению вещи как целого и формальностей, дифференций и внутренних модусов как онтологических конститутивных элементов или частей целого вещи.

4.3. Финальная экспликация вещи: вещь как *simul totum*

Последний шаг в экспликации собственного метафизического понятия вещи Бонет предпринимает⁵¹ в гл. 6 кн. III «Метафизики». В ней он использует для обозначения вещи как целого традиционный перипатетический термин «*simul totum*» («разом целое»). Этим составным термином в латинском переводе VII кн. «Метафизики»⁵² Аристотеля был передан аристотелевский субстантив *τὸ σύνολον* («совокупное целое»). Бонет пытается описать метафизическую конституцию вещи как присутствие в едином «разом целом», или единичном, множества разнородных и принадлежащих к разным классам или ступеням «онтологических элементов», которые характеризуются, во-первых, как позитивные и, во-вторых, как существующие в некотором сущностном порядке по отношению друг к другу. Такие элементы, каждый из которых является «чем-то, [принадлежащим] вещи» и *существует* в вещи, формально обозначаются Бонетом следующими терминами, часть из которых принадлежит общеперипатетическому философскому словарю, а часть дополнительно была переопределена в метафизике Скота и его последователей: 1) «чистое что» (*pure quid*), 2) «чистое какое» (*mere quale*), 3) «какое-то что» (*quale quid*), 4) «чистое это» (*mere hoc*), далее добавляется также 5) внутренний модус. Последним термином на этой лестнице оказывается «это вот нечто» (*hoc aliquid*), но в действительности, как поясняет Бонет чуть ниже, это и есть синоним единичной вещи, а потому скорее этот термин обозначает не элемент конституции, но является самим совокупным целым вещи. Эксплицируя эти краткие обозначения, Бонет объясняет: в чем угодно, а именно в каком угодно единичном сущем, а также

⁵⁰ *Nicolaus Bonetus, OFM. Metaphysica. F. 21va-b.*

⁵¹ См. в связи с дальнейшим: *Ibid. F. 21ra-b.*

⁵² См.: *Aristoteles. Metaphysica VII 10, 1035a15 – 1036a7 (Aristoteles latinus. Vol. XXV 3.2: Metaphysica. Lib. I-XIV. Recensio et translatio G. de Moerbeka. Leiden; N.Y.; Köln, 1995. P. 149–152).*

в каком угодно чтойностно конституированном (виде или роде) чтойностно заключается первая чтойность сущего, поскольку оно сущее, и это и есть «чистое что́», потому что эта чтойность является абсолютно простой и первично разной по отношению ко всему, что ее квалифицирует или индивидуирует. «Чистое какое», т.е. чисто качественные определяющие сущее и контрагирующие его элементы, – это дифференции сущего: как первые, так и предельные, и даже средние (в последнем Бонет противоречит Скоту). Эти чтойностные дифференции присутствуют в вещи как целом. «Какое-то что» – это все чтойностные предикаты сущего, начиная с категорий и вплоть до самого единичного (не включая его), все они конституированы из контрагируемого и контрагирующего и существуют в вещи как совокупном целом. «Чистое это» – это индивидуальные дифференции, индивидуирующие все универсальные предикаты, поскольку те существуют в единичном сущем. Наконец, внутренние модусы, например конечность или актуальное существование, также присутствуют в единичном, причем актуальное существование первично – только в нем. Из всех этих элементов разом (именно поэтому – *«разом целое»*) конституируется то, что, по словам Бонета, заслуженно именуется философами *«разом целым»* (*simul totum*), которое и есть *сама вещь*, о которой он выше говорил как о *«конституированном»* и *«получившемся»* из иного. В последней, 8-й гл. книги к этому описанию добавляется⁵³ еще одно: «...здесь вещь берется как интегральное целое, потому что она целостно состоит из всех более первых [или универсальных чтойностных] предикатов, всех дифференций и внутренних модусов, подобно тому, как дом есть некое разом целое и агрегат, получившийся из множества разных частей, ни одна из которых не есть дом, но лишь нечто, [принадлежащее] к самому дому».

Наконец, здесь необходимо отметить еще два важных обстоятельства. Во-первых, несмотря на постоянное уподобление «метафизической конституции вещи как целого из элементов» «сложению из частей некоторого сложного физического сущего», Бонет ограничивает действие данной аналогии: в конце гл. 2 он разъясняет, что не утверждает, что *всякая* вещь вообще *сложена* – в физическом или реальном смысле – из множества частей, как сложная субстанция, например человек, сложена из души и тела. Потому что в противном случае, если бы он допускал такое, это значило бы, что и Бог, или первый ум, будет *сложным* целым из физических частей, что явно невозможно. Иначе говоря, *метафизическая* конституция из позитивных элементов, которые отличаются от вещи как частичное от целостного, не является ограниченной лишь областью сложных физических вещей, но простирается также на *первое* сущее или первую «простую» в физическом смысле вещь, в которой также возможно различать разные формальности или внутренние модусы. Из этого следует, что понятие вещи как конституированного целого обладает для Бонета общеметафизической или трансцендентальной значимостью, поскольку применимо к любой единичной вещи. И здесь мы должны – в некотором противопоставлении к только что сказанному – также, во-вторых, отметить, что понятие вещи – даже взятое в его трансцендентальной широте как применимое к Богу, а не только к тварям – не является каким-то точным подобием первого чтойностного понятия сущего как сущего, напротив, оно до некоторой степени противоположно ему.

⁵³ См.: *Nicolaus Bonetus, OFM. Metaphysica. F. 21vb.*

Это становится окончательно понятно из дискуссии в середине гл. 8 кн. III, где Бонет, обсуждая противоположность «чтойностного бытия» в объективной возможности, т.е. как пребывающего вечным объектом божественного интеллекта и всемогущества, и «актуального существования», каковое обсуждение явно имеет своим источником положения Франциска Мероннского в дистинкции 42 «Конфлатуса», противопоставляет эти два способа бытия как «метафизическое» и «физическое или натуральное», далее же отвечает на вопрос о том, полагается ли вещь в метафизическом или чтойностном бытии, и утверждает, что вещь как конституированное «разом целое» не может полагаться в нем, «поскольку то разом целое, которое называется вещью, например Сократ, получается не только из тех [чтойностных предикатов], которые пребывают в категориальной линии [от сущего и до индивидуума], но из них и актуального существования»⁵⁴. Это означает, по нашему мнению, что из понятия вещи как целого и индивидуального у Бонета не устранимо актуальное существование, которое никак не заключается в первом понятии сущего как чтойности. Представляется, что именно эта *нередуцируемость* вещи к чтойностному порядку конституции сущего⁵⁵ (ее индивидуальное и актуальное существование как целого) заставляет Бонета выдвинуть понятие вещи как второе важнейшее понятие его метафизики, а также подчинить ему в изложении свой трактат о дистинкции сущего как такового от всякого «определенного» сущего или чтойности.

5. Общие выводы: отличия «формалистского трактата» Бонета от классических версий Франциска Мероннского и Петра Фомы

Подведем краткие итоги нашего анализа. Учение о вещи Бонета содержится в том, что традиционно понималось как трактат «о дистинкциях и тождествах в сущем» и было воспринято в качестве такового в скотистской традиции трактатов о формальностях. Своеобразными «отцами-основателями» формалистской традиции справедливо принято считать Франциска Мероннского и Петра Фомы⁵⁶. Если мы сопоставляем «формалистский» трактат о дистинкциях и тождествах Бонета с аналогами у Франциска и Петра, то в качестве главного структурного отличия первого от вторых мы можем установить следующее. В то время как Франциск Мероннский традиционно помещает разбирательство с дистинкциями, тождествами и формальностями и модусами в *теологический* контекст своего «Комментария к I кн. “Сентенций”» (особенно влиятельной в традиции стала его поздняя версия в «Конфлатусе»), а Петр Фомы, напротив, создает два *самостоятельных* трактата о дистинкциях и тождествах («О типах дистинкций» и «О дистинкции категорий»), которые находятся как вне теологического, так и вне общемета-

⁵⁴ См.: *Nicolaus Bonetus, OFM. Metaphysica. F. 25rb.*

⁵⁵ В этом пункте наша интерпретация онтологического понятия вещи у Бонета прямо противоречит выводам В. Гориса о формалистской редукции вещи к формальностям и чтойностям в метафизике Бонета. Ср.: *Goris W. Transzendente Einheit. S. 127–133.*

⁵⁶ Следует отметить важность основополагающей статьи В. Хюбенера, который первым продемонстрировал в 1987 г. зависимость традиции трактатов о формальностях от двух разных теорий дистинкций и тождеств – Франциска Мероннского и Петра Фомы. См.: *Hübener W. Robertus Anglicus OFM und die formalistische Tradition // Philosophie im Mittelalter. Entwicklungslinien und Paradigmen. Hamburg, 1987, особенно S. 339–341.*

физического обсуждения (последнее содержится в «О сущем» Петра, но там нет никакой развернутой теории дистинкций), причем последний малый трактат Петра как раз и станет общим *прообразом* отдельных и специальных «трактатов о формальностях» в позднейшей традиции, Николай Бонет специально встраивает в свой трактат о тождествах и дистинкциях, а также об иных онтологических понятиях, учение о *вещи*, и именно посредством трактата о понятии вещи «трактат о формальностях» включается в целое изложение его *метафизической науки*. Учитывая вышесказанное о понятии вещи как необходимом дополнении к понятию первой чтойности сущего как такового в метафизике Бонета, можно сделать вывод, что Николай Бонет, как кажется, «укореняет» раннескотистскую метафизику «чтойностей/формальностей» в обязательном обсуждении единичной вещи как «*simul totum*», завершая таким образом первую часть своей метафизики о сущем, поскольку оно сущее.

Список литературы

- Вдовина Г.В. Антоний Сирект и традиция «Трактатов о формальностях» // ESSE: Философские и теологические исследования. 2016. Т. 1. № 2. С. 267–286.
- Вдовина Г.В. Ранние оппоненты учения о формальностях и формальном различии // ESSE: Философские и теологические исследования. 2021. Т. 6. № 1. С. 135–144.
- Псевдо-Франциск Мероннский. Трактат о формальностях. Раздел II и III / Пер. с лат. и коммент. В.Л. Иванова // ESSE: Философские и теологические исследования. 2017. Т. 2. № 1/2. С. 167–255.
- Aertsen J. Medieval Philosophy as Transcendental Thought. From Philip the Chancellor (ca. 1225) to Francisco Suárez. Leiden; Boston: Brill, 2012. 756 p.
- Aristoteles. Aristotelis Analytica Priora et Posteriora / Rec. W.D. Ross. Oxonii: E Typographeo Clarendoniano, 1964. 184 p.
- Aristoteles. Aristotelis Metaphysica / Rec. W. Jaeger. Oxonii: E Typographeo Clarendoniano, 1957. 312 p.
- Aristoteles latinus. Vol. XXV. 3. 2: Metaphysica. Lib. I–XIV. Recensio et translatio G. de Moerbeke / Ed. G. Vuillemin-Diem. Leiden; N.Y.; Köln: E.J. Brill, 1995. 440 p.
- Bonetus. Formalitates Antonii Andreae [Nicolai Boneti] // Antonii Andree Quaestiones de tribus principiis rerum naturalium. Padue: Impressae per magistrum Laurentium de Lendearia, 1475. [s.p.]
- Bonetus, OFM. Nicholai Boneti OFM Metaphysica. Barxinonae: Impressa per Petrum Miquaellem, 1493. [s.p.]
- Bonetus, OFM. Nicholai Boneti OFM Metaphysica // Nicolai Boneti Quattuor volumina: Metaphysica, Physica, Liber predicamentorum, Theologia naturalis. Venetiis: Mandato et impensis heredum Octaviani Scoti, 1505. F. 1–45.
- Duba W.O. Three Franciscan Metaphysicians after Scotus: Antonius Andreae, Francis of Marchia, and Nicholas Bonet // The Latin Medieval Commentaries on Aristotle's Metaphysics / Ed. by F. Amerini and G. Galuzzo. Leiden; Boston: Brill, 2014. P. 413–493.
- Duba W.O. The Forge of Doctrine. The Academic Year 1330–31 and the Rise of Scotism at the University of Paris. Turnhout: Brepols, 2017. 444 p.
- Duns Scotus, OFM. Ioannis Duns Scoti Quaestiones Quodlibetales / Ed. bilingüe, introducción, resúmenes y versión de F. Alluntis. Madrid: La Editorial Católica, S.A., 1968. 773 p.
- Duns Scotus. Quaestiones super libros Metaphysicorum Aristotelis. Libri I–V / Ed. a G. Etzkorn, R. Andrews, G. Gál, R. Green, F. Kelly, G. Marcil, T. Noone, R. Wood // B. Ioannis Duns Scoti OFM Opera Philosophica. Vol. III. St. Bonaventure; N.Y.: The Franciscan Institute, 1997. 792 p.
- Duns Scotus. Ioannis Duns Scoti Quaestiones in Libros Perihermenias Aristotelis; Quaestiones super Librum Elenchorum Aristotelis; Theoremata / Ed. a R. Andrews et al. // B. Ioannis

- Duns Scoti OFM Opera Philosophica. Vol. II. St. Bonaventure; N.Y.: The Franciscan Institute, 2004. P. 593–721.
- Forlivesi M. «Quae in hac quaestione tradit Doctor videntur humanum ingenium superare». Scotus, Andrés, Bonet, Zerbi and Trombetta Confronting the Nature of Metaphysics // *Quaestio*. 2008. Vol. 8: La posterità di Giovanni Duns Scoto / Ed. P. Porro, J. Schmutz. P. 219–277.
- Franciscus de Marchia*, OFM. Francisci de Marchia Quaestiones super Metaphysicam / Ed. a N. Mariani. Grottaferrata; Roma: Editiones Collegii S. Bonaventurae ad Claras Aquas, 2012. 1094 p.
- Franciscus de Mayronis*. Conflatus. Kommentar zum ersten Buch der Sentenzen. Lateinisch – Deutsch / Übersetzt und eingeleitet von H. Möhle und R.H. Pich. Freiburg; Basel; Wien: Herder, 2013. 473 S.
- Goris W. Transzendente Einheit. Leiden, Boston: Brill, 2015. 527 S.
- Grellard Ch. Les présupposés méthodologiques de l'atomisme: la théorie du continu de Nicolas d'Autrécourt et Nicolas Bonet // *Méthodes et statut des sciences à la fin du Moyen-Âge* / Ed. par Ch. Grellard. Paris: Presses universitaires du Septentrion, 2004. P. 181–199.
- Hübener W. Robertus Anglicus OFM und die formalistische Tradition // *Philosophie im Mittelalter*. Entwicklungslinien und Paradigmen / Hrsg. von J.P. Beckmann, L. Honnefelder, G. Schrimpf, G. Wieland. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1987. S. 329–353.
- Hübener W. «Objektivität» und «Realisierung». Zwei Beispiele für die Weiterarbeit der Aristotelischen Scholastik am metaphysischen Grundvokabular // *Archiv für Begriffsgeschichte*. 2007. Bd. 49. S. 53–68.
- Mandrella I. Metaphysik als Supertranszendentalwissenschaft? Zum scotistischen Metaphysikentwurf des Nicolaus Bonetus // *Recherches de Théologie et Philosophie Médiévales*. 2008. Vol. 75. P. 161–193.
- Petrus Thomae*, OFM. Quodlibet / Ed. M.R. Hooper, E.M. Buytaert. St. Bonaventure; N.Y.: Franciscan Institute; Leuven: E. Nauwelaerts; Paderborn: F. Schöningh, 1957. 242 p.
- Philosophy and Theology in the «Studia» of the Religious Orders and at Papal and Royal Courts* / Ed. by K. Emery, W.J. Courtenay, St.M. Metzger. Turnhout: Brepols, 2012. 764 p.
- Poppi A. Il contributo dei formalisti padovani al problema delle distinzioni // *Problemi e figure della scuola scotistica del Santo*. Padova: Edizioni Messaggero, 1966. P. 601–790.
- Riesco Terrero J. Nicolas Bonet escribe una metafísica sistemática dos siglos y medio antes que Suarez // *Salamanticensis*. 1962. No. 9. P. 3–21.
- Smith G.R. The Natural Theology of Nicholas Bonetus // *Rivista di Storia della Filosofia*. 2021. No. 4. P. 642–667.

The ontological constitution of *res as simul totum* and the doctrine of distinctions in *Metaphysica* of Nicholas Bonetus, OFM*

Vitaly L. Ivanov

Research and Education Center for Religion, Philosophy, and Culture Studies at St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation. 67A Bolshaya Morskaya Str., St. Petersburg, 190000, Russian Federation; e-mail: ivavit@gmail.com

The article examines the doctrine of thing in the “Metaphysics” created in the early 1330s by an original Franciscan theologian and philosopher Nicholas Bonetus. The article points to the historical-philosophical significance of this work. In the scholastic tradition, Bonetus’s “Metaphysics” is argued to be one of the first large and independent treatises on metaphysics, i.e. it is not related to the tradition of commenting on Aristotle. It is also

* This article was written with the support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 20-011-00439 “Concept and reality. Theological foundations of medieval ontology”.

the first treatise in the history of philosophy under the title “Metaphysics”, named so by the author himself. First, we present the biography of the author of the treatise and briefly characterize the structure of his four-part “Opus philosophicum”, as well as emphasize the importance of the division between metaphysics and natural theology, for the first time in the history of the scholastic tradition not only declared as a project, but also implemented by Bonetus. Secondly, we examine the place that book III of the “Metaphysics” occupies in Bonetus’s entire metaphysical treatise, and determine the two main themes of this book: the doctrine of *res* and the doctrine on distinctions and identities. Thirdly, through the analysis of the Ist and IIIrd books of “Metaphysics” we demonstrate the connection, opposition and partial coincidence of two fundamental concepts of Bonetus’s metaphysics: the concept of being as being and the concept of thing. Additionally, the leading meaning of the concept of a thing as a *simul totum*, that is, a single “constituted whole” from metaphysical elements (formalities, quidditative and individual differences, intrinsic modes, properties), is clarified. Finally, we analyze the relationship between the doctrine of *res* and the doctrine on distinctions in Bonetus and explain how the doctrine of real and formal distinction and identity is subordinated to the goal of analytics of the metaphysical “constitution of *res*” and is built into the treatise on the thing. This, in turn, allows us to conclude that the main difference between the “formalist treatise” on distinctions and identities (and this is exactly how the content of the IIIrd book of Bonetus’s “Metaphysics” was perceived in the subsequent Scotist tradition), in comparison with the corresponding treatises of Francis of Meyronnes and Peter Thomae, is precisely the role of the *ontological* concept of a thing as a “metaphysical whole” or individual in Bonetus that determines his understanding of “formalities”.

Keywords: High Scholasticism, Nicholas Bonetus, the first independent Scotistic metaphysics, doctrine of thing, treatise on distinctions

For citation: Ivanov, V.L. “Ontologicheskaya konstitutsiya veshchi kak *simul totum* i uchenie o distinktsiyakh v ‘Metafizike’ Nikolaya Boneta” [The ontological constitution of *res* as *simul totum* and the doctrine of distinctions in *Metaphysica* of Nicholas Bonetus, OFM], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2022, Vol. 15, No. 3, pp. 50–69. (In Russian)

References

- Aertsen, J. *Medieval Philosophy as Transcendental Thought. From Philip the Chancellor (ca. 1225) to Francisco Suárez*. Leiden; Boston: Brill, 2012. 756 pp.
- Aristoteles. *Aristotelis Metaphysica*, rec. W. Jaeger. Oxonii: E Typographeo Clarendoniano, 1957. 312 pp.
- Aristoteles. *Aristotelis Analytica Priora et Posteriora*, rec. W.D. Ross. Oxonii: E Typographeo Clarendoniano, 1964. 184 pp.
- Aristoteles latinus, Vol. XXV, 3, 2: *Metaphysica. Lib. I–XIV. Recensio et translatio G. de Moerbeke*, ed. G. Vuillemin-Diem. Leiden; New York; Köln: E.J. Brill, 1995. 440 pp.
- Bonetus, Nicolaus. “Formalitates Antonii Andreae [Nicolai Boneti]”, *Antonii Andree Quaestiones de tribus principiis rerum naturalium*. Padue: Impressae per magistrum Laurentium de Lendearia, 1475. [s.p.]
- Bonetus, Nicolaus, OFM. *Nicolai Boneti OFM Metaphysica*. Barxinonae: Impressa per Petrum Miquaelem, 1493. [s.p.]
- Bonetus, OFM. “Nicolai Boneti OFM Metaphysica”, *Nicolai Boneti Quattuor volumina: Metaphysica, Physica, Liber predicamentorum, Theologia naturalis*. Venetiis: Mandato et impensis heredum Octaviani Scoti, 1505, ff. 1–45.
- Duba, W.O. “Three Franciscan Metaphysicians after Scotus: Antonius Andreae, Francis of Marchia, and Nicholas Bonet”, *The Latin Medieval Commentaries on Aristotle’s Metaphysics*, ed. by F. Amerini and G. Galuzzo. Leiden; Boston: Brill, 2014, pp. 413–493.
- Duba, W.O. *The Forge of Doctrine. The Academic Year 1330–31 and the Rise of Scotism at the University of Paris*. Turnhout: Brepols, 2017. 444 pp.

- Duns Scotus, OFM. *Ioannis Duns Scoti Quaestiones Quodlibetales*, ed. bilingüe, introducción, resúmenes y versión de F. Alluntis. Madrid: La Editorial Católica, S.A., 1968. 773 pp.
- Duns Scotus. “Ioannis Duns Scoti Quaestiones super libros Metaphysicorum Aristotelis. Libri I–V”, *B. Ioannis Duns Scoti OFM Opera Philosophica*, Vol. III, ed. a G. Etzkorn, R. Andrews, G. Gál, R. Green, F. Kelly, G. Marcil, T. Noone, R. Wood. St. Bonaventure; New York: The Franciscan Institute, 1997. 792 pp.
- Duns Scotus. “Ioannis Duns Scoti Quaestiones in Libros Perihermenias Aristotelis; Quaestiones super Librum Elenchorum Aristotelis; Theoremata”, *B. Ioannis Duns Scoti OFM Opera Philosophica*, Vol. II, ed. a R. Andrews et al. St. Bonaventure; New York: The Franciscan Institute, 2004, pp. 593–721.
- Emery, K., Courtenay, W.J. & Metzger, St.M. (eds.) *Philosophy and Theology in the ‘Studia’ of the Religious Orders and at Papal and Royal Courts*. Turnhout: Brepols, 2012. 764 pp.
- Forlivesi, M. “‘Quae in hac quaestione tradit Doctor videntur humanum ingenium superare’. Scotus, Andrés, Bonet, Zerbi and Trombetta Confronting the Nature of Metaphysics”, *Quaestio*, Vol. 8: La posterità di Giovanni Duns Scoto, ed. P. Porro, J. Schmutz, 2008, pp. 219–277.
- Franciscus de Marchia, OFM. *Francisci de Marchia Quaestiones super Metaphysicam*, ed. a N. Mariani. Grottaferrata; Roma: Editiones Collegii S. Bonaventurae ad Claras Aquas, 2012. 1094 pp.
- Franciscus de Mayronis. *Conflatus. Kommentar zum ersten Buch der Sentenzen*, Übersetzt und eingeleitet von H. Möhle und R.H. Pich. Freiburg; Basel; Wien: Herder, 2013. 473 S.
- Goris, W. *Transzendente Einheit*. Leiden, Boston: Brill, 2015. 527 S.
- Grellard, Ch. “Les présupposés méthodologiques de l’atomisme: la théorie du continu de Nicolas d’Autrécourt et Nicolas Bonet”, *Méthodes et statut des sciences à la fin du Moyen-Âge*, ed. par Ch. Grellard. Paris: Presses universitaires du Septentrion, 2004, pp. 181–199.
- Hübener, W. “Robertus Anglicus OFM und die formalistische Tradition”, *Philosophie im Mittelalter. Entwicklungslinien und Paradigmen*, hrsg. von J.P. Beckmann, L. Honnefelder, G. Schrimpf, G. Wieland. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1987, S. 329–353.
- Hübener, W. “‘Objektivität’ und ‘Realisierung’. Zwei Beispiele für die Weiterarbeit der Aristotelischen Scholastik am metaphysischen Grundvokabular”, *Archiv für Begriffsgeschichte*, 2007, Bd. 49, S. 53–68.
- Mandrella, I. “Metaphysik als Supertranszendentalwissenschaft? Zum scotistischen Metaphysikentwurf des Nicolaus Bonetus”, *Recherches de Théologie et Philosophie Médiévales*, 2008, Vol. 75, S. 161–193.
- Petrus Thomae, OFM. *Quodlibet*, ed. M.R. Hooper, E.M. Buytaert. St. Bonaventure; New York: Franciscan Institute; Leuven: E. Nauwelaerts; Paderborn: F. Schöningh, 1957. 242 pp.
- Poppi, A. “Il contributo dei formalisti padovani al problema delle distinzioni”, *Problemi e figure della scuola scotistica del Santo*. Padova: Edizioni Messaggero, 1966, pp. 601–790.
- Pseudo-Francis of Meyronnes. “Traktat o formal’nostyakh. Razdel II i III” [Treatise on formalities. Article II and III], trans. and comment. by V.L. Ivanov, *ESSE: Filosofskie i teologicheskie issledovaniya* [ESSE. Studies in Philosophy and Theology], 2017, Vol. 2, No. 1/2, pp. 167–255. (In Russian)
- Riesco Terrero, J. “Nicolas Bonet escribe una metafísica sistemática dos siglos y medio antes que Suarez”, *Salamanticensis*, 1962, No. 9, pp. 3–21.
- Smith, G.R. “The Natural Theology of Nicholas Bonetus”, *Rivista di Storia della Filosofia*, 2021, No. 4, pp. 642–667.
- Vdovina, G.V. “Antonii Sirekt i tradiciya ‘Traktatov o formal’nostyakh’” [Antonius Sirectus and the tradition of ‘Treatises on formalities’], *ESSE: Filosofskie i teologicheskie issledovaniya* [ESSE. Studies in Philosophy and Theology], 2016, Vol. 1, No. 2, pp. 267–286. (In Russian)
- Vdovina, G.V. “Rannie opponenty ucheniya o formal’nostyakh i formal’nom razlichii” [Early opponents of the doctrine on formalities and formal distinction], *ESSE: Filosofskie i teologicheskie issledovaniya* [ESSE. Studies in Philosophy and Theology], 2021, Vol. 6, No. 1, pp. 135–144. (In Russian)

ПОИСКИ НОВОГО ЯЗЫКА В ФИЛОСОФИИ

Н.Н. Сосна

ПОЭТИКА ТИХОГО КОСМИЗМА

Сосна Нина Николаевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: philosjournal@iphras.ru

В статье анализируется один из моментов проекта витального материализма Джейн Беннет, а именно специфическое сочетание представлений об активной материи, производящей различные комбинации существ, в том числе человека, и возможности этой материи артикулировать себя в языке, в том числе в художественной форме. По необходимости кратко останавливаясь на таких существенных аспектах ее теории, как отсылающая к постулатам физики элементарных частиц онтология (столкновения частиц, резонанс, изоморфизм), аффективная этика (основанные на «позитивном» повторении случайных впечатлений частичные действия) и экология («учитивое» внимание по отношению к представителям других видов), автор предлагает усилить колеблющийся характер проекта Беннет и рассмотреть его экстремумы: космически-планетарный уровень теоретизирования, на котором даже симпатия рассматривается как «гравитационная» сила, и уровень языковой артикуляции, использующий различные формы непрямого высказывания, «среднего залога», которые одновременно предстают у Беннет формами художественного языка. Несмотря на то, что между этими уровнями можно усмотреть изоморфизм «слабого» «недраматизма», автор статьи приходит к выводу, что «физичность» солиарности и симпатии как космических проявлений неравновесна их записыванию в поэтическом языке в духе Уитмена или Торо (примеры многих книг Беннет). Эти две составляющие не удерживаются в состоянии баланса, хотя Беннет и пробует многократно использовать понятие интервала, фактически ответственного за сворачивание нарративов обоого типа. Иными словами, видно, что проект на деле смещается от рассмотрения материи к ее «неромантическому» именованию.

Ключевые слова: агентность, артикуляция, Беннет, космос, интервал, природа, не-только-человеческое, романтизм, солиарность, экология

Для цитирования: Сосна Н.Н. Поэтика тихого космизма // Философский журнал / Philosophy Journal. 2022. Т. 15. № 3. С. 70–83.

Произошедшее в мире за последние два с небольшим года изменило довольно многое, в том числе в горизонте философских размышлений. Представляется, что пост- и ингуманистические направления 2010-х гг., в том числе разрабатывавшиеся в рамках различных материализмов, также вошли теперь в зону турбулентности. Забота, которую было хорошим тоном проявлять по отношению к мельчайшим представителям флоры и фауны планеты,

действительно изрядно измененной промышленной деятельностью глобальных коллективов, и подозрение, с которым оценивали высокомерие антропоморфной позиции, ответственной за печальные последствия изменения условий существования всех видов, неожиданно оказались под воздействием по меньшей мере двух восстаний, последовавших одно за другим: мельчайшей материальности вирусов и «речей ненависти», выплеснувшихся в результате противостояния больших политических групп.

Эти последние обстоятельства проблематизировали как некоторые основания недавно выдвинутых материалистических теорий, так и способы их артикуляции, способствуя выявлению новых тенденций в гуманитарном поле.

Различные версии материализма пересекают теоретическое поле по меньшей мере с середины 2000-х гг., избирая в качестве основы для своих построений активную материю, скоплениям частиц которой приписываются свойства не только онтологические, но и политические и даже эстетические. К. Мейясу и объектно ориентированные онтологи описывали тысячелетнее развитие плоского мира без человека¹, Д. Харауэй обращалась к проблеме налаживания взаимодействий между представителями разных видов и общему истоку нас всех в биологической массе «грязи»², вдохновленные процессуальным подходом А.Н. Уайтхеда разбирали «чувства» нечеловеческих материальных образований за пределами когнитивного доступа³, К. Барад выступила с предложением использовать физику элементарных частиц как универсальное объяснение способов существования органических и неорганических комплексов с упором на знание и действие, осуществляемые материально-дискурсивными «спутанностями», включающими также технические аппараты разной степени сложности⁴, и т.д. В этом же ряду обычно рассматривают и Дж. Беннет, разрабатывающую свой вариант материализма, в котором одни и те же квазифизические принципы работают на онтологическом, экологическом, этическом и политическом уровнях. Этот вариант выглядит самым неагрессивным на фоне вышеперечисленных и интересен наиболее пристальной трактовкой экологии (Беннет занимается этой темой с середины 1980-х гг.) как особой практики и, что важно для настоящей статьи, поисками форм выражения взаимодействий с нечеловеческими «агентностями», которые всякая экология так или иначе имеет в виду.

Хотя последняя книга Беннет была опубликована в 2020 г., важно перечитать и более ранние фрагменты ее сочинений в перспективе не только содержания, но и того, что можно назвать «тональностью философии», т. е. самого способа выражения, артикуляции. На фоне «речей ненависти», отчасти замятых мультикультурализмом и интертекстуальным релятивизмом, но явно набирающих обороты сегодня, в поле навязчивого медийного «дать знать», о котором в свои последние годы много писал Ж. Деррида,

¹ См.: Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург, 2015; Delanda M. A Thousand Years of Nonlinear History. N.Y., 1997; Деланда М. Новая философия общества. Теория ассамбляжей и социальная сложность. Пермь, 2018.

² Haraway D. When species meet. Minneapolis, 2007; Харауэй Д. Оставаясь со смутой. Заводить сородичей в Хтулуцене. Пермь, 2020.

³ Stengers I. A Free and Wild Creation of Concepts. Cambridge (Mass.), 2011; Шавиро С. Вне критериев: Кант, Уайтхед, Делёз и эстетика. Пермь, 2018.

⁴ Barad K. Meeting the universe halfway: Quantum Physics & the Entanglement of Matter & Meaning. Durham, 2007.

в сравнении с долженствованием философского письма, которое считал важным Ж.-Л. Нанси, поодаль от тактики подчинения и управления полученным в сети, проводимой явными и скрытыми сторонниками АСТ, заслуживает внимания попытка Беннет предъявить гипотетическую возможность языка выступать «непосредственной» быстрой фиксацией материального взаимодействия с окружающим пространством в виде специфической «природной» поэтики. Хотя представляется, что и вычитываемое Беннет у У. Уитмена видение нью-йоркской демократии, и почтение к материальным частицам нечеловеческого типа организации не могут перевесить необходимость действительно дружественной эгалитарной симпатии (о которой подробнее далее), даже если это одна из немногих оставшихся форм отношения, которую следует поддержать.

То, что и в какой форме пишет Беннет, вызывает двойственное отношение. Читателя Беннет не покидает ощущение, что этот проект осциллирует между двумя разноуровневыми возможностями, клонится к одной из них, но раз за разом рассудочность выбранной позиции заставляет его разворачиваться к заявленным сухим материалистическим основаниям. Этой двойственностью уже была заряжена первая работа Беннет, написанная с отсылкой к гегельянской логике одоления «крепкой веры» Просвещением ради поиска если не синтетической позиции, то хотя бы по главным параметрам холистической⁵. Эта же двойственность направляет и «Пульсирующую материю», и книгу о «токах». Поэтому, с одной стороны, беннетовская попытка нивелировать «человеческое» и ни в коем случае не рассматривать его отдельно, а только через связи со множеством компонент, от жиров, которые человек поедает, до хвойных иголок, вид которых может привлечь его на прогулке, вполне вписывается в раз за разом проговариваемые задачи новых материализмов, и Беннет здесь неоригинальна⁶. С другой стороны, проект Беннет принципиально не является воинствующим в отличие от этих материализмов: он выделяется ненавязчивостью высказываемой позиции, мягкостью формулировок и необычным рабочим материалом, когда наряду с Ф. Гваттари, М. Фуко, Ж. Рансьером и Б. Латуром цитируются вдохновенные строки Эпикура, Парацельса и особенно часто У. Уитмена и Г. Торо. Этим последним трудно заподозрить в производстве рационалистического дискурса, но кажется, что именно их ощущение связанности с природой, особой растворенности в окружающем пространстве и движет проектом Беннет. Здесь, на мой взгляд, заключается парадоксальность задачи, которую ставит перед собой Беннет: говорить о материи со ссылками на физику материальных частиц, но говорить средствами далеко не естественнонаучного языка, а языка более чем художественного, в известной степени избыточно заряженного смыслами. На формально-содержательном уровне говорится другое: Беннет твердо и рационально указывает на исток своей (и всякой только и возможной ныне, как ей представляется) позиции как наследующей модерну, т.е. чрезмерной эксплуатации ресурсов и большим промышленным производствам, которые невозвратно отменили саму

⁵ См.: *Bennett J. Unthinking Faith and Enlightenment*. N.Y., 1987.

⁶ Вот что записывает Беннет в задачи, решению которых должна способствовать самая известная ее книга «Пульсирующая материя»: «...описать позитивную онтологию пульсирующей материи, до предела расширяющую унаследованные нами понятия агентности и действия» (См.: *Беннет Дж. Пульсирующая материя*. Пермь, 2018. Предисловие).

возможность очаровываться природой и «крепкую веру» в то, что гармоничные отношения с тем, что нас окружает, могут еще рассматриваться как некогда достижимая цель⁷. Соответственно, следует руководствоваться не идеей дома (хотя желание «быть дома» в мире и рассматривается как фундаментальное, причем настолько, что оно направляет как тех, кто хотел бы выжать из мира все его ресурсы, так и тех, кто хотел бы «подстраиваться» под окружающие условия), но идеей ниши, которую в этом не совсем расположенном к нам окружающем пространстве мы можем попробовать занимать. А это уже формулировка, претендующая на экологичность. Но экология функционирует здесь не как знание (Беннет вообще не использует этот термин в отличие от той же К. Барад, например), а как практика, как этика: своеобразная практика повторов, которая осуществляется в пространстве между увлеченностью миром и преследующей необходимостью рефлексии и оценки окружающих условий. Что производит эта практика – отдельный вопрос.

Таким образом, конгломерат утверждений, которые делаются Беннет, если и движется в сторону некой формы, то форма эта не полемическая и, пожалуй, не стремящаяся к господству. Она скорее колеблющаяся. На уровне заявлений колеблющаяся между разными возможностями, зависящая, высказывающаяся непрямо, как будто в среднем залоге; на уровне своего складывания использующая возможности очень разных языков, в том числе художественного, в частности поэтического, что намечает, на мой взгляд, путь к складыванию языка не то чтобы более близкого к вещам в духе знаменитого гуссерлевского лозунга «Назад к вещам!», но более близкого к элементному уровню, в котором и мы, и вещи могут найти выражение.

Однако, чтобы пояснить, как это может работать вне парадигм «языка как дома бытия» или протокольных предложений, придется прежде детальнее изложить некоторые идеи Беннет.

Космическая симпатия

Как уже было отмечено выше, приверженность материалистическим позициям заставляет Беннет не только переписывать воззрения разных авторов в соответствующем ключе, но и разворачивать используемые понятия также на материалистический манер. Так, идеи Дьюи или Дарвина используются с переутверждением роли нечеловеческого и неорганического как «действующих агентов» окружающей среды, от которых человек не столько зависит, сколько находится в сети связей (reciprocity); метафора нарушения Рансьера, которую он применяет к описанию действия, приобретающего все больше черт именно действия в области языка прежде всего («нарушение» работает фактически как «прерывание» и затем «несогласие»), когда неравенство означает в первую очередь невозможность говорить, Беннет предлагает рассматривать «как будто» (like) это природные силы. Далее, «дом», как мы уже видели, конвертируется в «нишу» (пребывание в которой, можно

⁷ «Земля достаточно гостеприимна для систем восприятия и функционирования тела в сравнении с энвайронменталистскими условиями Марса или Солнца. Но не нужно считать это обстоятельство доказательством предрасположенности (к человеку) или возможности ассимиляции иного» (Bennett J. *Unthinking Faith and Enlightenment*. P. 288).

сказать, функционально, так как объясняется прежде всего задачей выживания, а «родство» задается лишь эволюционной историей или общей потребностью в пище), «встреча» – не столько в редкое событие между людьми, сколько в повседневное соприкосновение ступней с пульсирующей поверхностью Земли («ведь и земля – игрок, который притягивает ногу и вызывает “сотню привязанностей”, «цель нашего тела – не падать на самом деле, а всегда почти падать»⁸).

Соответственно, субъектностью этой теории или ее действующим лицом выступает не столько некоторая «агентность» (как после выхода множества книг Б. Латура и его прямых последователей уже принято теперь именовать такие «не-только-человеческие»⁹ структуры действия, использует этот термин и Беннет), сколько – и это некоторая новация Беннет – *earthling*: с одной стороны, нечто невыделенное среди всех существ этой планеты, «материальность плоти, состоящей, среди прочего, из железа, кальция, диоксида кремния, микроэлементов», с другой стороны, все же не только механическое именование стохастически сложившейся случайной сцепки материальных частиц, но нечто пусть даже в старинном смысле очаровательное.

Как земное существо, человек иногда резонирует с чем-то в окружающем пространстве. Этот резонанс Беннет, конечно, характеризует в духе вдохновенных элементарной физикой описаний как случайный, стохастический, лишь с небольшой степенью вероятности к чему-то ведущий: что-то может задеть нас исподволь, на едва воспринимаемом некогнитивном уровне; если это что-то повторится несколько раз, то может перейти во «флуктуацию», а «флуктуация» может сделаться «вектором» и разветвиться, вызывая «огромный эффект через цепочку реакций». Но может и не появиться никакого эффекта вовсе, никакого результата¹⁰. Но нас здесь интересует не столько механизм образования этого резонанса, сколько его «космический» характер. Это хорошо видно на примере симпатии.

С одной стороны, симпатия, безусловно, термин этического языка, и Беннет так его тоже использует, разворачивая, правда, и в область политического, со своеобразными коннотациями. Именно симпатия выступает вектором, трансфером первоначальных аффективных состояний в более устойчивое поведение. Спонтанно возникающие у нас реакции благоговейного трепета и удивления бесконтрольны и сиюминутны, достаточно редко проявляются и, что может быть наиболее важно, слишком непредсказуемы, чтобы поддерживать этическое действие. Но благодаря симпатии эти состояния могут переходить в более устойчивый *sonatus*, который будет отзываться (еще одно интересное терминологическое замещение: не столько ответственность, сколько отзывчивость) в том числе и на проблемы других. Это ни больше ни меньше как основание демократии как одинакового внимания ко всем и всему, способность выслушать.

С другой стороны, и в контексте настоящей статьи это наиболее интересный аспект, симпатия в этой материалистической интерпретации подается

⁸ *Bennett J. Influx and efflux: Writing up with Walt Whitman. Durham, 2020. P. 22.*

⁹ Термин Дж. Беннет.

¹⁰ Ср. также: «Фазы перекрываются, повторяются с небольшими различиями, возникают вне очереди и образуют петли обратной связи, которые можно найти, пытаясь определить последовательность причин и следствий» (*Ibid.* P. 84).

как аперсональная, как некоторая не просто природная, но космическая сила. Ссылаясь на историка С. Лобиса, Беннет пишет о том, что, хотя со времен А. Смита симпатия понималась как «моральный, социальный и психологический опыт» индивидов, она всегда сохраняла существенную связь с восприятием природы и традициями магии¹¹. Тогда симпатия одновременно является и внешним давлением на «Я», и человеческим поведением или способом реагирования поверх этих воздействующих «потоков». Приток и-отток как процесс уже протекают сочувственно, поскольку «Я», разделяя эту космическую тенденцию, увеличивает ее объем и может внести изменение. Это некое симпатическое единство очень чувствительно: многое воспринимает, чувствует едва уловимые изменения в атмосфере, «содержит множества, хотя не включает и не может включать в себя все».

Интересно, что в рассуждение о такой «гравитационной симпатии», т.е. симпатии как фактически природной или даже планетарно-космической силе, Беннет включает фразу Уитмена из «*By Blue Ontario's Shore*» о том, что «гордыня души безмерна, и она не признает никаких уроков, кроме как извлеченных из собственных ошибок. Но в душе есть и симпатия, столь же безмерная, как и гордость». Чем больше мы находим у Беннет примеров описания симпатии как чего-то подобного электрическому заряду, который (наконец) направляет токи аффектов в единое русло действия, методом проб и ошибок позволяя разрабатывать методы, которыми сопротивляются, фильтруют или отклоняют воспринимаемое, тем более странным выглядит вывод, к которому Беннет приходит в результате длинного рассуждения. Казалось бы, логически безмерность недвусмысленно указывает на превышение границ или приближение к пределу, но для Беннет гораздо важнее едва заметное возмущение, едва осязаемое волнение (*surge*), указывающее на легкое изменение течения фазы. Конечно, именно это соотносится с задачей Беннет по разработке такой модели действия, эффективность которого не измерялась бы исключительно в терминах прямой драматической (ре)акции¹². Ведь, с точки зрения Беннет, не менее, а явно даже более важно деликатное побуждение, способность просто кивнуть иголке хвойного дерева, как Торо, или раствориться в августовском дне, как Уайтхэд. Их поры были открыты для того, чтобы «впустить как можно больше внешнего», и нам следовало бы практиковаться в этом. Но в результате вырисовывается, что как будто и хорошо учиться «открывать поры», и в тенденции это видится как бесконечный процесс то ли «безмерной» симпатии, то ли тяги к иному, но каждый раз каким-то образом включается рефлексия, которая тормозит эти аффективные токи, и это закрытие шлюзов буквально прослеживается по тексту и заставляет признать, что только оставшиеся от токов слабые возмущения еще свидетельствуют о нашем контакте с миром.

Солярность, как и симпатия, двусмысленна и указывает на специфический беннетовский колеблющийся космизм. В том же сочинении Уитмена «*By Blue Ontario's Shore*» Беннет находит следующее руководство к действию (для поэта, правда, но об этом далее): учиться судить «не как судит судья, но как солнце, падающее на беспомощное существо». То есть, делает

¹¹ Bennett J. Influx and efflux. P. 29.

¹² Беннет представляет, что наиболее радикальные части общества часто ложно полагают, что наиболее политически заряжены действия, которые прямо оппозиционны, драматичны, взрывчаты.

скромный вывод Беннет, поэту «нужно сделаться солнцем – большое дело для маленького земного существа» (здесь уже просто *terrestrial being*, не *earthling*), прийти в «источающее состояние – с раскинутыми руками, открытыми ладонями, и это может также указывать на приятие вещей, как Природа приемлет поэта абсолютно». Делаться солнцем (*to go solar*) – вызывать из плоти момент стихийной общности, инаковости, свободной от «постыдных различий», восприимчивости ко всему. Выходить как солнечный свет означало бы пережить момент чистой беспристрастности, признавать присутствие, не оценивая его, слышать свидетельства людей, мест и вещей, никому не отдавая предпочтения.

Эта восприимчивость ко всему меняет статус суждения (по-своему снижая его): как будто уже достаточно не быть солнцем, а судить как солнце. Судить так, как светит солнце – значит зависать в интервале между притоком и оттоком, *influx* и *efflux*, между быстрой заметкой и вынесением суждения, между впечатлением и выражением. Судить как светящее солнце – значит «действовать с полной невозмутимостью, “наблюдать и ждать”».

Чего ждать? Ничего, просто перейти в состояние подвешенности, фактически сдерживая движение в любую сторону: не вынося суждения, не возмущаясь социальной несправедливостью, внимая всему вокруг, но замирая на грани действия. Именно это видится как та этическая позиция, к которой нужно стремиться. Кроме того, именно в таких описаниях Беннет вводит понятие интервала. Некоторые притоки поддаются телесным реакциям, которые принимают форму отдельных идей, слов, образов, эмоций или настроений. Но многие другие восприятия приходят как диафанное, как прозрачные влияния. Длительное приостановление действия нормативных категорий и дискриминационного восприятия несовместимо с социальным порядком, справедливостью и здравомыслием. Но описанная выше специфическая солярность, которая фактически предстает как момент приостановки суждения в состоянии внимания ко всему, не только остается залогом действительной эгалитарности, но и «открывает больше времени для появления новых голосов, претензий или прав, которые еще не вошли в сферу восприятия рассудительного солярного суждения мужчины или женщины», а также уменьшает за счет некоторой беспечности дискомфорт столкновения.

Получается так, что безмерность, которую вычитывает Беннет у Уитмена, подводит ее не к безмерному напряжению сил, которое запускает трансформацию, а к широте потока, и если ощущать свою к нему принадлежность, то ее и можно прочувствовать через легкое колебание в ответ на возмущение этого потока. Здесь нет движения, колебание никуда не ведет, это тоже важно, и Беннет как будто отдает себе в этом отчет. Но эту принадлежность, как ей представляется, можно выразить через слова языка не романтической увлеченности природой, но демократической эгалитарности со всем без разбора и предпочтений (в идеале, так как Беннет выражает согласие с некоторыми авторами, утверждающими, что можно быть «лучше и хуже аффицированными»¹³).

¹³ Ср.: «Д. Квик замечает, что есть “лучшие и худшие способы быть аффицированными”, обогащающие и разрушительные формы влияния <...> Зачастую мы не знаем заранее, какой способ аффицирования причинит вред. Но именно эта ориентированность на последствия принуждает к большей, а не меньшей восприимчивости среды (*milieu*), чтобы можно было определить, откуда идет опасность, и применять разные типы фильтров» (*Bennett J. Influx and efflux. P. 88*).

Тонкая эффективность языка

Рассматривая работы Беннет прежде всего через их выразительные и риторические средства – смещения между природным, материальным и даже космическим, между ощущениями и токами воздуха, между отрицательными пантеистическими влияниями¹⁴ и пропагандируемыми преимуществами непредсказуемости материи, – мы видим то, что обретает все большую ценность. В солярной восприимчивости, в рискованно безграничной симпатии все более привлекательным становится не столько взаимодействие, триггерами или условиями которого эти состояния могут выступить, и даже не процессуальность космической причастности материи, не движение вместе с ней, но интервал, «зависание». Мы уже видели беспристрастность и невозмутимость (настоящего демократа), но Беннет находит еще много терминологических способов указать на это состояние: «сбалансированная неподвижность», «тонкая эффективность», «небыстрые, косвенные, деликатные, устойчивые, часто более поэтические, чем полемические» намеки. «Понятия ультратонкого, виртуального, неопределимого (апехаст), атмосферного также полезны». К такому лексикону, по мнению Беннет, можно добавить и понятие «просачивание» (seep) С. Ментца: вещи проникают друг в друга, но не сливаются. К тому времени, как вы замечаете какое-либо движение, оно просачивается через одну вещь к другой, дюйм за дюймом. А также «проникновение» Д. Миллера, слово, которое он заимствует из одной традиции в даосизме: в переводе с китайского проникновение – это движение вперед, поскольку «туннель “пронизывает” холм, соединяя одну сторону с другой».

Помимо отдельных терминов Беннет обращает внимание и на модальность высказывания, склонение, залог. В английском языке отсутствует обозначение действий, предпринятых в рамках области деятельности, а не решения субъектов, так как обычно субъекты появляются либо для того, чтобы что-то сделать (активный залог), либо для того, чтобы на них действовали (пассивный залог). Ссылаясь на лингвиста Э. Бенвениста, Беннет напоминает, что доминирование двух залогов (активного и пассивного) было относительно поздним развитием индоевропейской глагольной формы. Это трансформировало более старый лингвистический порядок, в результате чего средний залог неправильно предстает теперь как модальность, которая находится на полпути между активными и подчиненными вербальными формами. Более точно, утверждал Бенвенист, понимать средний залог как фактор эффективности. Тогда мышление представало бы как «деятельность, которая говорит в своей собственной сфере и возвращается к себе самой до того, как субъект берет на себя ответственность за нее. Мышление в этом случае было бы деятельностью, которая осуществляет себя из своих собственных процессов». Переводя Бенвениста на язык своих примеров, Беннет отмечает, что деятельность, выражаемая в среднем залоге, побуждается

¹⁴ См. одно из характерных пояснений: «Верно, что Торо часто представляет “естественные влияния” как знаки божественного провидения <...> Но также примечательно, что бывают моменты, когда Торо, похоже, не интересуется вопросом цели или божественного замысла и довольствуется просто одобрением естественных влияний или наслаждается ощущениями, которые они вызывают, или признает, что они влияют на него слишком тонко, чтобы анализировать» (Bennett J. Influx and efflux. P. 98).

и поддерживается колоссальными эфирными влияниями (Г. Торо), «вибрирующими струнами» (Р. Кайуа) или «гравитационной симпатией» (У. Уитмен). Хотя грамматика ограничивает выражение того, что вообще можно ощутить, вовлеченность в безличный процесс предшествует и информирует о любых личных начинаниях: мы являемся «участниками» в среднем залоге в большей степени, чем акторами или получателями. Это не то интерсубъективное признание, которого добивался, по мнению Беннет, Гегель, когда два человеческих индивида осознают себя в процессе признания «самих себя как взаимно признающих», поскольку другое существо, как и оно само, является чем-то большим, чем объект в его способности размышлять о своем существовании. Вместо этого следовало бы говорить о признании, объединяющем виды, которое свидетельствует не об универсальности, но о субъективном сродстве между резонансными материалами. Это «узнавание» больше похоже на гелиофилию, чем на межчеловеческое узнавание, инициированное и осуществляемое на психологическом уровне.

Как именно работает такая восприимчивость, проявляясь через артикуляцию в среднем залоге? Вот одно из конкретных описаний, которое предлагает Беннет: «Я чувствую произвольное побуждение вверх, когда повторяю движение дерева вверх, моя наклоненная голова выравнивается с искривленным стремлением растения. Это происходит, когда моя поза – две твердо поставленные ноги – резонирует с твердой почвой, на которой я стою. Мое тело включает в себя растительную, каменистую, минеральную и другие составляющие. Это “солидарность не идентичностей”, а телесных форм, солидарность, которая игнорирует границу “между человеческим и нечеловеческим”».

Правда, сама же Беннет говорит о том, что не нужно воспринимать это прямо: между человеком и хвойными иглами теперь проявляется, возможно, функция не столько Божественного замысла, сколько какого-то другого «совпадения», лишь некий «резонанс материалов», и ранее уже шла речь о таких стохастических резонансах; но теперь лучше видно, что они не столько открывают наши поры космическим воздействием, сколько говорят об изоморфизме, оставляя границы между отдельными, пусть и сходно устроенными, «агентностями» нетронутыми. Кроме того, наконец добавляется интересующая нас функция: описывая эксперименты Торо по «впитыванию внешних влияний до состояния опьянения», Беннет регистрирует, как он все менее связывается моральными идеалами и социальными нормами или даже человеческим выживанием, сдвигаясь в балансе способностей от когнитивного суждения к беспристрастной невозмутимости, и «превращает впечатления в поэтическое выражение: он записывает их»¹⁵. Что значит записывает? Как такая запись возможна и чем она полезна, примечательна?

Как столетиями ранее Парацельс, Торо проводит тонкую грань между, с одной стороны, утверждением дописьменного существования природных влияний и, с другой стороны, использованием слов, чтобы вызвать соответствующие состояния в воображении. Вызывать, призывать – глаголы, которые предполагают общий и распределенный вид деятельности и говорят в среднем залоге. Также и уитменовский соляренный поэт не субъект действия, который придает форму внутреннему объекту; скорее, предполагается, что слова расставляются так, чтобы отметить сотрудничество

¹⁵ См.: *Bennett J. Influx and efflux*. P. 94.

многих формирующих усилий различных видов вибрирующей материи. Он и сам писал так, чтобы у фраз не было предпочтений друг перед другом: все движется параллельно, ничего не продвигается¹⁶. Здесь поэзия не лингвистическое выражение идей и чувств автора, а набор слов, который «задерживает приземление». То есть художественное выражение фактически связывается с интервалом. Каждая фаза, пишет Беннет, подобно камешку, брошенному в пруд, создает волны, которые сохраняются после их распределения и просачиваются обратно в прошлое. А это значит, что идеального способа рассказать историю процесса не существует. Если вы начнете свой рассказ о поэзии, например, с притока, подчеркивая импульс внешних влияний, поскольку они продвигают начинающего поэта, вы посмотрите, что особенного в творчестве поэта. Если вместо этого вы начнете с похвалы сильного стихотворения, подчеркивая его инновационный поворот или волнение, вы преуменьшите вклад внешних влияний (в том числе «слабой» поэзии). Следовательно, художественное выражение стремится продлить интервал, конструируя как бы собственное время зависания, не-движения.

Вот с чем мы остаемся: ощущая симпатию как нечто космическое, мы признаем представителей других видов, «не-только-человеческих», на уровне телесных форм, мы субъективно (потому что универсальные правила не действуют) резонируем с ними одними и теми же материалами, из которых составлены и мы, и они. Поэтому Беннет утверждает, что кивок Торо дереву не вызван атмосферой дня, а основан на том факте, что кивок уже является одной из потенциальных поз конфигурации «плоти, крови и костей», которой является Торо. Кивок принадлежит Торо, даже если он не является результатом его волевого действия; кивок принадлежит атмосфере, даже если он активизирует позу растения, уже входящую в соматический репертуар Торо. Раскинувший руки восприимчивый солярный поэт Уитмена – это не витрувианский человек и даже не конъюнктурно гендеризированная его форма на обложке сборника Р. Брайдотти¹⁷, это компонент природного мира, вписанный в него на уровне телесных реакций.

Но мы никуда не движемся: этот природный солярный компонент завис, он интервализирован, «приземление задержано». Странно, но именно этот интервал ценен с точки зрения Беннет. Задача «открыть поры», услышать голоса, тонкие и иные, войти с ними в резонанс прекрасна, но что дальше? Беннет неизменно задраивает шлюзы: только мы видим вздымание пафоса в именовании *earthling*, как Беннет сознательно опускается до уравнивания его с другими «компонентами» как «всего лишь» сцепленности частиц; только мы настраиваемся на производительность активной непредсказуемой нечистой материи, как Беннет переходит к очередному безразличному «фрактальному» описанию, в котором даже гипотетическое возникновение смысла, если он вообще возможен, может произойти в рамках законов физики элементарных частиц; только намечается путь к взаимодействию, как Беннет фантастическим для нового материалиста способом объявляет, что

¹⁶ Беннет вспоминает в связи с этим, что Т. Адорно писал о музыке Д. Кейджа: «...a succession in time that denies its own progressivity» (*Bennett J. Influx and efflux*. P. 110).

¹⁷ См. обложку книги: *Braidotti R. The Posthuman*. Cambridge; Malden (MA), 2013, на которой размещено генерированное компьютерной программой изображение женской фигуры с раскинутыми руками и квазиазиатским лицом; тогда как у недавно опубликованного перевода на русский язык обложка предельно абстрактна, ср.: *Брайдотти Р. Постчеловек*. М., 2021.

ее *conatus* не позволит полностью сделать мир горизонтальным («horizontalize»), что неизбежна идентификация с другими представителями человеческого вида, «поскольку их тела в наибольшей степени похожи» на ее собственное, а так как ее требования «обусловлены конативной заботой о выживании и благополучии человека», то полного равенства всех действующих лиц нельзя достичь, хотя и нужно стремиться, по крайней мере, к политике с большим количеством каналов для коммуникации между участниками.

И только? Для чего тогда потребовались все эти переинтерпретации и переписывания в пользу нечеловеческой публики, дома, перестроенного в нишу, встречи, увиденной как столкновение частиц, космоса, заменяемого экологией, трансформации и дефазирования как результата влияния безмерного¹⁸, превращенных в широту и «открытые поры» (легко закрывающиеся, правда, как мы видели выше, чтобы никаких изменений не произошло, ибо изменения нарушили бы «зависание» и сделали бы границы между телами и сущностями проникаемыми)? Означают ли эти переинтерпретации такую работу с языком, которая смещает формулирование теории в область складывания литературы, не литературы как материала для развития теории, а литературы как формы теории – тенденция, которая явно прослеживается во все большей степени от работы к работе у таких авторитетных современных авторов, как, например, Ю. Такер?¹⁹

Пожалуй, лишь в какой-то степени, так как Беннет фактически сворачивает поэтическую форму, так долго связывавшуюся с приращением смысла, с ритмическим нарастанием, объявляя, что начало поэзии – интервал, т.е. снова зависание, торможение. Редко используя древнюю традицию (ведь атомисты слишком упрощали, объясняя разнообразие мира отклонением, *klinamen*), Беннет неожиданно несколько раз обращается к фигуре Зевса. Конечно, с раздражением, ибо он является примером того, как легко пропустить множества важных для ее проекта легких возмущений, не заметить их в ослеплении метанием молний прямого драматического действия. Хотя он и действуют, но, получается, вне связи с тем, что его окружает. Поэтому именно неподобную Зевсу индивидуальность Беннет склонна называть космической, т.е. рецептивной ко всему, отзывчивой. Но несuverенной, это Беннет признает.

Обратимся, однако, еще раз к понятию интервала: интервал, как бы короткий ни был – это момент «чистой потенциальности»: прошлое мгновенно отменено, подвешено, а будущее еще не началось, и все трепещет в хрупком балансе. То есть мы можем понять Беннет так, что она занимается переписываниями и переинтерпретациями не столько для того, чтобы наметить некую новую парадигму – ее еще нет, как мы видели – сколько для того, чтобы произвести смесь, которая содержит в себе все, пусть в разной форме, полуснятой и т.д., но наполненной разными компонентами. Иными словами, работает над элементной базой, у которой даже нет никакого имени лучше, чем «интервал».

¹⁸ См. о понятии безмерного как средоточия сопротивления гегельянской логике у А. Негри: *Сосна Н.Н.* Непомерный «космизм». Действие по Антонио Негри // *История философии / History of Philosophy*. 2019. Т. 24. № 2. С. 104–113.

¹⁹ См. его последние работы в: *Thacker E., Galloway A., Wark Mc.* Excommunication. Three Inquiries in Media and mediation. Chicago; L., 2014 и трехтомный проект: *Takep Ю.* В пыли этой планеты. Пермь, 2017.

С сожалением приходится видеть, как заявленная переинтерпретация материи, одним из компонентов которой было намерение рассматривать и язык, в «реальном времени», т.е. с минимальным отставанием от ощущений симпатической причастности к происходящему вокруг, записывающим эти ощущения в художественной форме через особые сочетания слов, приводит все-таки к символизации материи. Уровень «частиц» отставлен, заземления нет, парит интервал. Пример Беннет показывает, как трудно при внимании к языку, который производится агентностью с довольно-таки замкнутыми контурами при всем декларируемом «открытии пор», сохранить его связь с разворачиванием космогонии. Подчеркивая неромантичность своего письма и статус агентности как лишь именованья²⁰, Беннет остается с «зависанием» и «приостановкой». Может быть, это было бы и неплохо в условиях, когда слов и их «спутанностей» слишком много и их потоки загромождают собой не только события – их вообще почти не разглядеть, – но и «информацию». Но в таких условиях важна не только констатация «приостановки», но и дальнейшая работа с тем, что идет: не только интервал, но и космос, который может из него развернуться.

Список литературы

- Беннет Дж. Пульсирующая материя / Пер. с англ. А. Саркисьянца. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 220 с.
- Брайдопти Р. Постчеловек / Пер. с англ. Д. Хамис; под ред. В. Данилова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021. 408 с.
- Деланда М. Новая философия общества. Теория ассамбляжей и социальная сложность / Пер. с англ. К. Майоровой. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 164 с.
- Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности / Пер. с фр. Л. Медведевой; под ред. П. Хановой. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
- Сосна Н.Н. Непомерный «космизм». Действие по Антонио Негри // История философии / History of Philosophy. 2019. Т. 24. № 2. С. 104–113.
- Такер Ю. В пыли этой планеты / Пер. с англ. А. Иванова. Пермь: Гиле Пресс, 2017. 184 с.
- Харауэй Д. Оставаясь со смутой. Заводить сородичей в Хтулуцене / Пер. с англ. Д. Хамис, П. Хановой и А. Писарева. Пермь: Гиле Пресс, 2020. 340 с.
- Шавиро С. Вне критериев: Кант, Уайтхед, Делёз и эстетика / Пер. с англ. О. Мышкина. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 210 с.
- Barad K. Meeting the universe halfway: Quantum Physics & the Entanglement of Matter & Meaning. Durham: Duke University Press, 2007. 542 p.
- Braidotti R. The Posthuman. Cambridge; Malden (MA): Polity Press, 2013. 229 p.
- Bennett J. Unthinking Faith and Enlightenment: Nature and Politics in a Post-Hegelian Era. N.Y.: New York University Press, 1987. 192 p.
- Bennett J. Influx and efflux: Writing up with Walt Whitman. Durham: Duke University Press, 2020. 224 p.
- Delanda M. A Thousand Years of Nonlinear History. N.Y.: Zone Books, 1997. 333 p.
- Haraway D. When species meet. Minneapolis; L.: University of Minnesota Press, 2007. 440 p.
- Stengers I. Thinking with Whitehead: A Free and Wild Creation of Concepts. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2011. 554 p.
- Thacker E., Galloway A., Wark Mc. Excommunication. Three Inquiries in Media and mediation. Chicago; L.: University of Chicago Press, 2014. 217 p.

²⁰ Показательно, что в предисловии к «Пульсирующей материи» Беннет, сознательно или нет, акцентирует именно момент именованья, называнья, которое превалирует фактически над самой «структурой действия» в «агентности».

The poetics of gentle cosmism

Nina N. Sosna

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: philosjournal@iphras.ru

The article analyzes an issue in Jane Bennett's vital materialism project, namely, a specific conjunction of ideas about active matter that produces various combinations of beings, including humans, and the possibility of this matter to articulate itself in language, including poetic forms. After a brief, but necessary discussion of some essential aspects of Bennett's theory such as ontology based on postulates of elementary particles physics (particle collisions, resonance, isomorphism), affective ethics (partial actions based on the "positive" repetition of random impressions) and ecology ("courteous" attention to representatives of other species), the author suggests to strengthen the fluctuating nature of Bennett's project and explore its extremes: the cosmic level of theorizing where even sympathy appears as a "gravitational" force and the level of linguistic articulation where various forms of indirect utterance, the "middle voice", are involved. Despite the fact that between these two levels one can observe a certain isomorphism of a "weak" "non-dramatism", the author concludes that the "physicality" of solarly and sympathy viewed as cosmic manifestations are not equal in weight to their own expression in poetic language in the spirit of Whitman or Thoreau (as exemplified in many by Bennett's books). Therefore, these two components do not remain in the state of balance, even though Bennett repeatedly tries to use the concept of an interval, which is responsible for the discontinuation of the narratives of both types. In other words, the project shifts from a study of materiality towards its non-romantic "naming" only.

Keywords: agency, articulation, Bennett, cosmic, ecology, interval, nature, not-only-human, romantic, solar

For citation: Sosna, N.N. "Poetika tikhogo kosmizma" [The poetics of gentle cosmism], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2022, Vol. 15, No. 3, pp. 70–83. (In Russian)

References

- Barad, K. *Meeting the universe halfway: Quantum Physics & the Entanglement of Matter & Meaning*. Durham: Duke University Press, 2007. 542 pp.
- Bennett, J. *Influx and efflux: Writing up with Walt Whitman*. Durham: Duke University Press, 2020. 224 pp.
- Bennett, J. *Unthinking Faith and Enlightenment: Nature and Politics in a Post-Hegelian Era*. New York: New York University Press, 1987. 192 pp.
- Bennett, J. *Pul'siruyushchaya materiya* [Vibrant matter], trans. by A. Sarkisianz. Perm: Hyle Press, 2018. 220 pp. (In Russian)
- Braidotti, R. *The Posthuman*. Cambridge; Malden, MA: Polity Press, 2013. 229 pp.
- Braidotti, R. *Postchelovek* [The Posthuman], trans. by D. Khamis, ed. V. Danilov. M.: Institut Gaidara Publ., 2021. 408 pp. (In Russian)
- Delanda, M. *A Thousand Years of Nonlinear History*. New York: Zone Books, 1997. 333 pp.
- Delanda, M. *Novaya filosofiya obshchestva. Teoriya assamblyazhei i sotsial'naya slozhnost'* [A new philosophy of Society. Assemblage Theory and Social Complexity], trans. by K. Mayorova. Perm: Hyle Press, 2018. 164 pp. (In Russian)
- Haraway, D. *Ostavayas' so smutoi. Zavodit' sorodichei v Khtulutsene* [Staying with the trouble: Making kin in the Chtulucene], trans. by D. Khamis, P. Khanova and A. Pisarev. Perm: Hyle Press, 2020. 340 pp. (In Russian)
- Haraway, D. *When species meet*. Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 2007. 440 pp.

- Meillassoux, Q. Posle konechnosti. Esse o neobkhdimosti kontingentnosti [After finitude: An Essay on the Necessity of Contingency], trans. by L. Medvedeva and P. Khanova. Ekaterinburg: Cabinet Scientist, 2015. 196 pp. (In Russian)
- Shaviro, S. Vne kriteriev: Kant, Uaitkhed, Delez i estetika [Without criteria: Kant, Whitehead, Deleuze and aesthetics], trans. by O. Myshkin. Perm: Hyle Press, 2018. 210 pp. (In Russian)
- Sosna, N.N. “Nepomernyi ‘kosmizm’. Deistvie po Antonio Negri” [Unmeasurable cosmism. Acting according to Antonio Negri], *Istoriya filosofii / History of Philosophy*, 2019, Vol. 24, No. 2, pp. 104–113. (In Russian)
- Stengers, I. Thinking with Whitehead: A Free and Wild Creation of Concepts. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2011. 554 pp.
- Thacker, E. V pyli etoi planety [In the dust of this planet], trans. by A. Ivanov. Perm: Hyle Press, 2017. 184 pp. (In Russian)
- Thacker, E., Galloway, A. & Wark, Mc. Excommunication. Three Inquiries in Media and meditation. Chicago; London: University of Chicago Press, 2014. 217 pp.

М.Г. Чистякова, Г.М. Преображенский

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧУВСТВЕННОСТИ В ПОСТАНТРОПОЦЕНТРИЧНОМ ИСКУССТВЕ*

Чистякова Марина Георгиевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии. Тюменский государственный университет. Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 23; e-mail: mgтч@yandex.ru

Преображенский Герман Михайлович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии. Тюменский государственный университет. Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 23; e-mail: e1525@mail.ru

В данной статье исследуется изменение параметров чувственности в контексте постантропоцентричной парадигмы в искусстве. Как к более частной теме мы обращаемся к механизму конструирования аффектов, исходя из их внешней автономии в искусстве. Принципиальная разомкнутость сферы чувственности описывается в контексте объектных онтологий через способы связанности и обусловленности, располагающиеся вне сферы опыта отдельного индивида. Дается обобщенное описание процедур постантропоцентричной парадигмы распределенного эстетизиса. В статье рассматривается сдвиг в понимании функции и автономии искусства, связанный с появлением объектных форм искусства. Современное состояние объектного искусства, в частности тотальных инсталляций, предполагает иную парадигму эстетизиса. Дается прояснение специфики работы такой парадигмы на основе различения аффекта и эмоции в концепции автономии аффекта у Брайана Массуми. Делается вывод о том, что в деантропологизированных средах чувственность работает как цепь распределенных аффектов, связанных с эффектами нарастания интенсивности и торможения интенсивности через формы апроприации аффекта в цепь последовательных инстанций чувственности. Общетеоретическая задача статьи – дать описание работы структур аффектации в условиях объектной деантропологизации. Прикладная задача статьи – описать механизмы понимания и восприятия объектных форм искусства, в частности такой его формы, как тотальная инсталляция.

Ключевые слова: аффект, эмоция, автономия аффектов, деантропологизация, постантропоцентризм, распределенный эстетизис, объектное искусство, тотальная инсталляция, интенсивность, чувственность, ассамбляж

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Тюменской области в рамках научного проекта № 20-411-720007.

Для цитирования: Чистякова М.Г., Преображенский Г.М. Трансформация чувственности в постантропоцентричном искусстве // *Философский журнал / Philosophy Journal*. 2022. Т. 15. № 3. С. 84–99.

Одной из специфических особенностей современности является парадигмальный сдвиг в понимании человека. Язык реагирует на происходящее уже проверенным способом – использованием префикса «пост-». Сам факт его присоединения к понятиям «человек», «гуманизм», «антропоцентризм» констатирует собирание нового дискурсивного поля, которое исследователи определяют как постгуманистическое¹. Оно включает в себя широкий спектр теоретических концепций и подходов, научных и художественных практик, объединенных общей идеей критической переоценки того, что значит быть человеком в ситуации, когда реальность предстает как гибрид природного и цифрового, а многовековые основания культуры – гуманизм и антропоцентризм – подвергаются критике.

Предлагаемые варианты решения проблемы объединяет отказ от выстраивания каких-либо иерархий в пользу человеческого. Так, критический постгуманизм декларирует децентрализацию человека, рассматривая его не в качестве субъекта, обладающего особым родом привилегиями по отношению ко всему живому, а как трансверсальную сущность, по словам Розы Брайдоитти полностью погруженную в сеть нечеловеческих отношений и имманентную этой сети². Новые онтологии становятся основанием новых антропологий, специфической особенностью которых является признание симметричности человеческого и нечеловеческого³. Критика корреляционизма задает новые перспективы для исследования чувственности как точки доступа к миру⁴.

Показательна реакция на происходящее со стороны визуальных искусств. В некоторых случаях (например, в Art & Science) трансформации искусства оказались столь значительными, что в данном контексте можно констатировать: мы являемся свидетелями становления новой парадигмы искусства – постантропоцентричной. Она приходит на смену антропоцентричной, позиции которой оказались подорваны неклассическим искусством более столетия назад. Симптоматично, что исследователи нередко определяют Art & Science как «техноавангард», и здесь важно помнить, что именно историческому авангарду когда-то удалось изменить искусство на парадигмальном уровне.

Все это создает предпосылки для переформатирования эстетики. Новая эстетика, с одной стороны, в духе объектно ориентированной онтологии стремится к представлению отношений между объектами. С другой стороны, по мнению Яна Богоста, по-настоящему новая эстетика – это все-таки эстетика человеческая, но обнаруживающая нечеловеческую перспективу; выявляющая, как именно другие объекты или существа, чьи восприятие и опыт нам недоступны, встречаются с миром и как они развивают свою

¹ Wolfe C. What is Posthumanism? Minneapolis (MN), 2010.

² Брайдоитти Р. Критическая постгуманитаристика // *Опыты нечеловеческого гостеприимства: Антология*. М., 2018. С. 37.

³ Haraway D. When we have never been human, what is to be done? // *Theory, Culture & Society*. 2006. Vol. 23 (7–8). P. 135–158.

⁴ Харман Г. Четверякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь, 2015.

эстетику⁵. Ричард Грузин идентифицировал подобную ситуацию как «нечеловеческий»⁶, а Роза Брайдотти – как «постантропоцентричный поворот»⁷.

Постантропоцентричное искусство проблематизирует и трансформирует эстетический опыт, восприятие, чувственность и возможность иметь сам опыт искусства. В целях выявления специфики новой чувственности представляется продуктивным обращение к таким художественным практикам, как тотальная инсталляция и перформанс. Прежде всего мы рассмотрим специфические особенности антропоцентричной и постантропоцентричной парадигм искусства. Затем проанализируем тотальные инсталляции в контексте деантропологизации зрительской установки, ведущей к переосмыслению эстетизиса. Далее на базе автономии аффекта, интенсивности, форм ограниченного доступа к вещи предложим альтернативную модель эстетизиса, с распределенными транзакциями аффектов, возникающей инстанцией свидетельства как торможения аффекта. Наконец, рассмотрим, каким образом тотальные инсталляции и распределенный эстетизис позволяют, с одной стороны, по-другому прочесть субъекта искусства, с другой – предоставляют зрителю возможность сформировать новые аспекты чувственности.

Объект как действующее лицо смены парадигм в искусстве

Сложившуюся в современном искусстве «постантропоцентричного поворота» ситуацию можно интерпретировать как доведение до логического предела интенции, заявившей о себе еще в первой половине XX в., которую условно можно определить как «антиантропоцентризм» или «протопостантропоцентризм». Ретроспективный взгляд на искусство модернизма и авангарда обнаруживает множество примеров не только слома субъекта (с последующей децентрацией человеческого), но и отказа от него как такового вопреки тому, что антропоцентризм до этого момента был имманентен искусству. Искусство представляло собой практику, непосредственным образом связанную с человеком: с его присутствием в роли автора/реципиента; с человеческой чувственностью, к которой оно апеллировало. Искусство было пронизано человеческими смыслами, эмоциями, символами, ценностями; оно функционировало в рамках созданных человеком художественных и институциональных конвенций и практик. Иначе говоря, оно существовало «для» и «во имя» человека. Классическое искусство, представляющее собой квинтэссенцию этой парадигмы, нарративно, фигуративно, репрезентативно, основано на принципе мимесиса. Это искусство, адресованное взгляду субъекта. Не случайно классическая эстетика как эстетика перцептивная, связанная со зрением, основанная на субъект-объектных отношениях, уделяет особое внимание проблеме восприятия искусства.

Неклассическое искусство (включающее в себя различные течения модернизма и авангарда) становится точкой разрыва истории искусств с ан-

⁵ *Bogost I.* The New Aesthetic Needs to Get Weirder // The Atlantic. URL: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2012/04/the-new-aesthetic-needs-to-get-weirder/255838/> (дата обращения: 01.04.2022).

⁶ *Grusin R.* The Nonhuman Turn. Minneapolis, 2015.

⁷ *Брайдотти Р.* Постчеловек. М., 2021. С. 145.

тропоцентризмом. Нигилистическое неприятие предшествующей культуры, одним из мировоззренческих оснований которой была убежденность в привилегированном положении человека, разделяли как модернисты, так и авангардисты⁸. Несмотря на стилистическую неоднородность, это искусство последовательно освобождается от всего того, что могло бы ассоциировать его с антропоцентричной классикой. Образы стилизуются до неузнаваемости (фовизм, экспрессионизм, кубизм, футуризм), снимается нарратив (дадаизм), отменяется фигуративность (абстракционизм). В конце концов, репрезентация сменяется презентацией, а на смену художественному образу приходит объект (дадаизм). По известному определению Х. Ортеги-и-Гассета, «новое искусство» – это искусство дегуманизованное: оно более не адресовано нашей эмоциональной сфере, его не интересует человек и его страсти; содержанию оно предпочитает форму⁹. Новое искусство манифестирует свое автономное положение в культуре, оно отказывается от всех прикладных функций, ставящих его в зависимость от каких-либо родов человеческой деятельности, намереваясь быть «отдельно» от всего человеческого – в себе и во имя самого себя.

Важная роль в становлении постантропоцентричной парадигмы принадлежит объекту. Не случайно Тьерри де Дюв определил ready-made М. Дюшана как произведение парадигмальное, не только задающее новый вектор развития искусства, но и формирующее новый язык его описания¹⁰. Здесь востребованной оказывается уже не столько перцептивная, сколько «осязательная» эстетика¹¹; не эмоция, а отличающийся от нее аффект, выявляющий и раскрывающий новые аспекты чувственности. С редимейда, с готового объекта, созданного с нехудожественными целями, но одним лишь жестом художника – изменением контекста, преобразованным в произведение искусства, – начинается объектное искусство, важной составляющей которого является инсталляция, в том числе тотальная. Человеку в этом искусстве отводится инструментальная роль: если он и задействован в произведении, то лишь как часть инсталляции, как объект в ряду прочих. Сказанное относится и к перформансу: в центре внимания художников оказывается прежде всего тело и его реакции, а не личность. В этом смысле и перформанс, и тотальная инсталляция представляют собой художественные практики, наиболее релевантные как постантропоцентричной парадигме искусства, так и новым онтологиям¹².

В наши дни произведение искусства демонстрирует все большую автономию по отношению к человеку. Произведение выходит из-под контроля автора: внедренные в арт-объекты нейросети обучаются в процессе работы и обеспечивают самотрансформацию инсталляции; возникает такая

⁸ Уточним, что и технологические утопические проекты итальянского футуризма, и органо-логические утопии русского кубофутуризма, касающиеся создания нового человека, адресовались отнюдь не современникам, а качественно иным существам – людям будущего.

⁹ Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства // Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы. М., 1991. С. 500–518.

¹⁰ Дюв Т. де. Артефакт // Транслит. 2015. № 17. С. 28.

¹¹ Маркс Л. Осязательная эстетика // Художественный журнал. 2019. № 108. С. 61.

¹² Stalpaert C., Van Baarle K., Karreman L. Performance and Posthumanism: Co-Creation, Response-Ability and Epistemologies // Performance and Posthumanism: Co-Creation, Response-Ability and Epistemologies. Cham, 2021. P. 1–47.

новая форма искусства, как саморазвивающийся объект. Специфика пост-антропоцентричного искусства заключается в том, что в качестве акторов в нем представлены разнообразные нечеловеческие агенты, как биологические, так и технологические (от компьютерных программ до живых и/или полуживых медиа), причем нередки случаи делегирования им художниками частичного или полного авторства. Теория аффекта в этом случае может быть рассмотрена в качестве инструмента, позволяющего решить те проблемы новой эстетики, о которых пишет вышеупомянутый Ян Богост.

Аффективная автономия и интенсивность

Действительно, произведение искусства традиционно рассматривалось как продукт деятельности человека. В этом отношении классическое искусство, антропоцентричное по своей сути, опиралось на следующие постулаты.

А. Строгая привязка не к созерцательности и непроизводимости человеческих действий, а именно к деятельности, активной и продуктивной. Антропологическая привязка в понимании объектов искусства была не только антропоцентричной, но и субъектоцентричной – в контексте и в горизонте понимания субъекта как рационально устроенной человеческой идентичности, окончательно кристаллизовавшейся в Новое время.

В. Выставленность и опредмечивание представляют собой другой полюс субъект-объектной схемы. Произведение искусства в этом изводе есть «противостоящее» и «выставленное» на обозрение, есть предмет (Gegenstand), доступ к которому предполагает транспарентность, ясность и контроль. Прежде всего контроль над смыслом и наглядными характеристиками, сколь бы витиеватой и символически запутанной ни была сама композиция произведения.

Появление редимейда свидетельствовало о некотором переходе: о постепенном отходе от антропоцентричности в понимании и во взаимодействии с искусством (речь идет и о позиции художника, и о позиции зрителя). В случае с редимейдом такой переход касается прежде всего активной субъектности художника, это постепенный переход от художника-изготовителя произведений к художнику-соучастнику некоторых (природных?) процессов. При этом редимейд еще не нарушает основных параметров экспонирования (см. пункт В): в основных своих чертах это все та же добрая и понятная выставленность произведения, обладающего явными очертаниями для обзора и экспонирования, более-менее ясным значением и, самое главное, несущего смысл и некое «художественное высказывание». Причем в случае с редимейдом формирование высказывания осуществлялось во многом благодаря именно нарочитой выставленности и игре между полюсами А и В: «выставлять то, что выставлять, по сути, нельзя» (то, что не является продуктом активной деятельности разумного субъекта искусства, но при этом может быть выставлено). Можно возразить на это, что «выставить можно абсолютно все что угодно!», но дальнейшее развитие искусства идет именно в сторону подрыва второго полюса В – растворения выставленности.

Переход к тотальным инсталляциям¹³ связан с перераспределением «акторности» и «объектности» между человеческим и нечеловеческим полюсами этой работы, и здесь уже уместнее говорить скорее не о выставленности, а о взаимодействии. Именно так и оценивают опыт эстезиса в случае подобных активностей/пассивностей (ведь дело уже не в касании как таковом, не в тактильности или перемещении вещей, не в активности художника или зрителя), распределенных между телами и объектами. Грань человеческого присутствия здесь не цель и не центрирующая активность, удерживающая процедуру переживания, мы сталкиваемся уже даже не с «художественным высказыванием», не с ощущениями и их оценкой, а с переформатированием континуума взаимодействий и перекалибровкой самой карты чувственности.

Как мы увидим в дальнейшем, тело человеческого актора, в свою очередь продолжая движение по некоей виртуальной шкале всё дальше, за пункт В, становится объектным телом: выпадает, благодаря взаимодействию в практиках искусства, из причинно-следственной цепочки стимул-реакция-действие. Происходит переписание карты чувственности, исходя из нарастания интенсивности аффекта и различных способов его торможения в субъектности, будь то субъектность как регистрирующая мир идентичность или же как субъектность пульсирующих неконтинуальных взаимодействий – встреч на территории «великого внешнего» (термин К. Мейясу¹⁴).

Рассмотрим специфику действия аффекта в данной ситуации в контексте концепции Брайана Массуми.

Русскому читателю уже известно имя этого канадского философа, переводчика и исследователя философии Ж. Делеза и Ф. Гваттари. Б. Массуми выстраивает смежную с делезовской концепцию интенсивности, на переднем плане которой четко проводимое различие между аффектом и эмоцией. Нас будет интересовать его небольшое эссе «Автономия аффекта», недавно переведенное на русский язык, представляющее собой первую часть его основной работы «Притчи для виртуального»¹⁵. В нем Массуми последовательно рассматривает аффект, исходя из делезовской концепции интенсивности. Аффект проявляет себя, вступая в резонансы с семантическим и символическим. Для иллюстрации своих построений Массуми использует исследование эмоциональных реакций, проведенное Гертой Штурм и ее группой¹⁶. Оказывается, что на уровне эмоциональных реакций возможно парадоксальное перекрещивание «приятного» и «неприятного»: грустный образ может быть приятен, будет вызывать спокойствие и умиротворение. При сопровождении образов семантическим акцентированием наблюдается вполне ожидаемый эффект усиления эмоциональной реакции, когда в «эмоциональной версии» фильма поток образов сопровождается усиливающей

¹³ В нашем понимании этого жанра искусства, инсталляциям, довольно сильно отличающимся от понимания его в творчестве И. Кабакова и сближающимся скорее с ассамбляжами, разнесенными в пространстве институциональной (галерея) или неинституциональной среды (ландшафт).

¹⁴ Мейясу К. После конечности: эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург; М., 2015.

¹⁵ Massumi B. Parables for the Virtual. Movement, Affect, Sensation. Durham (NC), 2002. P. 23–45. Рус. пер. выполнил Г. Коломиец: Массуми Б. Автономия аффекта // Философский журнал / Philosophy Journal. 2020. Т. 13. № 3. С. 110–133.

¹⁶ Sturm H. Emotional Effects of Media. Montreal, 1987.

или констатирующей оценкой. Но эмоциональное усиление быстро проходит, сменяясь апатией, а эмоциональная реверсия не оправдывается простой психоаналитической интерпретацией (любое возбуждение приятно). На этом фоне автономная (гальваническая, кожная) реакция организма сохраняет свое постоянство, независимо от числа просмотров фильма. Массуми рассматривает эту кожно-гальваническую реакцию как чистую интенсивность, которая нарастает более-менее линейным образом и требует сброса в эмоцию. В том числе и с помощью обращения к резонансу, через взаимодействие с символическим и семантическим полем¹⁷.

Эмоция – это квалифицированная интенсивность, конвенциональная, общепринятая точка внедрения интенсивности в семантически и семиотически оформленные последовательности, в замкнутые циклы воздействий и реакций, выражаемые в повествовании, функции и значении. Эмоция – это приватизированная и распознанная интенсивность¹⁸.

Важным моментом является и то, что та реакция, которая всегда считалась «непосредственной» и «первичной», – волевая и рефлекторная реакция на раздражитель, – по сути, представляет собой реализацию вторичной петли обратной реакции с запаздыванием (эффект 0,5 секунды). Массуми рассматривает ее как реализацию выбора или сброса и обнуления в единичном эффекте (поскольку мы не можем здесь говорить о сколько-нибудь осознанном свободном выборе из нескольких вариантов действия), обнуления в нем принципиальной множественности потенциальных вариантов, которые содержит автономная интенсивность¹⁹. Впоследствии Массуми трактует эту нереализованную потенциальность как виртуальное. Виртуальное реализуется через образ-действие или мышление действием (*thought in the act*)²⁰. Представленная в эссе экспозиция аффекта, по сути, свидетельствует о том, что осознанность и действие ничего не добавляют к первичной интенсивности, к «виртуальности тела». Действие осознанности есть действие отнимания, обнуления и торможения, когда на месте толпы претендентов на реализацию в новом контексте оказывается неустрашенным только один. Массуми сближает свою позицию с позицией А. Бергсона («Материя и память»), а через Ж. Делёза еще и с философией Бенедикта Спинозы. Безусловно, на этом поле играет еще и А. Шопенгауэр, пытавшийся осуществить выход ко внешнему через интерпретацию чистого «в себе»; а из более современных исследователей, конечно же, Жильбер Симондон с его пониманием актуализации «зародышей» (*germs*) в индивидуальности и принципом индивидуации.

Интенсивность находится за пределами общественного, но и не предшествует ему – она *включает* социальные составляющие, но смешивает их с сущностями, принадлежащим к иным уровням функционирования, и соединяет их в соответствии с иной логикой²¹.

¹⁷ Grossberg L. We Gotta Get Out of This Place: Popular Conservatism and Postmodern Culture. N.Y., 1992.

¹⁸ Массуми Б. Автономия аффекта. С. 115.

¹⁹ Libet B. Unconscious Cerebral Initiative and the Role of Conscious Will in Voluntary Action // Behavioral and Brain Sciences. 1985. Vol. 8. Iss. 4. P. 529–566.

²⁰ Manning E., Massumi B. Thought in the Act: Passages in the Ecology of Experience. Minneapolis, 2014.

²¹ Массуми Б. Автономия аффекта. С. 117.

В контексте нашей задачи принципиально важна возможность интерпретации концепции Массуми, исходя из контекста новых или объектных онтологий. Действительно, у Массуми происходит переосмысление всей цепочки стимул–реакция–действие. Точнее, он вскрывает ее внутреннюю логику и механику таким образом, что главным действующим лицом здесь оказывается резонанс тела (тоже виртуально понятого) между кожей и мозгом. Интенсивность аффекта Массуми описывает как недоступную для волевого и семантического урегулирования, а ситуацию выбора между альтернативами трактует как сброс виртуального спектра возможностей в единственное значение и обнуление его в реакции. Ситуация выглядит так, что именно материальные основы тела обеспечивают скрытую (или, как выражается Массуми, «автономную») работу аффекта. Возможность сделать ее явной оказывается «смазанной» с помощью необходимых, но суживающих и тормозящих аффективность актуализаций. Действие, эмоция не являются с этой точки зрения развитием аффекта, а представляют собой антропологизированное сужение поля его возможных реализаций – помещение интенсивности в «зону корреляции» (в терминологии К. Мейясу). В этом подходе оказывается, что прямой доступ к интенсивности аффекта получают только объектные составы тела: кожа, зоны покраснения, специфические участки мозга и его слизь. Нарастание интенсивности аффекта может быть раскрыто именно как объект–объектное взаимодействие. Гальваническая реакция кожи (в современной интерпретации – «электрическая активность кожи») есть не «следствие» или «реакция» на аффект, а само протекание аффекта, которое никуда за пределы этих объектных зон не может быть экстраполировано иначе как через эффект «резонанса» с совершенно чуждыми интенсивности уровнями и слоями.

Вторым важным обстоятельством оказывается то, что этот уровень имманентной интенсивности аффекта в полной мере можно трактовать (вслед за Ж. Симондоном) как доиндивидуальный уровень или состояние до индивидуации – чистую эмерджентность (возвращаясь вновь к словарю Массуми). Интеллект закрывает тело как чистую потенциальность, интеллект – это торможение, выбор единственного из бесчисленных перекрещивающихся вариаций. Режим индивидуации – это защитный режим, он рано или поздно (0,5 секунды или дольше) становится на пути интенсивного нарастания аффекта, скрытого в теле. Субъектность есть эффект отката, «паразитирующий» на объект–объектных связях. Но в этом состоит и огромный ресурс выделенного отношения: именно через пересборку объектных отношений мы можем добиться перекалибровки индивидуации и параметров индивидуальной чувственности. Можем переописать ее возможности, вступив в правильно собранные отношения с объектами.

Благодаря работе Массуми мы можем увидеть аффект не как протекающее в интеллекте переживание, сбрасываемое в эффекты тела (гальваническая реакция, покраснение, пот и т.п.), а как автономную телесную активность, тормозимую интеллектом в переживании собственного свидетельства – единственной транскрипции значения эмоции из возможных потенциальностей. Таким образом, аффект телесен и виртуален, с одной стороны, и доиндивидуален – с другой. Он линейно нарастает в теле, угрожая его жизнедеятельности, тормозится сбросом в индивидуацию через self-effect и в эмоцию, через значение и фигуру свидетельства – субъектности как регистрации мира, – через удвоение *sensus`a*.

Здесь лежит поистине увлекательная область исследований, вращающаяся вокруг двух вопросов, весьма существенных в контексте основной задачи настоящей статьи:

– кто чувствует, когда субъект эстетического уже не совпадает с антропологизированной идентичностью?

– как подготовить новые чувства, нужные для новых форм искусства?

Но для этого недостаточно просто констатировать, как это происходит в плоских онтологических средах, что тело человека представляет собой объект среди других объектов, хотя такое упражнение и необходимо как операция, редуцирующая различные рефлексивные популяционные к постоянному обнаружению «единства апперцепции» даже там, где ее еще нет (автономия аффекта) или где ее уже возможно не упоминать для объяснений (постантропологические объект-объектные отношения). Необходимо ввести ряд промежуточных шагов между телесным и доиндивидуальным аффектом и появляющейся в качестве результата его торможения полноценной эмоцией. Для этого нужно заново поставить вопрос о внешнем, точнее, помыслить его уже без традиционной пары – дать внешнее без адресации к некоему внутреннему. Точнее сказать, внутреннее в данном случае получит место автономии, которое ему и причитается по праву, в отличие от картирующих способов его обживания в числе антропоцентричных способов нарративизации, таких как «внутренний мир человека», или «монолог души самой с собою», или принцип интроспекции.

Модель распределенного эстетиза

В перформативном и объектном искусстве происходит балансирование в различных спектрах интенсивности: телесной и доиндивидуальной форм аффекта. Эта модель эстетиза называется распределенной, поскольку она позволяет проследить несколько стадий становления аффекта и зоны индивидуации на пути нарастания интенсивности и ее дальнейшей транскрипции в эмоцию. Вполне допустимо полагать, что такого рода процессы не протекают сколь угодно линейно и не могут быть картированы в достаточной мере однозначно. А также мы можем вполне обоснованно сомневаться в том, что задача описать подобную модель распределенного эстетиза как чувственности, рассосредоточенной между объектами, стихиями, формами регистрации и зонами напряжения в теле, есть только еще одна попытка создать карту, дать однозначную экспликацию и закрепить виртуальность в таксономии. Все эти вполне допустимые сомнения сами свидетельствуют о тревожащем побуждении намерения: нас не устраивает ни богатая техника традиция «эстетизации эстетиза»²², ни однозначный перевод разговора об аффектации в некую нерасчлененную зону телесности. Нам нужна другая, пусть пока и довольно сомнительная, линия. Линия пусть пульсирующая и состоящая из разрывов, но вполне очевидным образом соединяющая следующие пункты распределенного в чувственности эстетиза: *невозможность доступа, откат, нарастание аффекта, перераспределение,*

²² Тлостанова М. Эстетика vs Эстетиз. Телесная политика ощущения, знания и бытия // Художественный журнал. 2013. № 92. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/6/article/48> (дата обращения: 10.04.2022).

торможение, удвоение *sensus`a*, свидетельство, *self effect*, эмоция. К сожалению, нам придется описать распределенную модель эстезиса как цепь некоторых шагов, каждый из которых сам по себе сколь угодно виртуален. В реальной практике искусства мы можем существенно обессилить или «зависнуть» на каждой из этих стадий, так и не дойдя до конца. Сам конец цепочки при этом может не совпадать с началом в логическом смысле итога, стать уклонением в другую цепочку взаимодействий. Например, эмоция может быть переприсвоена или обесчеловечена в рамках постантропоцентричного искусства, видоизменена нейросетью, сброшена в распределенные формы владения через криптооперации и т.п. Или же мы можем так и не дойти до точки удвоения *sensus`a*, полностью растворившись в медитации или увязнув в частном иммерсивном эффекте. Все эти риски, безусловно, сопутствуют деантропологизированной чувственности, это цепь шагов, которая не лишает нас других возможностей и никогда не сможет быть до конца технологизирована. Но это не значит, что эту цепь шагов не нужно попробовать прописать вовсе.

Для начала попробуем ответить на вопрос: откуда возникает это неотвратимое в дальнейшем нарастание интенсивности в теле, которое Массуми описывает как автономию аффекта? Почему в нашей методологии мы связываем позицию этого возникновения с эффектом отката (*roll-back effect*)? Ответ нужно искать в самой природе аффекта как некоторого раздражения, которое в случае объектного искусства возникает на пике запроса, когда мы не можем получить доступ к экспонированию и пониманию некоторого «в себе». Будь то непроницаемость объекта или тайна присутствия другого, которые непреодолимым препятствием встают на пути вектора доступа, сформированного усилием открытия мира, о которое это усилие тормозится и рассыпается. Проходит через него как через сито или отскакивает от этого «в себе», разбиваясь, словно капли дождя.

Наша точка зрения состоит в том, что невозможность доступа к чистому «в себе» создает эффект отката, который, в свою очередь, и является пустковым механизмом возникновения первого слоя чувственности, а именно возникновения аффектов. Аффекты возникают как эффекты отката, отказа в получении доступа к чистому «в себе» объекта, вещи или другого присутствия. Причем здесь нет еще никакой осознанности и предъявленности этого «в себе», даже в виде чистой негативности. Мы не склонны оперировать эффектом отката как осознанным процессом, сопоставлять его со своими действиями и т.п. Пока что это элементарный отскок перцепции, обусловленный самими параметрами непроницаемости вещи. С этим ничего нельзя сделать: это чистый аффект, или, как выражается Брайан Массуми, «автономный аффект».

Модель распределенного эстезиса выстраивается поэтому через торможение чувственности между полюсами различных степеней ее освоения. Так, эффект отката (*roll-back effect*), удерживающий в невозможности доступа к недоступному «в себе» объекта (в случае объектного искусства), является причиной нарастания интенсивности аффекта в теле зрителя. Само нахождение в среде тотальной инсталляции нацелено на достижение этого эффекта. Автономная реакция, т.е. соскальзывание в аффект, позволяет нам перераспределять свою телесную активность на уровне взаимосвязей с объектами искусства, включенными в инсталляцию. Мы здесь прежде всего тело среди тел, мы просто находимся рядом и телесно работаем с нарастанием

аффектов. Это не только кожные реакции или электризация мозговой слизи, но еще и тактильные и слуховые взаимодействия – все они сбрасываются в тело, нужно только достаточно долго находиться среди объектов инсталляции.

Прояснить дальнейшие действия по формированию распределения эстетизиса помогает материал, изложенный Массуми, и в целом горизонт так называемого аффективного поворота, в рамках которого аффект как не- или досубъектный, телесный феномен прописывается в стороне от эмоций как рефлексивных и семантически обусловленных²³. Эффект отката провоцирует интенсивность, которая доиндивидуальна и телесна, – здесь мы работаем не через надзор и понимание (опредмечивание экспонирования), но через цепь объект-объектных взаимодействий. Комья сырой грязи, волосы в воде, яркий свет на сухом белом стебле камыша, звук ногтя, ощупывающего ржавую банку, – мы входим в поле объектных взаимодействий, которые сразу же не могут быть переработаны в ощущения. Ключевое отличие тела от объекта состоит как раз в том, что объект-объектное взаимодействие, построенное на непроницаемости и откате, в случае нашего тела начинает конвертироваться в нарастание аффекта. Очень часто с этим связаны определенного рода переживания зрителя, взаимодействующего с тотальной инсталляцией: это или тревога, или умиротворение (вспомним, что у Массуми грусть приятна). Мы сталкиваемся с неконтролируемым возбуждением, нарастанием автономного аффекта в теле, полученного в результате отката от доступа к «в себе» объекта. Объект здесь – только частный случай, но случай показательный. Неправильно было бы сразу же пытаться как-то обозначить композицию объектов (превратив инсталляцию в натюрморт) или же придать эстетическое значение символам в объектах и их взаимосвязях (реабилитация экспонирования). К соответствующей форме распределенного эстетизиса на этом этапе относится выстаивание в нарастании и лавирование в интенсивности аффектов. Как известно, аффект поляризует: он либо умиротворяет нас (элементарное удовольствие), либо тревожит (страдание, боль, дискомфорт), и то и другое происходит в поле нарастания интенсивности и может реализовываться как поверхностные или глубинные реакции самого тела. Любое перетолковывание смысла инсталляции или же возникновение реакции в перформансе выстраивается на этой поляризации. Аффективная поляризация дает возможность лавировать в интенсивности. Это лавирование еще виртуально, поскольку оно никоим образом не способствует сбросу аффекта в эмоцию, которого мы могли бы ожидать от этого лавирования в интенсивности. Это цепь тонких взаимосвязей («тонких» не значит, что они не ранят и не наносят ущерба нашему выживанию) – это объектно-телесные взаимосвязи, работающие с довольно разнообразными комбинациями частей нашего тела. Костные резонансы, мышечные напряжения, поверхностные эффекты кожи, весовые нагрузки на суставы и сухожилия – слишком слабые или, наоборот, слишком сильные эффекты, не позволяющие себя засечь и соразмерить. Здесь тело – это объект, оно и взаимодействует с объектами как объект среди объектов. Но то, что это тело и у него есть чувственность, позволяет сбрасывать эти объект-объектные взаимодействия в поляризованную интенсивность аффекта.

Мы можем сколь угодно долго оставаться на этой стадии лавирования во взаимосвязях и накопления автономного аффекта, он осаждается в теле

²³ The Affective Turn: Theorizing the Social. Durham, 2007.

в зависимости от интенсивности отката, количества повторов, характера телесных зон, в (и через) которые устраиваются взаимосвязи. От дистанции, интенсивности накопления и силы удерживаться от сброса впоследствии зависит диапазон, в котором возникает регистрация. На этом этапе еще нет субъектной оценки, более того, нет инстанции, которая регистрирует мир как мир. Еще нет присутствия. Здесь мы вплотную можем подойти к довольно странной эмерджентной точке – удвоению *sensus`a*, когда мы начинаем чувствовать, что мы чувствуем. Это еще не присутствие в его полном размере виде регистрирующего мир и обладающего *self-effect`om* идентичности. Это именно удвоение телесного эффекта – *sensus* – оперирующего на предыдущем шаге сбросом отката в интенсивность аффекта. Последующее торможение и семантический резонанс, позволяющий локализовать виртуальность автономного аффекта, готовится уже на этом шаге. При удвоении *sensus* начинает делать не то, на что он был способен до этого. Он начинает чувствовать, что с телом что-то не так. Это уже зона не объектно-телесного взаимодействия, начинается взаимодействие телесно-телесное. При операции удвоения (Делез называл это *le pli*, складка) *sensus* направляется не на объект, а на тело. Мы (хотя пока здесь невозможно еще зарегистрировать некоторое «мы») ощущаем само неконтролируемое нарастание лавины аффекта. Здесь уже возникает поляризация иного рода: приятность и наслаждение этим избытком нарастающего эффекта, или же дискомфорт, неудобство, или даже боль от невозможности выносить далее это нарастание его интенсивности. Мы довольно точно фиксируем два плана работы *sensus`a*: первый самоочевидный – поляризация от объект-телесного *sensus`a*; второй план – поляризация от *sensus`a* телесно-телесного. Это сама по себе еще не оценка аффекта и не его сброс в эмоцию того или иного рода, это просто смена приложения *sensus*, его сворачивание и складывание на теле или же сворачивание, разворот на тело. Так или иначе, эта фаза распределенного эстезиса готовит основу для постановки «свидетельства» – базовой функции человеческой идентичности, а именно регистрирующей мир функции присутствия. Именно на этом этапе осуществляется прорастание чувств, их сегментация по потокам, с которой обычно начинают описывать чувственность – так называемые перцептивные каналы (осозание, обоняние, зрение, слух). Именно здесь готовится почва для смещения от тела объекта к телу как субъекту регистрации и далее движение через *self-effect* к полноценной эмоциональной жизни. То, что мы будем чувствовать на этапе регистрации, предписывается именно здесь, в обстановке нарастания автономного аффекта. Что мы сделаем: останемся в теле или будем искать эмоции и смысл? Выйдем ли в финале из эстезиса в эстетику? И пересоберем ли тотальную инсталляцию уже как набор предметностей и карту чувственных эффектов, которые возникают между объектами и снимаются нашей чувственностью, – а это уже вторичная картина, возникающая в рамках свидетельства и на его почве простирающаяся *self*.

Если верить вполне поверхностной схеме, придающей ясность этим взаимодействиям, идущая далее телесно-объектная стадия – это как раз стадия экспонирования. Протезирование объекта из эффектов тела. Семантизированная соразмерность аффекта телу, выраженная в опредмеченном, понятном объекте.

Приведем общую схему описываемых взаимодействий. При рассмотрении карты таких взаимодействий представляется конструктивным отход

от перестановки пары человеческое/нечеловеческое с целью перехода к работе с парой тело-объект, взятых по типу некой возможной таблицы, картирующей виртуальность таких встреч.

	ТЕЛО	ОБЪЕКТ
ОБЪЕКТ	Объект-тело	Объект-объект
ТЕЛО	Тело-тело	Тело-объект

На данном этапе мы рассмотрели две реверсивные пары взаимодействий (объект-тело как эффект отката, тело-объект как вторичное экспонирование опредмеченного объекта) и одну симметричную пару (тело-тело как складка удвоения *sensus*'а).

Тело-тело – торможение и удвоение *sensus*'а. Тело-объект – self-effect, эмоция.

Исследование оставшейся пары (объект-объект) в текущей схеме распределенного эстетизиса будет избыточным по отношению к задачам, поставленным в данной статье.

Заключение

Постантропоцентризм предполагает отказ от антропоцентрических привилегий, выступает за симметрию человеческого и нечеловеческого. Реакция современного визуального искусства оказывается релевантной этому сдвигу в понимании человека настолько, что исследователи говорят о постантропоцентричном повороте в искусстве. Искусство все меньше интересуется человеком и нуждается в нем, предоставляя ему свободу взаимодействия с миром, сойдя к вещам с высоты своего превосходства. Объект Art & Science, например, может включать в себя акторы как технологического, так и биологического происхождения и быть способным к саморазвитию. В этой ситуации радикальной трансформации подвергаются все аспекты искусства, от его создания до восприятия.

В контексте ключевой задачи данного текста – представить новую, постантропоцентричную модель эстетизиса – нам удалось продвинуться по вполне явной траектории благодаря концепции автономии аффекта, изложенной Брайаном Массуми. Разумеется, сам автор в этом произведении не применяет эту модель для описания работы с произведениями искусства. Мы попытались это сделать для того, чтобы дать характеристику процессу трансформации чувственности, возникающей благодаря постантропологическому искусству. Мы проанализировали проблему возникновения изменившейся чувственности на примере организации распределенного эстетизиса в тотальной инсталляции. В ходе описания работы этой модели мы приходим к выводу о том, что в рамках такого искусства человеческие акторы работают уже не как традиционные зрители или рецептивные идентичности, ищущие эстетического переживания и опыта искусства. Происходит распределение эстетизиса по всем этапам организации взаимодействия с объектами и телами, учитывающее как эффекты нарастания интенсивности автономного аффекта, так и эффекты его торможения в семантизированной и переосвоенной чувственности.

Список литературы

- Брайдотти Р.* Критическая постгуманитаристика / Пер. с англ. А. Писарева, К. Полуэктовой-Кример и др. // *Опыты нечеловеческого гостеприимства: Антология* / Ред.-сост. М. Крамар, К. Саркисов. М.: V-A-C Press, 2018. С. 24–41.
- Брайдотти Р.* Постчеловек / Пер. с англ. Д. Хамис. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021. 408 с.
- Дюв Т. де.* Артефакт / Пер. с фр. П. Арсеньева // *Транслит.* 2015. № 17. С. 24–47.
- Маркс Л.* Осязательная эстетика / Пер. с англ. А. Ликальтер // *Художественный журнал.* 2019. № 108. С. 61–71.
- Массуми Б.* Автономия аффекта / Пер. с англ. Г.Г. Коломиец // *Философский журнал / Philosophy Journal.* 2020. Т. 13. № 3. С. 110–133.
- Мейясу К.* После конечности: эссе о необходимости контингентности / Пер. с фр. Л. Медведевой. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
- Ортега-и-Гассет Х.* Дегуманизация искусства / Пер. с исп. И. Тертерян // *Ортега-и-Гассет Х.* «Дегуманизация искусства» и другие работы. М.: Радуга, 1991. С. 500–518.
- Преображенский Г.* Молекулярный образ свободы // *Художественный журнал.* 2020. № 112. С. 118–129.
- Глостанова М.* Эстетика vs Эстезис. Телесная политика ощущения, знания и бытия // *Художественный журнал.* 2013. № 92. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/6/article/48> (дата обращения: 10.04.2022).
- Харман Г.* Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера / Пер. с англ. А. Морозова, О. Мышкина. Пермь: Гиле Пресс, 2015. 152 с.
- Bogost I.* The New Aesthetic Needs to Get Weirder // *The Atlantic.* URL: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2012/04/the-new-aesthetic-needs-to-get-weirder/255838/> (дата обращения: 01.04.2022).
- Grossberg L.* We Gotta Get Out of This Place: Popular Conservatism and Postmodern Culture. N.Y.: Routledge, 1992. 448 p.
- Grusin R.* The Nonhuman Turn. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2015. 255 p.
- Haraway D.* When we have never been human, what is to be done? // *Theory, Culture & Society.* 2006. Vol. 23 (7–8). P. 135–158.
- Libet B.* Unconscious Cerebral Initiative and the Role of Conscious Will in Voluntary Action // *Behavioral and Brain Sciences.* 1985. Vol. 8. Issue 4. P. 529–539.
- Manning E., Massumi B.* Thought in the Act: Passages in the Ecology of Experience. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2014. 224 p.
- Massumi B.* Parables for the Virtual. Movement, Affect, Sensation. Durham (NC): Duke University Press, 2002. 336 p.
- Stalpaert C., Van Baarle K., Karreman L.* Performance and Posthumanism: Co-Creation, Response-Ability and Epistemologies // *Performance and Posthumanism: Co-Creation, Response-Ability and Epistemologies* / Ed. by C. Stalpaert, K. Van Baarle, L. Karreman. Cham: Palgrav Macmillan, 2021. P. 1–47.
- Sturm H.* Emotional Effects of Media. Montreal: McGill University Graduate Program in Communications, 1987. 59 p.
- The Affective Turn: Theorizing the Social* / Ed. by P.T. Clough, J. Halley. Durham: Duke University Press., 2007. 313 p.
- Wolfe C.* What is Posthumanism? Minneapolis (MN): University of Minnesota Press, 2010. 392 p.

The transformation of sensuality in postanthropocentric art*

Marina G. Chistyakova

Tyumen State University. 23 Lenina Str., Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: mgтч@yandex.ru

German M. Preobrazhenskiy

Tyumen State University. 23 Lenina Str., Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: e1525@mail.ru

This article explores the changing parameters of sensibility in the context of a postanthropocentric paradigm in art. In particular, we address the mechanism of the construction of affects building on the idea of their external autonomy in art. The fundamental disconnectedness of the realm of sensuality is described in the context of object ontologies, via the modes of connectedness and conditionality that exist beyond the limits of individual experience. A generalized description of the procedures of the postanthropocentric paradigm of distributed aesthetics is provided. The article discusses the shift in the understanding of the function and autonomy of art associated with the emergence of object forms of art. The current situation in object art, in particular in total installations, suggests a different paradigm of aesthetics. The specific workings of such a paradigm are clarified on the basis of the distinction between affect and emotion proposed by Brian Massumi in his conception of the autonomy of affect. The authors conclude that in deanthropologized environments sensuality operates as a chain of distributed affects associated with the effects of increasing intensity and inhibition of intensity through forms of appropriation of affect into a chain of successive instances of sensuality. The article's general theoretical task is to describe the operation of affect structures under conditions of object deanthropologization. The applied task of the article is to describe the mechanisms of understanding and perception of object forms of art, in particular such a form as total installation.

Keywords: affect, emotion, autonomy of affects, deanthropologization, postanthropocentrism, distributed aesthesis, object art, performance total installation, intensity, sensuality, assemblage

For citation: Chistyakova, M.G., Preobrazhenskiy, G.M. "Transformatsiya chuvstvennosti v postantropotsentrichnom iskusstve" [The transformation of sensuality in postanthropocentric art], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2022, Vol. 15, No. 3, pp. 84–99. (In Russian)

References

- Bogost, I. "The New Aesthetic Needs to Get Weirder", *The Atlantic* [<https://www.theatlantic.com/technology/archive/2012/04/the-new-aesthetic-needs-to-get-weirder/255838/>, accessed on 1.04.2022].
- Brajdoti, R. "Kriticheskaya postgumanitaristika" [Critical posthumanistics], trans. by A. Pisarev, K. Poluektova-Krimer et al., *Opyty nechelovecheskogo gostepriimstva: Antologiya* [Experiences of inhuman hospitality: Anthology], ed. by M. Kramar and K. Sarkisov. Moscow: V-A-C Press, 2018, pp. 24–41. (In Russian)
- Brajdoti, R. *Postchelovek* [The Posthuman], trans. by D. Hamis, ed. by A. Penzina. Moscow: Instituta Gajdara Publ., 2021. 408 pp. (In Russian)

* The article has been prepared for publication with financial support from the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Tyumen Region, project No. 20-411-720007.

- Clough, P.T. & Halley, J. (eds.) *The Affective Turn: Theorizing the Social*. Durham: Duke University Press, 2007. 313 pp.
- Duve, T. de. "Artefakt" [The Artifact], trans. by P. Arseneva, *Translit*, 2015, No. 17, pp. 24–47. (In Russian)
- Grossberg, L. *We Gotta Get Out of This Place: Popular Conservatism and Postmodern Culture*. New York: Routledge, 1992. 448 pp.
- Grusin, R. *The Nonhuman Turn*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2015. 255 pp.
- Haraway, D. "When we have never been human, what is to be done?", *Theory, Culture & Society*, 2006, Vol. 23 (7–8), pp. 135–158.
- Harman, G. *Chetveroayakii ob"ekt: Metafizika veshchej posle Hajdeggera* [The Quadruple Object], trans. by A. Morozov and O. Myshkin. Perm: Gile Press, 2015. 152 pp. (In Russian)
- Libet, B. "Unconscious Cerebral Initiative and the Role of Conscious Will in Voluntary Action", *Behavioral and Brain Sciences*, 1985, Vol. 8, Issue 4, pp. 529–539.
- Manning, E. & Massumi, B. *Thought in the Act: Passages in the Ecology of Experience*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2014. 224 pp.
- Marks, L. "Osyazatel'naya estetika" [Haptic aesthetics], trans. by A. Likalter, *Khudozhestvennyi zhurnal* [Art Magazine], 2019, No. 108, pp. 61–71. (In Russian)
- Massumi, B. "Avtonomiya affekta" [The Autonomy of Affect], trans. by G.G. Kolomiez, *Filosofskij zhurnal / Philosophy Journal*, 2020, Vol. 13, No. 3, pp. 110–133. (In Russian)
- Massumi, B. *Parables for the Virtual. Movement, Affect, Sensation*. Durham, NC: Duke University Press, 2002. 336 pp.
- Meillassoux, Q. *Posle konechnosti: esse o neobhodimosti kontingentnosti* [After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency], trans. by L. Medvedeva. Ekaterinburg; Moscow: Kabinetnyi uchenyi Publ., 2015. 196 pp. (In Russian)
- Ortega-y-Gasset, J. "Degumanizaciya iskusstva" [The dehumanization of art], trans. by I. Terteryan, in: J. Ortega-y-Gasset, *'Degumanizaciya iskusstva' i drugie raboty* [The 'Dehumanization of Art' and other Essays]. Moscow: Raduga Publ., 1991, pp. 500–518.
- Preobrazhenskiy, G.M. "Molekulyarnyj obraz svobody" [The molecular image of freedom], *Khudozhestvennyi zhurnal* [Art Magazine], 2020, No. 112, pp. 118–129. (In Russian)
- Stalpaert, C. Van Baarle, K. & Karreman, L. "Performance and Posthumanism: Co-Creation, Response-Ability and Epistemologies", *Performance and Posthumanism: Co-Creation, Response-Ability and Epistemologies*, ed. by C. Stalpaert, K. Van Baarle and L. Karreman. Cham: Palgrav Macmillan, 2021, pp. 1–47.
- Sturm, H. *Emotional Effects of Media*. Montreal: McGill University Graduate Program in Communications, 1987. 59 pp.
- Tlostanova, M. "Estetika vs Estezis. Telesnaya politika oshchushcheniya, znaniya i bytiya" [Aesthetics vs Estesis. The Bodily Politics of sensation, Knowledge and Being], *Khudozhestvennyi zhurnal* [Art Magazine], 2013, No. 92 [<http://moscowartmagazine.com/issue/6/article/48>, 10.04.2022]. (In Russian)
- Wolfe, C. *What is Posthumanism?* Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2010. 392 pp.

А.А. Парамонов

АГЕНТНЫЙ РЕАЛИЗМ КАРЕН БАРАД И КОНЦЕПТУАЛИЗМ НИЛЬСА БОРА

Парамонов Андрей Альбертович – кандидат философских наук, руководитель сектора аналитической антропологии. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: andrei-paramonov@yandex.ru

В последние годы наблюдается значительный интерес гуманитарных и социальных наук к современному естествознанию. В связи с этим можно говорить о своего рода «естественнонаучном повороте» в этих областях знания. Речь идет не только об активном использовании терминологического и идейного багажа из арсенала естественных наук, но даже о прямом заимствовании аргументации. Среди фигур этого движения особое место занимает американская исследовательница Карен Барад, которая связывает свою теоретическую концепцию агентного реализма непосредственно с квантовой механикой в интерпретации, предложенной в свое время Нильсом Бором. В статье проведено сопоставление некоторых узловых понятий боровского видения квантовой механики, таких как явление (phenomenon), средства наблюдения (the agencies of observation), с прочтением этих понятий в агентном реализме Барад. На основе сравнительного анализа этих понятий у Бора и Барад намечены проблемные точки концепции агентного реализма.

Ключевые слова: Карен Барад, Нильс Бор, квантовая механика, агентный реализм, принцип Бора, неконтролируемое взаимодействие, феномен, агентность наблюдения, интраакции

Для цитирования: Парамонов А.А. Агентный реализм Карен Барад и концептуализм Нильса Бора // Философский журнал / Philosophy Journal. 2022. Т. 15. № 3. С. 100–112.

Каждая высказанная мною мысль должна
пониматься не как утверждение, а как вопрос...
Нильс Бор

В последние годы можно наблюдать значительный интерес гуманитарных и социальных наук к современному естествознанию. При этом для нынешнего обращения гуманитариев характерно не просто использование каких-то отдельных ярких примеров или противопоставлений из технических областей знания в качестве аналогий, но активное использование терминологического и идейного арсенала естественных наук и даже прямое

заимствование аргументации, что претендует порой на определенное размывание дисциплинарных границ и утверждение широкой универсальности научных практик. В связи с этим можно говорить о происходящем своего рода «естественнонаучном повороте» в гуманитарных науках. Ярким примером такого рода «поворота» является концепция агентного реализма, развиваемая американским философом Карен Барад.

Несмотря на относительно небольшое количество опубликованных работ, по уровню цитирования на сегодня она встает в один ряд с такими фигурами, как Делез, Батлер, Харауэй, Латур.

По собственному признанию Барад, ее теоретическая концепция опирается на революционные положения квантовой механики в интерпретации, которая была предложена и разрабатывалась в течение нескольких десятилетий Нильсом Бором. Барад не понаслышке знакома с фундаментальными физическими теориями. Свою исследовательскую карьеру она начинала как физик-теоретик, защитила докторскую диссертацию по физике кварков и лишь позднее стала профессионально заниматься философией. Вероятно, это позволяет ей утверждать, что разрабатываемая ею концепция агентного реализма является важным шагом в развитии положений Бора, более того, она считает, что ее концепция позволяет разрешить ряд затруднений, с которыми сталкивается боровская интерпретация. Однако стоит заметить, что из 8000 на февраль 2020 г. цитирований книги Карен Барад «Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning», вышедшей в 2007 г., всего лишь несколько относятся к области физических наук¹. Поэтому можно говорить, что влияние агентного реализма распространяется главным образом на гуманитарные науки. Действительно, заявленная Барад стратегия исследования приобрела за последнее десятилетие огромную популярность в области феминистских исследований науки, в постгуманизме, в исследованиях по мобильности, акторно-сетевой теории и многих других. Возможно, что именно под ее влиянием возникла даже тематическая стилистика, выразившаяся в характерных названиях книг: «Quantum Anthropologies» (Kirby, 2011), «The Entangled God: Divine Relationality and Quantum Physics» (Wegter-McNelly, 2011), «Quantum Sustainable Organizing Theory» (Dyck & Greidanus, 2016), «Critical Naturalism: A Quantum Mechanical Ethics» (Dolphijn, 2016), «What ever happened to quantum geography?» (Smith, 2016), «Quantum Art & Uncertainty» (Thomas, 2018).

Несмотря на широкую рецепцию агентного реализма в ряде областей гуманитарных и социальных наук и признание исключительной роли, которую квантовая механика играет в этой концепции², на сегодняшний день можно указать лишь одну публикацию, в которой делается попытка провести критический анализ того, в какой степени предлагаемое Барад прочтение квантовой механики действительно следует боровской интерпретации или даже выступает развитием последней. Речь идет о работе Jan Faye и Rasmus Jakslund «Барад, Бор и квантовая механика» (2021)³.

¹ Hollin G., Forsyth I., Giraud E., Potts T. (Dis)Entangling Barad: Materialisms and ethics // *Social Studies of Science*. 2017. Vol. 47 (6). P. 920.

² «Квантовая физика для Барад решительно не метафора, напротив, она скорее она выступает основанием для агентного реализма в выражении того, как материальный мир приходит к существованию» (Ibid. P. 921).

³ Faye J., Jakslund R. Barad, Bohr, and quantum mechanics // *Synthese*. 2021. Vol. 199. P. 8231–8255.

Мы попытаемся проследить и по возможности развить некоторые из представленных в этой работе сюжетов для того, чтобы выявить узловые моменты предлагаемого Барад прочтения и развития боровского видения квантовой механики и на основе этого зафиксировать проблемные точки концепции агентного реализма.

Стоит отметить, что для русскоязычного читателя работ Барад попытка соотнесения ее рассуждений непосредственно с работами Нильса Бора связана с дополнительными затруднениями, обусловленными отличием терминологии, которую, следуя английским текстам Бора, использует Барад, от той, которая использована в ставших, можно сказать, классическими переводах работ Бора на русский⁴. Так, мы не встретим в русских переводах Бора таких принципиальных для Барад терминов, как феномен (*phenomenon*), в русском переводе он передается как «явление», или разрыв, разрез (*cut*), в русском переводе – «проведение границы». Принципиальное для агентного реализма и, возможно, давшее название подходу Барад выражение Бора «agency of observation», которое в пока еще редких русских переводах Барад передается как «агентность наблюдения»⁵, в русских переводах Бора звучит просто как «средство наблюдения» или «прибор наблюдения». Однако сказанное не означает, что существующие русские переводы Бора устарели или искажают суть его подхода, напротив, возможно даже, что предлагаемый в них выбор слов передает мысль Бора наиболее точно, по крайней мере в плане того, как понималось сказанное им в его время и в той области знания, к которой сказанное изначально относилось. Но в любом случае мы должны учитывать сложившиеся различия.

Попробуем очертить то, что обычно называют боровским концептуализмом. Начнем с сопоставления некоторых характерных черт классической механики и квантовой. Именно на волне поиска возможных путей их соизмеримости и формировались взгляды Бора.

В классической механике предполагается, что объекты, как бы они ни были малы, в любой момент времени можно охарактеризовать точным местоположением и определенным количеством движения (импульсом), т.е. всегда существует возможность их причинного пространственно-временного описания. Знание этих параметров вместе с действующими на объекты силами давало возможность с помощью тех или иных уравнений предсказывать как угодно точно дальнейшее состояние исследуемых объектов. Никаких принципиальных ограничений на возможную точность измерения не предполагалось.

Однако в начале XX в. на микроструктурных масштабах ученые столкнулись с неожиданными явлениями, которые удалось объяснить лишь введением представления о существовании минимально возможной порции энергии – кванта действия. Идея минимальной порции энергии впервые была высказана Максом Планком в 1900 г. Это представление о существовании кванта действия позволило объяснить излучение абсолютно черного тела, дискретность испускаемого веществом излучения, явление фотоэффекта и многое другое. Оно легло в основу развития представлений об атомной структуре вещества и теорий атомных процессов. Позднее в обобщенном виде факт существования

⁴ Надо заметить, что большинство работ Бора выходило сразу на английском.

⁵ Барад К. Агентный реализм. Как материально-дискурсивные практики обретают значимость // Опыт нечеловеческого гостеприимства: Антология. М., 2018. С. 42–121.

кванта действия получил выражение у Нильса Бора в так называемом квантовом постулате: «каждому атомному процессу свойственна существенная прерывность или, скорее, индивидуальность, совершенно чуждая классической теории и выраженная планковским квантом действия»⁶.

Первые попытки построить на основе классических представлений теоретические объяснения атомных явлений способствовали формированию принципов, которые должны были учитываться при построении последующих теорий микромира. Одним из таких принципов стало правило, «очень важное и плодотворное», как писали в совместной статье Макс Борн и Паскуаль Йордан, которое «требует, чтобы в истинный закон природы входили только такие величины, которые принципиально наблюдаемы и определены»⁷.

Оказалось также, что безусловное для классической механики представление о существовании пространственно-временных параметров объектов и принципа причинности невыполнимо на уровне атомных масштабов: нельзя одновременно приписать микрообъекту точное положение и импульс. Эта особенность атомного мира впервые была зафиксирована в так называемом соотношении неопределенности Гейзенберга, которое устанавливало конечную величину взаимного соотношения неопределенности положения объекта и неопределенности его импульса⁸. При этом входившие в это соотношение неопределенности положения квантового объекта и его импульса не являлись мерой нашего незнания точных составляющих этой пары вследствие несовершенства техники измерения, как это могло предполагаться в рамках классической механики: неопределенности в соотношении Гейзенберга были принципиально неустранимы и носили фундаментальный характер. Увидеть это соотношение неопределенностей посредством эксперимента не представляется возможным, для этого потребовалось бы зафиксировать один и тот же электрон сразу в нескольких местах или обнаружить его движущимся одновременно по разным траекториям.

Для Нильса Бора работа Гейзенберга по установлению соотношений неопределенностей явилась одним из факторов к тому, чтобы распространить положения квантового постулата на сами процессы наблюдения атомных событий⁹. Бор увидел суть гейзенберговского положения в «неизбежности квантового постулата при оценке возможностей измерения»¹⁰.

Ход мысли Бора был хорошо в свое время представлен Игорем Серэфимовичем Алексеевым: «Обычное (классическое) описание природы “покоится всецело на предпосылке, что рассматриваемое явление можно наблюдать, не оказывая на него заметного влияния”¹¹. Иное положение дел

⁶ Бор Н. Квантовый постулат и новейшее развитие атомной теории // Бор Н. Избранные научные труды: в 2 т. Т. 2. М., 1971. С. 30.

⁷ Born M., Pascual J. Zur Quantentheorie aperiodischer Vorgänge // Zeitschrift für Physik. 1925. Bd. 33. S. 493. Цит. по: Беркович Е.М. Альберт Эйнштейн и «революция вундеркиндов». Очерки становления квантовой механики и единой теории поля. М., 2021. С. 68.

⁸ В матричном формализме теории атомных процессов, разработанной Гейзенбергом, особенность соотношения координаты и импульса выражается в том, что им соответствовали некоммутирующие операторы. Некоммутирующими являлись также операторы, соответствующие времени и энергии.

⁹ Алексеев И.С. Концепция дополнительности (Историко-методологический анализ). М., 1978. С. 17.

¹⁰ Бор Н. Квантовый постулат и новейшее развитие атомной теории. С. 37.

¹¹ Там же. С. 31.

в квантовой области. «Согласно квантовому постулату, всякое наблюдение атомных явлений включает такое взаимодействие последних со средствами наблюдения, которыми нельзя пренебречь»¹². Это взаимодействие представляет собой неделимый, индивидуальный процесс, целостность которого воплощается в планковском кванте действия. Взаимодействие наблюдаемых микрообъектов и средств наблюдения имеет неделимый характер, более того, «указанное взаимодействие является существенно неконтролируемым»¹³, «невозможно приписать самостоятельную реальность в обычном физическом смысле ни явлению, ни средствам наблюдения»^{14»}¹⁵.

В интерпретации Бора формализм квантовой механики, – выражается ли он в матричной формулировке Гейзенберга или волновым уравнением Шредингера, – описывает не свойства квантовых объектов, существующих сами по себе, не пространственно-временное поведение квантовых процессов самих по себе, а определяет в форме статистического предсказания вероятность случая того, что можно назвать индивидуальным квантовым событием или эффектом, явлением (*phenomenon* – в терминах Бора).

Разбирая процесс получения экспериментальных данных в квантовой механике, Бор вводит представление о составляющих такого эксперимента. Особый интерес для нас представляют три таких обязательных элемента квантового эксперимента, которые, как показали¹⁶ Jan Faye и Rasmus Jakslund, окажутся в дальнейшем в фокусе внимания Карен Барад.

Этими составляющими у Бора выступают объект исследования – атомный или квантовый (*quantum object*), инструмент или прибор наблюдения (*agency of observation*) и завершающее эксперимент явление (*phenomenon*) как результат измерения.

Под атомным объектом понимается физическая система, относительно которой физики хотят получить информацию. Для этого, как и в обычной научной практике, используется инструмент наблюдения или измерительный прибор (*agency of observation*), с помощью которого осуществляется взаимодействие с объектом. Использование измерительного прибора в отношении объекта, собственно, и составляет суть любой экспериментальной процедуры.

При этом Бор вводит в качестве обязательного при экспериментальном исследовании атомных объектов положение, что «действие измерительных приборов непременно должно описываться в рамках классических физических понятий»¹⁷. Он подчеркивает, что измерительный прибор должен быть всегда «достаточно тяжелым», чтобы при описании произошедших с ним изменений, что, собственно, и является измерением, «можно было пренебречь квантом действия»¹⁸. Это методологическое требование, которое Бор сформулировал еще в 1922 г., можно вслед за А.З. Петровым назвать

¹² Бор Н. Квантовый постулат и новейшее развитие атомной теории. С. 31.

¹³ Бор Н. Эффект Зеемана и строение атома // Бор Н. Избранные научные труды: в 2 т. Т. 2. М., 1971. С. 178.

¹⁴ Бор Н. Квантовый постулат и новейшее развитие атомной теории. С. 31.

¹⁵ Алексеев И.С. Указ. соч. С. 18.

¹⁶ Faye J., Jakslund R. Op. cit.

¹⁷ Бор Н. Атомы и человеческое познание // Бор Н. Избранные научные труды: в 2 т. Т. 2. М., 1971. С. 509.

¹⁸ Там же.

«принципом Бора»¹⁹. В наиболее отточенной формулировке, к которой Бор приходит в 1948 г., этот принцип звучит следующим образом: «...нужно отчетливо сознавать, что как бы далеко ни выходили квантовые эффекты за пределы возможностей анализа классической физики, описание экспериментальной установки и регистрация результатов наблюдения всегда должны производиться на обычном языке, дополненном терминологией классической физики. Это есть простое логическое требование, поскольку слово “эксперимент” в сущности может применяться лишь для обозначения такой ситуации, когда мы можем рассказать другим, что мы сделали и что узнали в итоге»²⁰. В этой формулировке ясно просматривается боровский концептуализм с его центральной ролью классической терминологии. Но речь здесь идет не просто о необходимости коммуникации по поводу полученных экспериментальных результатов, что было бы относительно слабым утверждением, поскольку подобное, хотя и в неявном виде, предполагалось в представлении об эксперименте и в классической науке. В формулировке Бора можно заметить сдвиг от вербального дискурса, характерного для классики, к пониманию дискурса как материально-операциональной практики.

Другая важнейшая составляющая эксперимента в квантовой области – понятие явления (*phenomenon*). В боровском смысле явление (*phenomenon*) есть то, как квантовый объект проявляет себя во взаимодействии с конкретным измерительным прибором.

В эксперименте фиксируется результат измерения. Правильнее говорить о комбинации двух измерений. На первом шаге устанавливаются начальные данные объекта, например его положение или импульс, чтобы задать в соответствии с квантовым формализмом дальнейшее поведение объекта. На втором шаге необходимо провести последующее по времени измерение: определить новое значение либо положения, либо импульса, чтобы понять, ведет ли себя объект в соответствии с квантово-механическими предсказаниями или нет²¹. При этом свойства, которыми в результате измерительных процедур наделяется квантовый объект, оказываются присущими ему не самому по себе, а лишь относительно определенных экспериментальных обстоятельств. Эти свойства представляют собой то, о чем можно сказать на основании изменений, произошедших с измерительным устройством, которые, после того как они произошли, фиксируются на основании обычной классической научной практики.

Бор подчеркивает, что слово «явление» относится к эффекту или результату, который возникает всякий раз, когда происходит взаимодействие между объектом и измерительным прибором. Это свойство не принадлежит ни объекту как таковому, ни измерительному инструменту.

¹⁹ Петров А.З. Физическое пространство – время и теория физических измерений // Пространство и время в современной физике. Киев, 1968. С. 188. Цит. по: Алексеев И.С. Указ. соч. С. 36.

²⁰ Бор Н. О понятиях причинности и дополнительности // Бор Н. Избранные научные труды: в 2 т. Т. 2. М., 1971. С. 392–393.

²¹ «...любое измерение в квантовой теории может относиться либо к фиксации начального состояния, либо к проверке <...> предсказаний, и что самое главное, лишь комбинация измерений этих двух видов измерений образует однозначно определенное явление [*phenomenon*]» (Бор Н. Проблема причинности в атомной физике // Успехи физических наук. 1985. Т. 147. Вып. 2. С. 348).

«Говорить, как это часто делается, – замечает Бор, – о возмущении явления наблюдением или даже о порождении физических атрибутов объектов посредством измерительных процессов, в действительности означает способствовать возникновению путаницы, поскольку все выражения подобного рода подразумевают отход от основных правил языка и никогда не являются недвусмысленными, хотя иногда и могут употребляться ради краткости. Несомненно, что гораздо более согласующимся со структурой и интерпретацией квантово-механического символизма, а также с основными эпистемологическими принципами, будет резервирование слова «явление» (phenomenon) для обозначения эффектов, наблюдаемых при заданных экспериментальных условиях»²².

Подводя итог нашему краткому анализу отдельных моментов боровской интерпретации квантовой механики, можно охарактеризовать позицию Бора не только как концептуализм, в котором принципиальная роль отдана сохранению классической терминологии в ее операциональном содержании, но и как отстаивание позиции классической науки, с одной стороны, через обнаружение границ ее применимости, что находит выражение в квантовом постулате, а с другой – через введение условий ее возможности²³, – своего рода «метафизического апостериори», если воспользоваться выражением Мераба Мамардашвили, – «неконтролируемого», принципиально «непрозрачного» для классики, но случающегося в эксперименте взаимодействия между микрообъектом и макроприбором наблюдения, которое порождает то явление (phenomenon), о котором мы можем уже говорить и сообщать другим.

* * *

Обратимся теперь к некоторым основным элементам концепции Карен Барад, которые она связывает с боровской интерпретацией квантовой механики. Наиболее известная, можно сказать, программная работа Барад – книга «Встречая Вселенную на полпути. Квантовая физика и запутанность материи и смысла» (2007)²⁴. В этой работе она дает развернутое представление своей концепции агентного реализма, основания которого она возводит к положениям квантовой механики. В центре ее внимания прочтение и интерпретация квантовой механики Нильсом Бором.

Следует указать и на предваряющую выход книги статью Карен Барад «Постгуманистическая перформативность: к пониманию того, как материя приходит к значению» (2003)²⁵, которая явилась своего рода манифестом ее исследовательской программы.

По собственному утверждению Барад, в своем исследовании она проводит тщательный анализ и предлагает развитие некоторых фундаментальных

²² Бор Н. Проблема причинности в атомной физике. С. 351.

²³ «...ранее не известные предпосылки однозначного применения таких наших простейших абстрактных построений, какими являются пространственно-временное описание и причинная связь» (Бор Н. Причинность и дополнителность // Бор Н. Избранные научные труды: в 2 т. Т. 2. М., 1971. С. 204).

²⁴ Barad K. Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning. Durham; L., 2007.

²⁵ Barad K. Posthumanist performativity: Toward an understanding of how matter comes to matter // Journal of Women in Culture and Society. 2003. Vol. 28 (3). P. 801–831.

положений Нильса Бора относительно квантовой механики, того, что она называет его «философией-физикой», подчеркивая тем самым, что физика и философия были для него неразделимы. При этом ее интерес к физике не вызван стремлением к заимствованию каких-либо ярких аналогий для гуманитарных наук, будь то аналогии между частицами и людьми, микро- и макромиром, научным и социальным, природой и культурой; «скорее [она] заинтересована в понимании эпистемологических и онтологических проблем, с которыми квантовая физика заставляет нас сталкиваться, таких как условия возможности объективности, природа измерения, природа значения и создание смысла, взаимосвязь между дискурсивными практиками и материальным миром»²⁶.

Труды Бора, разъясняет свою исследовательскую стратегию Барад, интересуют ее прежде всего в плане обнаружения в них «имплицитных онтологических взглядов»²⁷. Свою концепцию агентного реализма Барад рассматривает в качестве основы «более сильного онтологического понимания объективности в рамках постгуманистической концепции в противоположность эпистемической, ориентированной на человека концепции Бора»²⁸.

Как мы уже указывали выше, в русских переводах Бора термин *phenomenon* переводится как «явление», в случае же использования этого термина его переводят как «феномен», что полнее отражает получаемое им новое содержание²⁹.

Действительно, Барад, сохраняя в своих рассуждениях термин Бора *phenomenon*, существенно меняет его наполнение. Теперь под феноменом понимается не собственно фиксируемый с помощью средств наблюдения квантовый эффект – явление, как это понимал Бор (например, макроскопический след на неподвижной пластине, по которому можно судить, допустим, о положении квантового объекта относительно определенных экспериментальных обстоятельств), феномен – это уже не результат случившегося «неконтролируемого» взаимодействия микрообъекта и прибора наблюдения, за которое мы не можем «заглянуть» в силу квантового постулата, но нечто выходящее за боровское явление, некоторая связность или запутанность (*entanglement*), неразделимость наблюдаемого объекта и агентностей наблюдения (*the agencies of observation*)³⁰. Собственно, ни объекта, ни агентностей наблюдения как таковых в феномене Барад нет, как нет и взаимодействия между ними, и предложенное выше описание, в котором перечислены «составляющие» феномена, выполняет скорее пропедевтическую функцию, феномен не есть результат взаимодействия (*inter-action*) объекта и измерительного инструмента (*agency of observation*). В агентном реализме Барад так понимаемому феномену придается онтологический статус.

Согласно Барад, не квантовый объект обладает, как это было у Бора, определенным качеством относительно конкретного экспериментального контекста, а само это свойство квантового объекта может возникнуть только из феномена, состояния запутанности, компоненты которого не различаются.

²⁶ Barad K. Meeting the Universe Halfway. P. 24.

²⁷ Barad K. Posthumanist performativity. P. 814.

²⁸ Barad K. Meeting the Universe Halfway. P. 175.

²⁹ Сама Барад подчеркивает, что ее понимание феномена не связано с кантовским или каким-либо феноменологическим истолкованием этого термина.

³⁰ В случае Барад мы будем говорить об «агентностях наблюдений», в разряд которых она включает как человеческих, так и не-человеческих «наблюдателей».

Барад вводит представление о «динамизме материи». Согласно ее агентно-реалистической теории, материя есть субстанция, находящаяся во внутренне-действенном, «интраактивном [intra-action] становлении – не вещь, а действие, сгусток агентности. Материя – это процесс стабилизации и дестабилизации повторяющейся интраактивности. Феномены – наименьшие материальные единицы (соотносящиеся друг с другом «атомы»), [которые] обретают значимость благодаря этому процессу непрерывной интраактивности. “Материя” не отсылает к сущностным, неизменным свойствам абстрактных, независимо существующих объектов; скорее “материя” отсылает к феноменам в их непрерывной материализации»³¹.

Это состояние запутанности, схватываемое понятием феномена, как обращают внимание в своей статье Faye и Jaksland, является краеугольным камнем онтологической концепции Барад³². Феномен (phenomenon) для Барад «не просто знак эпистемологической неразделимости “наблюдателя” и “наблюдаемого”», как это было у Бора; скорее феномены являются онтологической неразделимостью опосредованных внутренним действием “компонент” [agentially intra-acting “components”]. То есть феномены представляют собой онтологически первичные отношения – отношения без относимых [relations without preexisting relata]»³³. Эти последние, *relata*, возникают внутри феномена только как результат неких внутренних действий, *интраакций* (specific *intra-actions*).

Согласно Барад, не только наблюдаемый объект, но и измерительное устройство и сам экспериментатор не существуют до «опосредования внутренним действием», и поэтому ни один из них не может обладать определенными, ранее существовавшими свойствами. Лишь специфические *интраакции* внутри феномена приводят к разделению на наблюдаемый объект и агентность наблюдения (agency of observation).

Введение понятия *интраакций*, которые, в отличие от обычного представления о “взаимодействии”, не предполагают предшествующее существование независимых сущностей/отношений, приводит, по собственной оценке Барад, к «глубокому концептуальному сдвигу»³⁴. В такой конструкции границы и свойства «компонентов» феноменов получают определенность лишь благодаря специфическим *интраакциям*.

Проявление таких внутренних действий Барад описывает следующим образом: «...специфическая интраакция (включающая конкретную материальную конфигурацию “аппарата наблюдения” [apparatus of observation]) вводит в действие агентный разрез [agential cut] (в отличие от Декартова разреза [the Cartesian cut] – этого неотъемлемого различия между субъектом и объектом), который осуществляет разделение между “субъектом” и “объектом”. То есть *агентный разрез* обеспечивает *внутри* феномена локальное разрешение присущей последнему онтологической неопределенности. Другими словами, отношения не являются предсуществующими отношениями; скорее, отношения-внутри-феноменов [relata-within-phenomena] возникают в результате определенных интраакций. Таким образом, крайне важно, что *внутренние действия* [intra-actions] обеспечивают *агентскую разделимость*

³¹ Барад К. Агентный реализм. С. 66.

³² Faye J., Jaksland R. Op. cit. P. 8233.

³³ Barad K. Posthumanist performativity. P. 815.

³⁴ Ibid.

[*agential separability*] в качестве локального условия *внешнего-внутри-феномена* [*exteriority-within-phenomena*]]³⁵.

Введенное понятие «агентной отделимости», как полагает Барад, имеет фундаментальное значение, поскольку оно задает условия возможности «объективности» вне классического условия различения наблюдателя и наблюдаемого. Более того, «агентный разрез создает локальную причинно-следственную структуру среди “компонентов” феномена, нанося метки на “агентности измерения” (“эффект”) “измеряемым объектом” (“причиной”). Таким образом, *понятие интраакций представляет собой переработку традиционного понятия причинно-следственной связи*»³⁶.

Однако предложенное Барад онтологическое прочтение боровского представления явления (*phenomenon*) явно выходит за те принципиальные положения Бора, которые, собственно, и составляли суть его интерпретации квантовой механики. Если у Бора квантовый объект обретал в эксперименте лишь определенные качества по отношению к средствам наблюдения, то у Барад он возникает впервые в результате особых интраакций внутри феномена (*phenomenon*), обладающего онтологическим статусом.

Конечно, можно согласиться, что предлагаемое Карен Барад «онтоэпистемологическое» видение природы, материи направлено на демонстрацию того, что «прямая вплетенность в онтологию нашего мира возможна»³⁷. Но не оказываемся ли мы перед невозможностью мыслить, погружаясь, как в исходную данность, в бесконечное многообразие интраакций? Однако Барад как раз и стремится показать, что в отличие от «традиционных гуманистических» подходов (куда она включает и боровскую интерпретацию квантовой механики), в которых «умопостигаемость нуждается в мыслящем агенте (для которого что-либо постигаемо), а мышление определяется исключительно как человеческая способность», в ее агенто-реалистическом подходе умопостигаемость представляет собой «онтологический перформанс мира в его непрерывной артикуляции. Это не характеристика, зависящая от человека, но черта мира в его дифференциальном становлении. Мир артикулирует себя различным образом [*differently*]]»³⁸.

Но опять же, не оказывается ли предлагаемый дискурс интраакций своего рода попыткой «заглянуть за всегда уже опустившийся занавес»? Не окажется ли позиция Бора с его определением эксперимента, предполагающим в качестве обязательного положения возможность сообщить другому о полученных результатах на понятном другому «макроскопическом» языке, честным признанием того, что уже нет возможности отказать от человеческого субъекта, живущего определенной материально-дискурсивной практикой?

Рассуждая о значении квантовой механики для выработки «некой общей теоретико-познавательной точки зрения, которая может помочь в преодолении кажущихся формальных трудностей, возникающих в других областях науки»³⁹, Нильс Бор замечает, что «непосредственное употребление каждого слова находится в дополнительном отношении к подробному анализу его

³⁵ Barad K. Posthumanist performativity. P. 815.

³⁶ Ibid.

³⁷ Faye J., Jaksland R. Op. cit. P. 8255.

³⁸ Barad K. Meeting the Universe Halfway. P. 149.

³⁹ Бор Н. Причинность и дополнительность. С. 204.

собственного смысла»⁴⁰. К этому можно лишь добавить, что подобного рода анализ если и возможен, то лишь с использованием слов, уже имеющих для нас смысл.

Список литературы

- Алексеев И.С.* Концепция дополнительности (Историко-методологический анализ). М.: Наука, 1978. 276 с.
- Barad K.* Агентный реализм. Как материально-дискурсивные практики обретают значимость / Пер. с англ. И. Штейнер // *Опыты нечеловеческого гостеприимства: Антология* / Ред. М. Крамар, К. Саркисов. М.: V-A-C press, 2018. С. 42–121.
- Беркович Е.М.* Альберт Эйнштейн и «революция вундеркиндов». Очерки становления квантовой механики и единой теории поля. М.: URSS, 2021. 328 с.
- Бор Н.* Атомы и человеческое познание / Пер. с англ. В.А. Фока и А.В. Лермонтовой // *Бор Н. Избранные научные труды: в 2 т. Т. 2.* М.: Наука, 1971. С. 504–514.
- Бор Н.* Квантовый постулат и новейшее развитие атомной теории / Пер. с англ. В.М. Степановой // *Бор Н. Избранные научные труды: в 2 т. Т. 2.* М.: Наука, 1971. С. 30–53.
- Бор Н.* О понятиях причинности и дополнительности / Пер. с англ. А.П. Бухвостова // *Бор Н. Избранные научные труды: в 2 т. Т. 2.* М.: Наука, 1971. С. 391–398.
- Бор Н.* Причинность и дополнительность / Пер. с нем. А.П. Бухвостова // *Бор Н. Избранные научные труды: в 2 т. Т. 2.* М.: Наука, 1971. С. 204–212.
- Бор Н.* Проблема причинности в атомной физике / Пер. с англ. И.С. Алексеева // *Успехи физических наук.* 1985. Т. 147. Вып. 2. С. 343–355.
- Бор Н.* Эффект Зеемана и строение атома / Пер. с англ. В.Я. Френкеля // *Бор Н. Избранные научные труды: в 2 т. Т. 2.* М.: Наука, 1971. С. 175–178.
- Петров А.З.* Физическое пространство – время и теория физических измерений // *Пространство и время в современной физике* / Отв. ред. А.З. Петров, П.С. Дышлевский. Киев: Наукова думка, 1968. С. 184–195.
- Barad K.* Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning. Durham; L.: Duke University Press, 2007. 525 p.
- Barad K.* Posthumanist performativity: Toward an understanding of how matter comes to matter // *Journal of Women in Culture and Society.* 2003. Vol. 28 (3). P. 801–831.
- Born M., Pascual J.* Zur Quantentheorie aperiodischer Vorgänge // *Zeitschrift für Physik.* 1925. Bd. 33. S. 567–615.
- Faye J., Jaksland R.* Barad, Bohr, and quantum mechanics // *Synthese.* 2021. Vol. 199. P. 8231–8255.
- Hollin G., Forsyth I., Giraud E., Potts T.* (Dis)Entangling Barad: Materialisms and ethics // *Social Studies of Science.* 2017. Vol. 47 (6). P. 919–941.

Karen Barad's agential realism and Niels Bohr's conceptualism

Andrei A. Paramonov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: andrei-paramonov@yandex.ru

In recent years, there has been a growing interest in the human and social sciences towards contemporary natural science. In this regard, we can talk about a kind of “natural sciences turn” in these fields of knowledge. It is not just a matter of an active use of terminological and ideological baggage from the arsenal of natural sciences, but we can even talk about direct borrowing of argumentation. American researcher Karen Barad

⁴⁰ *Бор Н.* Причинность и дополнительность. С. 211.

is one of the leading figures of this movement. Barad connects her theoretical conception of agential realism directly with quantum mechanics in its interpretation proposed by Niels Bohr. The article compares some of the key concepts of the Bohr vision of quantum mechanics, such as phenomenon, agency of observation with the reading acquired by these concepts in Barad's agential realism. On a comparative analysis of the interpretation of these concepts by Bohr and Barad a number of problematic points of the concept of agential realism are revealed.

Keywords: Karen Barad, Niels Bohr, quantum mechanics, agential realism, Bohr's principle, uncontrolled interaction, phenomenon, agency of observation, intra-actions

For citation: Paramonov, A.A. "Agentnyi realizm Karen Barad i kontseptualizm Nilsa Bora" [Karen Barad's agential realism and Niels Bohr's conceptualism], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2022, Vol. 15, No. 3, pp. 100–112. (In Russian)

References

- Alekseev, I.S. *Koncepciya dopolnitel'nosti (Istoriko-metodologicheskij analiz)* [The Concept of Complementarity (Historical and Methodological Analysis)]. Moscow: Nauka Publ., 1978. 276 pp. (In Russian)
- Barad, K. "Agentnyj realizm. Kak material'no diskursivnye praktiki obretayut znachimost'" [Agential Realism: How Material-Discursive Practices Matter], trans. by I. Shtejner, *Opyty nechelovecheskogo gostepriimstva. Antologiya* [The Unhuman Hospitality Experiences. Anthology], ed. by M. Kramar and K. Sarkisov. Moscow: V-A-C Press, 2018, pp. 42–121. (In Russian)
- Barad, K. "Posthumanist performativity: Toward an understanding of how matter comes to matter", *Journal of Women in Culture and Society*, 2003, Vol. 28 (3), pp. 801–831.
- Barad, K. *Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning*. Durham; London: Duke University Press, 2007. 525 pp.
- Berkovich, E.M. *Al'bert Ejnshtejn i 'revolyuciya vunderkindov'. Ocherki stanovleniya kvantovoj mekhaniki i edinoj teorii polya* [Albert Einstein and the 'Revolution of Wunderkinds'. Essays on the Formation of Quantum Mechanics and Unified Field Theory]. Moscow: URSS Publ., 2021. 328 pp. (In Russian)
- Bohr, N. "Effekt Zeemana i stroenie atoma" [Zeeman Effect and Theory of Atomic Constitution], trans. by V.Ya. Frenkel', in: N. Bohr, *Izbrannye nauchnye trudy* [Selected Writings], Vol. 2. Moscow: Nauka Publ., 1971, pp. 175–178. (In Russian)
- Bohr, N. "Kvantovyy postulat i novejshee razvitiye atomnoj teorii" [The Quantum Postulate and the Recent Development of Atomic Theory], trans. by V.M. Stepanova, in: N. Bohr, *Izbrannye nauchnye trudy* [Selected Writings], Vol. 2. Moscow: Nauka Publ., 1971, pp. 30–53. (In Russian)
- Bohr, N. "Atomy i chelovecheskoe poznanie" [Atoms and Human Knowledge], trans. by V.A. Fok and A.V. Lermontova, in: N. Bohr, *Izbrannye nauchnye trudy* [Selected Writings], Vol. 2. Moscow: Nauka Publ., 1971, pp. 504–514. (In Russian)
- Bohr, N. "O ponyatiyah prichinnosti i dopolnitel'nosti" [On the Notions of Causality and Complementarity], trans. by A.P. Buhvostov, in: N. Bohr, *Izbrannye nauchnye trudy* [Selected Writings], Vol. 2. Moscow: Nauka Publ., 1971, pp. 391–398. (In Russian)
- Bohr, N. "Prichinnost' i dopolnitel'nost'" [Kausalität und Komplementarität], trans. by A.P. Buhvostov, in: N. Bohr, *Izbrannye nauchnye trudy* [Selected Writings], Vol. 2. Moscow: Nauka Publ., 1971, pp. 204–212. (In Russian)
- Bohr, N. "Problema prichinnosti v atomnoj fizike" [The causality problem in atomic physics], trans. by I.S. Alekseev, *Uspekhi fizicheskikh nauk*, 1985, Vol. 147, No. 2, pp. 343–355. (In Russian)
- Born, M. & Pascual, J. "Zur Quantentheorie aperiodischer Vorgänge", *Zeitschrift für Physik*, 1925, Bd. 33, S. 567–615.

- Faye, J. & Jaksland, R. “Barad, Bohr, and quantum mechanics”, *Synthese*, 2021, Vol. 199, pp. 8231–8255.
- Hollin, G., Forsyth, I., Giraud, E. & Potts, T. “(Dis)Entangling Barad: Materialisms and ethics”, *Social Studies of Science*, 2017, Vol. 47 (6), pp. 919–941.
- Petrov, A.Z. “Fizicheskoe prostranstvo – vremya i teoriya fizicheskikh izmerenij” [Physical Space – Time and the Theory of Physical Measurements], *Prostranstvo i vremya v sovremennoj fizike* [Space and Time in Modern Physics], ed. by A.Z. Petrov and P.S. Dyshlevskii. Kiev: Naukova dumka Publ., 1968, pp. 184–195. (In Russian)

ЛОГИКА И ФИЛОСОФИЯ

А.М. Павлова

ЗНАНИЕ И ЕГО ДИНАМИКА В ИНТУИЦИОНИСТСКОЙ ЛОГИКЕ* **

Павлова Александра Михайловна – аспирант. Венский технический университет (TU Wien). Австрия, 1040, г. Вена, Favoritenstraße 11; инженер-исследователь. Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета. Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5; e-mail: pavlova.alex22@gmail.com

В настоящей статье рассматривается проблема суперпозиции дедуктивных и познавательных установок в контексте интуиционистской логики. Изучаются предпосылки и способы моделирования изменения знания в рамках эпистемической логики. Основной акцент сделан на различии в понимании истинности и знания в классической и интуиционистской логике. Показано, что альтернативное понимание истинности в интуиционистской логике влечет за собой иное понимание модальности знания, нежели в классической логике.

Ключевые слова: интуиционизм, логическая семантика, динамическая логика, эпистемическая логика, многообразие агентов

Для цитирования: Павлова А.М. Знание и его динамика в интуиционистской логике // Философский журнал / Philosophy Journal. 2022. Т. 15. № 3. С. 113–124.

Введение

Идея многообразия и плюрализма в культуре и науке является одной из центральных в последние десятилетия. Логико-философский дискурс также не мог обойти ее стороной, что нашло свое отражение в изучении познавательных установок и особенностей различных агентов, которые можно обобщить терминами «эпистемические установки» и «эпистемические состояния» агентов. Таким образом, проблема эпистемических состояний агентов, таких как знание, убеждение, осведомленность и др., внимательно изучается философами и логиками последних десятилетий. Существует обширная литература, посвященная как анализу статических состояний, так и их динамике, т.е. изменению под влиянием новой информации. Подробное обсуждение логики как теории агентности и взаимодействия можно

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00485 «Делиберативная аргументация между рассуждением и действием».

** Автор выражает благодарность анонимному рецензенту за полезные замечания и комментарии.

найти в работах Й. ван Бенгема¹ и Ф. Лью². Одним из наиболее популярных подходов к анализу агентных знаний и убеждений является логико-философский, в рамках которого эпистемические понятия моделируются в рамках ряда специально разработанных логических формализмов, что позволяет применять методы математической логики. Преимуществом данного подхода является возможность выявить неочевидные свойства и следствия из того или иного понимания эпистемических модальностей, а также пределы их формализуемости. Очевидно, что такие понятия, как, например, знание или убеждение, не являются однозначно определяемыми и представляют некоторое затруднение для философского анализа. Тем не менее именно формализация помогает выявить тот набор следствий, который сопутствует тому или иному способу определить данные понятия. Это особенно важно при создании формальных моделей взаимодействия между агентами, например, в аргументативном дискурсе.

В рамках логико-философского подхода одним из наиболее распространенных и популярных способов формальной репрезентации знаний и убеждений агентов является семейство *эпистемических логик*, где понятия знания и убеждения формализуются как модальности. Как правило, данные логики представляют собой расширения либо пропозициональных логик, либо логик первого порядка и интерпретируются на шкалах Крипке. Стоит отметить, что семантика возможных миров не является единственно возможной: существует также окрестностная семантика, а также теоретико-игровой подход (как и для более слабого варианта, а именно *минимальной логики*³). Таким образом, семейство эпистемических логик представляет собой подмножество модальных логик. Существуют, однако, и иные подходы моделирования эпистемических состояний агентов, например, средствами многозначных логик (такой подход используется в работах Е. Кубышкиной и Д.В. Зайцева⁴). Тем не менее в рамках данной работы будет рассматриваться формализация эпистемических состояний агентов с помощью модальной логики.

Основной вопрос, рассматриваемый в данной статье, можно сформулировать следующим образом: как взаимосвязаны интерпретация истинности и знания в рамках эпистемических формализмов, основанных на неклассических логиках? В качестве примера таких формальных систем будет рассмотрена эпистемическая интуиционистская логика и некоторые ее простейшие динамические расширения.

¹ van Benthem J. Logical Dynamics of Information and Interaction. Cambridge; N.Y., 2010; van Benthem J., Liu F. Diversity of Logical Agents in Games // *Philosophia Scientiae*. 2004. Vol. 8 (2). P. 165–181.

² Liu F. Diversity of Agents and their Interaction // *Journal of Logic, Language and Information*. 2008. Vol. 18 (1). P. 23–53.

³ Pavlova A. Dialogue games for minimal logic // *Logic and Logical Philosophy*. 2021. Vol. 30. P. 281–309.

⁴ Kubyshkina E., Zaitsev D. Rational Agency from a Truth-Functional Perspective // *Logic and Logical Philosophy*. 2016. Vol. 25 (4). P. 499–520.

Компетенции агентов и формальные системы

Различные агенты могут иметь не только несовпадающие убеждения и знания о фактах окружающего мира, но также и неодинаковые способности (такие как память, способность делать выводы, наблюдательность и другие) по оценке фактов и в построении рассуждений. Можно выделить несколько типов⁵ компетенций (или, иначе говоря, презумпций), которыми могут обладать рациональные агенты. Однако данные компетенции не являются полностью независимыми друг от друга.

В зависимости от того, каким образом модальные операторы знания и убеждения определяются в формальной семантике (в случае семантики возможных миров, каковы, например, свойства фреймов, на которых тот или иной оператор определяется), свойства соответствующих моделируемых понятий будут различными. В зависимости от того, какие цели преследуют исследователи, будет различаться и выбор формализма. Так, например, одной из самых часто встречаемых логик, использующихся в качестве базовой для моделирования знания, является модальная логика S5, предложенная еще К.И. Льюисом совместно с Г. Лангфордом⁶ и полная относительно транзитивных, симметричных и рефлексивных (что вместе дает отношение эквивалентности) фреймов.

В таком случае знание трактуется как необходимо «истинное обоснованное убеждение» (*justified true belief*). Здесь подразумевается древняя идея о том, что знание не может быть ложным. Стоит отметить, что система S5 наиболее популярна среди исследователей, занимающихся математическим и в особенности компьютерным моделированием логических рассуждений. В таком случае модальный оператор «бокс» (в алетической модальной логике интерпретируемый как оператор необходимости) $\Box A$ («*A* известно») трактуется как оператор знания, обладающий всеми свойствами «бокса» из системы S5. С одной стороны, данная логика весьма удобна в силу своей простоты и свойств, но, с другой – ведет к ряду нежелательных парадоксов, наиболее известным из которых является парадокс всеведения, согласно которому «если *A* доказуемо, то *A* известно», что очевидным образом противоречит как нашей повседневной практике – иначе нам были бы известны, к примеру, уже все теоремы арифметики, – так и нашим представлениям о прогрессе и развитии знания. В основе данного парадокса лежит базовая аксиома любой нормальной модальной логики, а именно аксиома K: $\Box (A \rightarrow B) \rightarrow (\Box A \rightarrow \Box B)$. Как видно, если известно, что из *A* следует *B*, и известно *A*, то автоматически известно *B*. История развития эпистемической логики, в особенности в рамках философского анализа знания, представляет собой борьбу с парадоксом всеведения и иными эпистемическими парадоксами⁷ и поиски более подходящих формализмов. Тем не менее даже более слабые системы, как правило, являются расширениями классической логики. Однако если мы принимаем за базовую логику систему более слабую, чем классическая, то и понятия знания и убеждения будут трактоваться в них иначе. Наиболее ярким примером такой суперпозиции является интуиционистская эпистемическая логика.

⁵ Лисанюк Е.Н., Павлова А.М. Логические аспекты многообразия агентов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. 2016. Т. 11. № 4 (158). С. 45–60.

⁶ Lewis C.I., Langford C.H. Symbolic Logic. N.Y., 1932.

⁷ Egre P. Propositional Attitudes and Epistemic Paradoxes. PhD thesis. Paris, 2004.

Основной целью данной статьи является анализ суперпозиции дедуктивных и эпистемических установок агентов на примере конкретного случая, а именно динамической эпистемической интуиционистской логики, а также анализ эпистемических аспектов ее немодального фрагмента (т.е. интуиционистской пропозициональной логики).

Интуиционистская логика и вопрос семантики

Интуиционизму как философскому направлению в основаниях математики посвящено множество работ. Было предпринято множество попыток обосновать превосходство интуиционистской математики⁸ (даже с точки зрения игрового подхода к логике)⁹. Ввиду того, что даже отношение между интуиционизмом в философии математики и формальными интуиционистскими системами представляется проблематичным, дискуссия об основаниях математики выходит за рамки данного исследования. Основной интерес для нас представляет интуиционистская логика как формальная дедуктивная система и соответствующее ей множество семантик: семантика Крипке, алгебраическая семантика, а также теоретико-игровой подход. Несмотря на то, что с технической точки зрения интуиционистское исчисление и соответствующие семантики также хорошо изучены, вопрос изменения информации и эпистемических особенностей интуиционистски настроенных агентов (будем для краткости называть их интуиционистскими агентами) до сих пор не исследован. Мы стремимся показать, что при добавлении динамических операторов, изменяющих эпистемические состояния агентов, интуиционистская логика может претендовать на статус логики, моделирующей постепенный прогресс в области знаний. Мы продемонстрируем данную гипотезу на примере нескольких формальных систем: эпистемической интуиционистской логики, предложенной С. Артемовым и Т. Протопопеску¹⁰, а также некоторых ее динамических расширений.

Для начала обратимся к нашей базовой системе, а именно пропозициональной интуиционистской логике (иногда обозначаемой ИРС – от английского *intuitionistic propositional calculus* – в переводе: «интуиционистское пропозициональное исчисление»). Общеизвестно, что в интуиционистском исчислении высказываний, в отличие от классического, не имеют места закон исключенного третьего $A \vee \neg A$ (*tertium non datur*) и правило снятия двойного отрицания $\neg\neg A \vdash A$. Существует ряд аргументов в пользу использования именно интуиционистского исчисления в основаниях математики, но наиболее ярким примером преимуществ интуиционистской логики являются рассуждения о бесконечных объектах. Нас же интересует то, каким образом можно интерпретировать само интуиционистское исчисление как с помощью логической семантики, так и с содержательной точки зрения.

⁸ Brouwer L.E.J. Über die Bedeutung des Satzes vom ausgeschlossenen Dritten in der Mathematik, insbesondere in der Funktionentheorie // Journal für die reine und angewandte Mathematik. 1924. Bd. 154. S. 1–7.

⁹ Lorenzen P., Lorenz K. Dialogische Logik. Darmstadt, 1978.

¹⁰ Artemov S., Protopenescu T. Intuitionistic epistemic logic // The Review of Symbolic Logic. 2016. Vol. 9. No. 2. P. 266–298.

Помимо роли интуиционизма в философии математики, немаловажны также формальные свойства данной системы, такие как:

- (1) наличие аналитических дедуктивных систем, т.е. таких, в которых соблюдается *свойство подформульности*, когда посылки каждого правила исчисления состоят из подформул заключения, что имеет большое значение для автоматизации вывода и в целом повышает эффективность поиска вывода;
- (2) *дизъюнктивное свойство (disjunctive property)*: т.е. если $A \vee B$ является тавтологией, то тавтологией является также одна из формул A или B ;
- (3) *свойство финитной аппроксимируемости (finite model property)*, или, иначе, полнота относительно конечных моделей, которое относится к интерпретации интуиционизма на моделях Крипке. Данное свойство предполагает, что для любой формулы, не общезначимой в данной логике, верно, что она фальсифицируема в какой-либо конечной модели данной логики.

Кроме того, к настоящему моменту было предложено множество теоретико-игровых интерпретаций интуиционистской логики, в основном для выявления общезначимых (*valid*) формул, например (1) диалоговая логика П. Лоренцена¹¹, в рамках которой отстаивается идея о том, что интуиционизм представляет собой наиболее естественную и «правильную» логику; (2) игра, предложенная И. Межировым¹², и некоторые другие¹³. Идея расширения данных игр для интуиционистской логики на модальный уровень не только представляется перспективной в чисто техническом плане, но также может пролить свет на некоторые аспекты интуиционистской эпистемологии.

Одной из наиболее популярных трактовок интуиционистской логики является так называемая семантика *ВНК*, название которой является аббревиатурой от английского Brouwer-Heyting-Kolmogorov¹⁴, т.е. имен исследователей, чьи работы лежат в основании интуиционизма: Л.Э.Я. Брауэра, А. Гейтинга и А.Н. Колмогорова. В рамках данной неформальной семантики истинность формулы A понимается как наличие доказательства данной формулы A . В свою очередь, ложность формулы понимается следующим образом: допущение о наличии доказательства формулы A ведет к противоречию. Соответственно, мы не можем заключить, что формула ложна, только лишь исходя из того, что мы до сих пор не нашли ее доказательства. Ложность формулы требует отдельного доказательства путем сведения к абсурду. Таким образом, мы получаем дизъюнктивное свойство, а именно: чтобы построить доказательство дизъюнкции $A \vee B$, нужно иметь доказательство хотя бы одного из дизъюнктов (или A , или B). В связи с этим пониманием дизъюнкции перестает быть аксиомой закон исключенного третьего ($A \vee \neg A$). Ниже приведем определения истинности логических связок в рамках семантики *ВНК*:

¹¹ Lorenzen P., Lorenz K. Op. cit.

¹² Межиров И.В. Игровая семантика для Int и Grz. Дипломная работа. М., 2006.

¹³ Urzyczyn P. Intuitionistic Games: Determinacy, Completeness, and Normalization // Studia Logica. 2016. Vol. 104. No. 5. P. 957–1001.

¹⁴ van Dalen D., Troelstra A. Constructivism in Mathematics: An Introduction. Vol. I. Amsterdam; N.Y.; North-Holland, 1988.

- (4) Доказательство формулы $A \wedge B$ состоит из доказательства A и доказательства B . В более строгом смысле это можно понимать как пару $\langle \alpha, \beta \rangle$, где α – это доказательство A , а β – это доказательство B .
- (5) Доказательство формулы $A \vee B$ состоит из доказательства A или доказательства B . В рамках вычислительной семантики *ВНК* (варианта формального представления семантики *ВНК*) это можно понимать как пару $\langle \alpha, \beta \rangle$, где $\alpha \in \{0, 1\}$, и если $\alpha=0$, то β – это доказательство формулы A , а если $\alpha=1$, то β – это доказательство формулы B .
- (6) Доказательство формулы $A \rightarrow B$ представляет собой процедуру (построение), которая берет в качестве входных данных доказательство A и возвращает доказательство B в качестве ответа. Можно также считать, что доказательство формулы $A \rightarrow B$ является некоторой функцией f , которая трансформирует доказательство формулы A в доказательство формулы B . Можно даже говорить о редукции проблемы поиска доказательства формулы B к доказательству формулы A , что является весьма распространенным методом в рамках ряда наук, например в информатике. То есть здесь речь идет об общем методе решения проблемы/доказательства B на основании уже имеющегося решения/доказательства A .
- (7) Формула вида $\neg A$ трактуется как сокращение формулы $A \rightarrow \perp$, где \perp – это недоказуемое утверждение (как правило, под \perp понимается противоречие и отдельно вводится условие, что нельзя построить доказательство противоречия).

Следует отметить, что трактовка А.Н. Колмогорова в целом схожа с указанной выше, однако она сформулирована в терминах задач и решений, при этом предлагается рассматривать каждую формулу интуиционистской логики не как утверждение, а как проблему. Под проблемой подразумевается своего рода требование указать или построить некоторый объект, подчиненный тем или иным заранее заданным условиям.

Таким образом, можно говорить об имплицитно содержащемся эпистемическом¹⁵ аспекте интуиционистской логики в рамках *ВНК*-семантики. Такая трактовка, конечно, зависит от понимания того, что значит *наличие доказательства*. Если принять ту точку зрения, согласно которой доказательство есть в наличии, когда оно построено и представлено некоторому агенту, то в таком случае мы можем считать, что истинность некоторой формулы в рамках интуиционистской логики зависит от эпистемических состояний агентов, а именно от знания доказательства. В таком случае мы можем говорить о динамике изменений эпистемических состояний агентов уже в рамках пропозициональной интуиционистской логики, даже не обращаясь к ее модальному фрагменту. Стало быть, нужно понять, что будет означать введение модального оператора публичного анонсирования (*public announcement operator*) в данном контексте, чтобы такое введение было осмысленным. По аналогии с классической динамической эпистемической логикой можно было бы ввести два различных оператора, соответствующие алетическим модальностям \diamond и \square , а именно $\langle !A \rangle$ и $[!A]$. В классической модальной логике данные операторы являются дуальными; как правило, в качестве примитивного, т.е. несводимого к уже имеющимся связкам и операторам, вводят оператор \square , а \diamond определяется как $\neg \square \neg$.

¹⁵ То есть связанном со знанием.

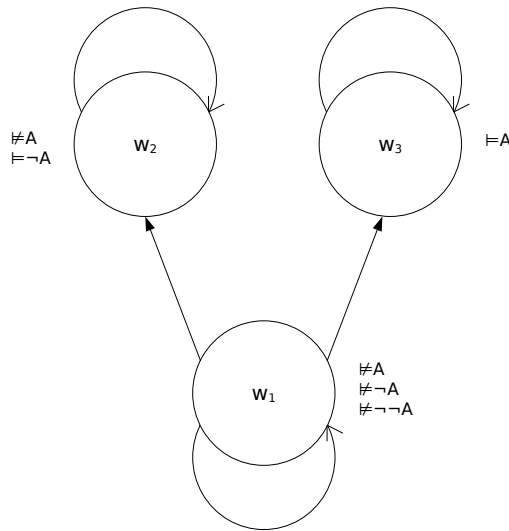
Однако в рамках интуиционистской модальной логики данные операторы более не являются взаимовыразимыми. Как же следует понимать такое обновление? Классическое понимание публичного анонсирования как предъявления истинной формулы непогрешимым источником в данном случае требует пояснения ввиду специального понимания истинности в интуиционизме. Публичное анонсирование может пониматься двояко:

1. Объявление формулы, истинной в классическом смысле, т.е. без предъявления доказательства. В силу того, что классическая истинность выразима в интуиционистской системе через двойное отрицание, т.е. $\neg\neg A$: «формула A истинна (не может быть ложной), но отсутствует доказательство», такое обновление будет осмысленным, хоть и слабым.
2. При публичном анонсировании предъявляется не только истинная формула, но также и доказательство данной формулы.

Ниже мы рассматриваем второй вариант, когда предъявляется также и доказательство формулы. Таким образом, публичное анонсирование представляет собой один из простейших способов трансформации модели.

В качестве семантики интуиционистской логики высказываний будет рассматриваться семантика возможных миров Крипке. Формально модель – это кортеж $\langle W, R, v \rangle$, состоящий из W непустого множества возможных миров, R отношения достижимости на них, а также v функции оценки. В семантике для интуиционистской логики также присутствуют дополнительные требования к моделям, а именно: отношение достижимости должно быть *частично упорядоченным*, т.е. *транзитивным*, *рефлексивным* и *антисимметричным*; а также предъявляется требование *монотонности к функции оценки*, т.е. если произвольная пропозициональная переменная истинна в некотором мире w_i , то она также истинна в любом мире w_j , таком что $w_i \leq w_j$ (т.е. мир w_j достижим из мира w_i). Из этого также следует *монотонность отношения вынуждения*, т.е. вышеуказанное требование верно для любых формул, включая модальные.

В случае введения оператора публичного анонсирования в классической логике происходит следующая трансформация модели: при анонсировании некоторой формулы A все миры, в которых A не истинно, удаляются. Однако для классической логики это то же самое, что сказать, что удаляются все миры, где истинно $\neg A$ (по определению). Однако в интуиционистской логике такая эквивалентность определений пропадает. Соответственно, существует по крайней мере *два* различных способа трансформировать модель: (1) удалять все миры, в которых истинно $\neg A$, т.е. где A ведет к противоречию $A \rightarrow \perp$; (2) удалять миры, в которых неверно, что A истинно, т.е. такие w , что $w \not\models A$. Если мы считаем, что анонсировать A предполагает также предъявить доказательство A , тогда мы должны с необходимостью выбрать вариант (2), так как тогда миры, в которых у агента нет доказательства формулы A , не соответствуют ситуации, в которой A было предъявлено с доказательством. Возникает вопрос: существует ли интерпретация публичного анонсирования для варианта (1), совместимая с *ВНК*-семантикой? Наиболее очевидным ответом кажется анонсирование формул с двойным отрицанием в качестве основных логических операторов, т.е. вида $\neg\neg A$. Однако на деле существует такая ситуация, где при анонсировании формулы вида $\neg\neg A$ мы удалим не только мир w_2 , но также и w_1 :

Можно предложить следующую интерпретацию варианта (1), когда при публичном анонсировании формулы A удаляются только те миры, в которых истинно $\neg A$: анонсирование носит классический характер, т.е. сообщается, что A истинно, но не приводится доказательство, тогда миры, в которых $\neq A$, $\neq \neg A$, остаются, так как у агента нет доказательства A .

В случае если мы принимаем вариант (2), т.е. остаются только те миры, в которых анонсируемая формула истинна, тогда получившуюся логику можно редуцировать к интуиционистской логике без обновления, так как $\langle !A \rangle B \leftrightarrow A \wedge B$, а также оператор $[!A]B$ вырождается в $\neg A \vee (A \wedge B)$, где $\langle !A \rangle B$ читается как «после некоторого истинного (с предъявлением доказательства) анонсирования A истинна формула B (присутствует доказательство формулы B)», а $[!A]B$ понимается как «после любого анонсирования A истинна формула B (присутствует доказательство формулы B)». Разница заключается в том, что $\langle !A \rangle B$ истинно (в смысле наличия доказательства) тогда и только тогда, когда A истинно, в то время как $[!A]B$ истинно при истинном $\neg A$. Очевидно, что при таком определении бокса в мирах, в которых A не истинно, но также не является истинным $\neg A$, также ложно $[!A]B$. Таким образом, можно ввести альтернативное определение: $M, w \models [!A] * B$, если и только если $M, w \models \neg A$ или $M, w \models B$. Такой оператор представляет больший интерес, так как его нельзя свести к формуле пропозициональной интуиционистской логики, соответственно, он представляет собой неконсервативное ее расширение.

Интуиционистская эпистемическая логика и обновление информации

Вопрос о добавлении оператора знания к интуиционистской логике рассматривался в ряде работ, и к нему существует несколько альтернативных подходов. Нам представляется наиболее интересной система IEL (от англ. Intuitionistic Epistemic Logic, т.е. «интуиционистская эпистемическая логика»),

предложенная С. Артемовым¹⁶ и Т. Протопопеску¹⁷. Система IEL является расширением пропозициональной интуиционистской логики путем добавления оператора знания, обозначаемого **K**, так что **KA** означает, что агент знает, что *A*. Данная система и ее неформальная интерпретация наилучшим образом вписываются в рамки вышеуказанной ВНК-семантики, описанной в предыдущем разделе. Каким же образом трактуется знание в данной интуиционистской системе? Так как истинность немодальной формулы предполагает наличие доказательства, то это уже предполагает знание не только об этой формуле, но и о способах ее конструктивно доказать. В связи с этим интуиционистское знание ведет себя в значительной степени иначе, нежели модальность знания в классической логике. Предлагается следующее прочтение модальной формулы **KA**: «Верифицировано (проверено), что *A* выполняется интуиционистски, т.е. что существует доказательство *A*, не обязательно указанное в процессе проверки». Было предложено следующее эпистемическое ВНК-условие, регулирующее оператор знания **K**:

- (8) Доказательство формулы **KA** состоит в неоспоримом свидетельстве проверки (верификации) того, что существует доказательство *A*.

Можно привести различные примеры использования такого оператора: *доказательство с нулевым разглашением* (zero-knowledge proof), когда доказывающий дает нам ответ, что рассматриваемое утверждение истинно, без предоставления доказательства. Простым примером такого подтверждения может служить использование компьютерной программы, корректность которой доказана (т.е. доказано, что программа не совершает ошибок) и которая выдает только ответы «да» или «нет» на вопрос о доказуемости некоторой формулы. Таким образом, мы знаем, что формула истинна, и, более того, имеем подтверждение, свидетельство (а значит, интуиционистское знание сильнее, чем классическая истинность), но не располагаем ее доказательством. Другим примером может служить *свидетельство авторитета*, которое применяется даже в науке (мы можем знать, что теорема верна, не имея возможности воспроизвести ее доказательство).

Идея о том, что знание соответствует существованию проверки для некоторой рассматриваемой формулы, приводит к определенным условиям, накладываемым на оператор **K**, отличным от стандартного классического описания. Получается, что интуиционистская истинность формулы *A* сильнее, чем интуиционистское знание *A*. Самой слабой в данном случае оказывается классическая истинность формулы *A*. Отсюда следует, что $\models A \rightarrow KA$, но не наоборот (т.е. $\not\models KA \rightarrow A$). При этом интуиционистское знание влечет классическую истинность, которая может быть выражена с помощью двойного отрицания $\models KA \rightarrow \neg\neg A$ ¹⁸.

Как и в случае с обновлением информации в пропозициональной интуиционистской логике, у нас возникает два различных варианта изменения модели. Однако следует понимать, что в случае эпистемической логики в модели присутствует не одно отношение достижимости, а два. Второе отношение, обозначаемое символом *E*, соответствует модальности знания. Множество отношений *E* является подмножеством отношений *R*

¹⁶ Artemov S., Protopopescu T. Op. cit.

¹⁷ Protopopescu T. Three Essays in Intuitionistic Epistemology. PhD thesis. N.Y., 2016.

¹⁸ Если же убрать последнее требование, то получится система IEL⁻ для интуиционистского убеждения.

пропозициональной семантики, т.е. для любых миров w_i, w_j если $w_i E w_j$, то $w_i R w_j$. Также если $w_1 R w_2$ и $w_2 E w_3$, то $w_1 E w_3$. И последним условием является сериальность отношения E . Модальность знания определяется стандартно как \Box -модальность на отношении E . Также как и в случае с обновлением в интуиционистском пропозициональном исчислении, можно выбрать два типа трансформации системы. За базовый вариант мы принимаем обновление, при котором, помимо истинности формулы, также дается ее доказательство, т.е. в терминах семантики Крипке, остаются только те миры, в которых объявленная формула интуиционистски истинна.

Заключение

В статье рассматривались эпистемические аспекты интуиционистской логики, а также ее непосредственное расширение с помощью модальности знания. Было показано, что даже истинность в пропозициональной части можно трактовать с точки зрения эпистемологии как наличие доказательства. Безусловно, наличие доказательства не всегда влечет знание о нем, но в данном случае мы можем считать, что если есть доказательство (или же если оно предъясняется в рамках публичного анонсирования), то агент¹⁹ его знает. Соответственно, можно говорить об обновлении знания уже в данном фрагменте. Чтобы выразить идею о том, что некоторое доказательство существует и верифицировано (однако у агента нет непосредственного к нему доступа), можно использовать понятие интуиционистского знания. Это может быть использовано для описания общего накопленного знания в рамках философии науки, в случае которого истинность с доказательством как реальное состояние агентов является распределенным между участниками. Многое из того, что агенты знают, представляет собой знание в интуиционистском смысле как результат достоверной проверки. Это касается не только веры в корректность доказательств, предложенных авторитетными учеными, но также и проверок с использованием автоматизированных механизмов, например компьютеров.

В статье были рассмотрены теоретические основания построения формально-логических систем для обновления информации, в которых в качестве базовой логики используется интуиционистское исчисление. Некоторые из рассмотренных вариантов уже построены автором статьи и в настоящий момент готовятся к публикации. Иные же еще предстоит формально проработать. Рассматривалось обновление информации в двух логиках, а именно в интуиционистском пропозициональном исчислении и в эпистемической интуиционистской логике, где знание трактуется как верифицированность формулы, а следовательно, является более слабым понятием, чем интуиционистская истинность. В качестве основы эпистемических систем была выбрана интуиционистская эпистемическая логика IEL, предложенная С. Артемовым и Т. Протопопеску. В рамках изучения изменения эпистемических состояний агентов обычно рассматриваются ситуации, в которых заранее известен уровень доверия агентов к источнику новой информации. Результаты, полученные для логики IEL, могут в дальнейшем

¹⁹ Мы рассматривали ситуацию с одним агентом, но можно также исследовать случай мультиагентности.

быть применены в контексте аргументации, т.е. действий, направленных на порождение, предъявление и оценку аргументов в связи с целями, которые преследуют агенты.

Список литературы

- Лисанюк Е.Н., Павлова А.М. Логические аспекты многообразия агентов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. 2016. Т. 11. № 4 (158). С. 45–60.
- Межиров И.В. Игровая семантика для Int и Grz. Дипломная работа. М., 2006. 15 с.
- Artemov S., Protopopescu T. Intuitionistic epistemic logic // The Review of Symbolic Logic. 2016. Vol. 9. No. 2. P. 266–298.
- van Benthem J. Logical Dynamics of Information and Interaction. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2010. 373 p.
- van Benthem J., Liu F. Diversity of Logical Agents in Games // Philosophia Scientiæ. 2004. Vol. 8 (2). P. 165–181.
- Brouwer L.E.J. Über die Bedeutung des Satzes vom ausgeschlossenen Dritten in der Mathematik, insbesondere in der Funktionentheorie // Journal für die reine und angewandte Mathematik. 1924. Bd. 154. S. 1–7.
- van Dalen D., Troelstra A. Constructivism in Mathematics: An Introduction. Vol. I. Amsterdam; N.Y.; North-Holland: Elsevier, 1988. 361 p.
- Egre P. Propositional Attitudes and Epistemic Paradoxes. PhD thesis. Paris: Université Paris 1 Panthéon-Sorbonne, Institut d'Histoire et de Philosophie des Sciences et des Techniques, 2004. 316 p.
- Kubyskhina E., Zaitsev D. Rational Agency from a Truth-Functional Perspective // Logic and Logical Philosophy. 2016. Vol. 25 (4). P. 499–520.
- Lewis C.I., Langford C.H. Symbolic Logic. N.Y.: Century Company, 1932. 605 p.
- Liu F. Diversity of Agents and their Interaction // Journal of Logic, Language and Information. 2008. Vol. 18 (1). P. 23–53.
- Lorenzen P., Lorenz K. Dialogische Logik. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1978. 238 S.
- Pavlova A.M. What Hamblin's Formal Dialectic Tells About the Medieval Logical Disputation // Logical Investigations. 2017. Vol. 23. No. 1. P. 151–176.
- Pavlova A. Dialogue games for minimal logic // Logic and Logical Philosophy. 2021. Vol. 30. P. 281–309.
- Protopopescu T. Three Essays in Intuitionistic Epistemology. PhD thesis. N.Y.: CUNY, 2016. 117 p.
- Urzyczyn P. Intuitionistic Games: Determinacy, Completeness, and Normalization // Studia Logica. 2016. Vol. 104. No. 5. P. 957–1001.

Knowledge and its dynamics in intuitionistic logic*

Alexandra M. Pavlova

TU Wien. 11 Favoritenstraße, Vienna, 1040, Austria; Institute of Philosophy, St. Petersburg State University. 5 Mendeleevskaya liniya, St. Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: pavlova.alex22@gmail.com

The article examines the problem of superposition of deductive and cognitive attitudes in the context of intuitionistic logic. The prerequisites and methods of modelling

* The reported study was funded by RFBR, project No. 20-011-00485 “Deliberative argumentation between reasoning and action”.

the change in knowledge within the framework of epistemic logic are studied. The main emphasis is placed on the difference in the understanding of truth and knowledge in classical and intuitionistic logic. It is shown that an alternative understanding of truth in intuitionistic logic entails an understanding of the modality of knowledge that is different from the one used in classical logic.

Keywords: intuitionism, logical semantics, dynamic logic, epistemic logic, diversity of agents

For citation: Pavlova, A.M. “Znanie i ego dinamika v intuitionsionistskoi logike” [Knowledge and its dynamics in intuitionistic logic], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2022, Vol. 15, No. 3, pp. 113–124. (In Russian)

References

- Artemov, S. & Protopopescu, T. “Intuitionistic epistemic logic”, *The Review of Symbolic Logic*, 2016, Vol. 9, No. 2, pp. 266–298.
- van Benthem, J. *Logical Dynamics of Information and Interaction*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2010. 373 pp.
- van Benthem, J. & Liu, F. “Diversity of Logical Agents in Games”, *Philosophia Scientiæ*, 2004, Vol. 8 (2), pp. 165–181.
- Brouwer, L.E.J. “Über die Bedeutung des Satzes vom ausgeschlossenen Dritten in der Mathematik, insbesondere in der Funktionentheorie”, *Journal für die reine und angewandte Mathematik*, 1924, Bd. 154, S. 1–7.
- van Dalen, D. & Troelstra, A. *Constructivism in Mathematics: An Introduction*, Vol. I. Amsterdam; New York; North-Holland: Elsevier, 1988. 361 pp.
- Egre, P. *Propositional Attitudes and Epistemic Paradoxes*, PhD thesis. Paris: Université Paris 1 Panthéon-Sorbonne, Institut d’Histoire et de Philosophie des Sciences et des Techniques, 2004. 316 pp.
- Kubyshkina, E. & Zaitsev, D. “Rational Agency from a Truth-Functional Perspective”, *Logic and Logical Philosophy*, 2016, Vol. 25 (4), pp. 499–520.
- Lewis, C.I. & Langford, C.H. *Symbolic Logic*. New York: Century Company, 1932. 605 pp.
- Lisanyuk, E.N. & Pavlova, A.M. “Logicheskie aspekty mnogoobraziya agentov” [Logical aspects of the diversity of agents], *Izvestiya Ural’skogo federal’nogo universiteta, Seriya 3: Obshchestvennye nauki*, 2016, Vol. 11, No. 4 (158), pp. 45–60. (In Russian)
- Liu, F. “Diversity of Agents and their Interaction”, *Journal of Logic, Language and Information*, 2008, Vol. 18 (1), pp. 23–53.
- Lorenzen, P. & Lorenz, K. *Dialogische Logik*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1978. 238 S.
- Pavlova, A.M. “What Hamblin’s Formal Dialectic Tells About the Medieval Logical Disputation”, *Logical Investigations*, 2017, Vol. 23, No. 1, pp. 151–176.
- Pavlova, A. “Dialogue games for minimal logic”, *Logic and Logical Philosophy*, 2021, Vol. 30, pp. 281–309.
- Protopopescu, T. *Three Essays in Intuitionistic Epistemology*, PhD thesis. New York: CUNY, 2016. 117 pp.
- Urzyczyn, P. “Intuitionistic Games: Determinacy, Completeness, and Normalization”, *Studia Logica*, 2016, Vol. 104, No. 5, pp. 957–1001.

ФИЛОСОФИЯ И НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ

Л.Б. Макеева

ТЕОРИЯ РЕЛЕВАНТНОСТИ, ПРАГМАТИКА И ПРОБЛЕМА ЗНАЧЕНИЯ*

Макеева Лолита Брониславовна – доктор философских наук. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; e-mail: lmakeeva@hse.ru

В статье обсуждается теория релевантности, выдвинутая в середине 1980-х гг. Дэном Спербером и Дэйдрой Уилсон, в контексте современного противоборства между сторонниками «философии идеального языка», или формальной семантики, и «философии обыденного языка». Хотя эта теория создавалась как вариант когнитивной прагматики, области на стыке когнитивных наук и теоретической лингвистики, она представляет безусловный интерес для философского осмысления языка, вербальной коммуникации и природы значения. Трактую вербальную коммуникацию как когнитивный процесс, Спербер и Уилсон формулируют два важнейших принципа, лежащих в основе этого процесса, – когнитивный и коммуникативный принципы релевантности. В статье разъясняются основные понятия теории – остенсивная коммуникация, информационное и коммуникативное намерение, оптимальная релевантность, экспликатура; демонстрируется, в чем авторы теории видят преимущество «инференциальной» модели коммуникации над «кодовой», как представляют процесс интерпретации высказывания говорящего слушающим на «имплицитном» и «эксплицитном» уровне и какую роль отводят в этом процессе прагматическим выводам. В ходе изложения теории релевантности проводится ее сопоставление с картиной вербальной коммуникации, разработанной Полом Грайсом, показывается, что, хотя Спербер и Уилсон во многом отталкиваются от идей Грайса, они вносят и существенные изменения, поэтому их считают представителями постграйсовской прагматики. В заключение анализируется, как, согласно теории релевантности, следует проводить границу между семантикой и прагматикой. Обсуждается, как предложенное в ней решение изменяет трактовку природы значения и какие это имеет последствия для философии.

Ключевые слова: релевантность, вербальная коммуникация, значение предложения; значение, вкладываемое говорящим; семантико-прагматическое различие, инференциальная модель коммуникации, экспликатура, имплицатура, коммуникативное намерение

Для цитирования: *Макеева Л.Б.* Теория релевантности, прагматика и проблема значения // Философский журнал / Philosophy Journal. 2022. Т. 15. № 3. С. 125–139.

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 г.

I

Что есть значение? Этот вопрос относится к центральным проблемам, занимавшим философов аналитической традиции на протяжении всего XX в. и продолжающим их волновать и в XXI в. Казалось бы, что может быть привычнее и банальнее того факта, что произносимые нами слова, словосочетания и предложения обладают значением, знание которого и позволяет нам понимать друг друга в нашей языковой коммуникации? Но как объяснить этот факт? В чем состоит феномен или природа значения – того, «что делает язык *языком*»?¹ Почему, произнося определенные звуки, люди способны выражать и передавать свои мысли, задавать вопросы, делиться своими соображениями и догадками, высказывать сомнения и совершать великое множество других действий? Именно на эти вопросы стремятся дать ответ философы языка, и нельзя не поразиться разнообразию выдвинутых в аналитической философии идей и концепций, посвященных проблеме значения. Впрочем, все это многообразие идей и подходов укладывается в две главные стратегии, которые сегодня в литературе принято обозначать как «философия идеального языка», или формальная семантика, и «философия обыденного языка». В первой стратегии, основы которой были заложены Фреге, Расселом, Карнапом и Тарским и которая во многом обрела свои современные очертания благодаря Ричарду Монтегю, язык рассматривается как формальная система, допускающая строгое описание средствами символической логики. Центральной идеей этой стратегии является тезис о том, что знать значение предложения, т.е. понимать его – значит знать условия, при которых это предложение было бы истинным. Для второй стратегии, берущей свое начало в трудах позднего Витгенштейна, Остина и Стросона, характерно подчеркнутое внимание к действительному словоупотреблению. Описывая богатое разнообразие форм вербальной коммуникации, сторонники этой стратегии отмечали наличие сложных и тонких нюансов значения в высказываниях собеседников, полностью выпадающих из рассмотрения, если значение трактуется в терминах условий истинности.

Противоборство этих двух стратегий было столь ожесточенным, что его часто описывали в таких выражениях, как «гомеровская борьба»² или «лингвистические войны»³. Казалось, что ничто не сможет примирить оппонентов и преодоление разногласий между ними произойдет, только когда одержит верх одна из сторон. Однако довольно скоро компромисс был предложен оксфордским философом Полом Грайсом в лекциях, прочитанных им в Гарварде в 1967 г. Проведя четкое различие между значением предложения (значением, складывающимся из конвенционального значения использованных в нем слов и словосочетаний) и значением, вкладываемым говорящим (*speaker's meaning*), Грайс показал, что если первое вполне допускает

¹ Dummett M. What Do I Know When I Know a Language // Dummett M. The Seas of Language. Oxford, 1996. P. 96.

² Strawson P.F. Meaning and Truth // Strawson P.F. Logico-Linguistic Papers. L., 1971. P. 172.

³ См.: Harris R.A. Linguistics Wars. N.Y.; Oxford, 1993. Хотя эта книга в основном посвящена важному противоборству в лингвистике – между структурно ориентированным подходом Н. Хомского с его упором на порождающей грамматике (или порождающем синтаксисе) и подходом Дж. Лакоффа, основанным на идее порождающей семантики, – выражение «лингвистические войны» часто используется и для отмеченного мной противоборства в философии языка.

объяснение в терминах условий истинности, то второе, связанное с особыми «коммуникативными» намерениями говорящего, имплицуруется (выводится) из сказанного на основе контекста высказывания и в соответствии с определенными нормами речевого общения – так называемым принципом кооперации и его максимами. В результате разработанная Грайсом теория импликатур, с одной стороны, стала мощным стимулом для развития прагматики как области исследования лингвистической коммуникации, а с другой – заставила разработчиков формальной семантики откорректировать свой подход. Как отмечает один из ведущих представителей данного подхода Скотт Соумс, если еще недавно философы языка, работающие в рамках формальной семантики, исходили из того допущения, что при произнесении того или иного предложения утверждаемое (или сказанное) говорящим исчерпывается семантическим содержанием произнесенного предложения, то «в последние два десятилетия эта картина стала сложнее благодаря признанию того, что (i) семантическое содержание некоторых предложений является неполным и требует добавления к нему прагматической информации, доступной из контекста высказывания, для образования оцениваемых по истинности кандидатов на роль утверждения и (ii) что, даже когда семантическое содержание предложения полно, это содержание часто может быть и дальше обогащено контекстуально представленной информацией»⁴.

Однако было бы неверно делать отсюда вывод о том, что отмеченное противоборство осталось в прошлом. Оно лишь перенесено в другую плоскость и касается теперь главным образом вопроса, где провести границу между семантикой и прагматикой высказываний в речевом общении. Иными словами, оно утратило характер сражений «по всему фронту» и переросло в серию «пограничных столкновений»⁵. Если для Грайса линией демаркации семантики и прагматики служит различие между сказанным и имплицированным, то многие исследователи, отталкиваясь от его идей при разработке прагматики и пересматривая их в некоторых важных аспектах, считают необходимым иначе провести эти границы. Среди предложенных решений особое место занимает теория релевантности, сформулированная Дэном Спербером и Дэйдрой Уилсон. Изложенная в книге 1986 г. «Релевантность: коммуникация и познание», эта теория нашла немало сторонников, и вокруг нее довольно быстро сложилось ведущее и наиболее перспективное направление в современной постграйсовской прагматике.

Теория релевантности, безусловно, известна отечественным лингвистам, тогда как философы в нашей стране пока не уделили ей достойного внимания, хотя она имеет несомненную философскую значимость, которая связана не только с тем, как решается в ней вопрос о границе между семантикой и прагматикой, но и с тем, как трактуется значение, передаваемое собеседниками в ходе их вербальной коммуникации. Именно эти философские аспекты теории Спербера и Уилсон я хотела бы обсудить в настоящей статье, но прежде нужно кратко изложить содержание этой теории. В своем обзоре я буду опираться как на книгу «Релевантность: коммуникация и познание», так и на более поздние работы Спербера и Уилсон, включая их

⁴ Soames S. What is Meaning? Princeton; Oxford, 2010. P. 17.

⁵ Или, как пишут Д. Спербер и Д. Уилсон, оно стало серией «пограничных стычек и вылазок» (Wilson D., Sperber D. Meaning and Relevance. N.Y., 2012. P. x).

совместный труд «Релевантность и значение» (2012), в котором подведены итоги развития теории за более чем два десятилетия и внесены в нее важные изменения и уточнения.

II

Теория релевантности представляет собой вариант когнитивной прагматики. «Когнитивная» в данном случае означает, что изучение вербальной коммуникации строится на выявлении лежащих в ее основе когнитивных процессов и механизмов, т.е., иначе говоря, она понимается как определенный сложно организованный познавательный процесс. Выбор такого ракурса рассмотрения не случаен, поскольку авторы теории релевантности Дэн Спербер и Дэйдра Уилсон занялись лингвистикой, будучи специалистами в области когнитивной науки⁶. Впрочем, их часто относят и к философам, поскольку на сегодняшний день довольно трудно, если вообще возможно, четко разграничить теоретическую лингвистику и философию языка, – представители и той и другой участвуют в совместных дискуссиях на «общем поле».

Когнитивная перспектива рассмотрения вербальной коммуникации заключается уже в самом понятии релевантности, которое трактуется как свойство, которым должна обладать поступающая на вход когнитивной системы и обрабатываемая ею информация. Способность фильтровать информацию и выбирать из нее все то, что является важным и полезным в текущей ситуации, т.е. что обеспечивает «когнитивное вознаграждение» или «когнитивный эффект», выработалась у человеческих существ в ходе их биологической эволюции. «В результате постоянного селекционного давления в сторону увеличения эффективности человеческая когнитивная система развивалась таким образом, что наши перцептивные механизмы автоматически настраивались на выбор релевантных стимулов и одновременно наши механизмы запоминания автоматически настраивались на обработку этих стимулов наиболее продуктивным образом»⁷. Это означает, что ключевой чертой в развитии когнитивных механизмов в их информационном взаимодействии с окружающей средой является направленность на максимизацию релевантности поступающих данных. Именно эта черта фигурирует в теории Спербера и Уилсон в качестве основного – «первого» или «когнитивного» – принципа релевантности:

«(1) Человеческое познание имеет тенденцию к максимизации релевантности»⁸.

Поскольку в жизни человеческих существ вербальная коммуникация образует важнейшую сферу обмена информацией, в ее основе действуют те же когнитивные механизмы и к ней в той же мере применимо понятие релевантности. Однако с учетом того, что язык представляет собой чрезвычайно

⁶ Если говорить точнее, то Дэн Спербер является французским антропологом и когнитивным ученым, а Дэйдра Уилсон – британским лингвистом и тоже когнитивным ученым.

⁷ *Wilson D., Sperber D. Relevance Theory // UCL Working Papers in Linguistics. 2002. Vol. 14. P. 254.*

⁸ *Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and cognition. 2nd ed. Oxford, 1995. P. 260.*

сложно устроенное и совершенное средство передачи информации, «коммуникативный» принцип релевантности содержит в себе важные уточнения:

«(2) Каждый акт остенсивной коммуникации несет в себе допущение о своей собственной оптимальной релевантности»⁹.

В формулировке этого принципа используется термин «остенсивный», который требует пояснения. Обычно остенсией или остенсивным определением называют определение через указание на предмет, который обозначается определяемым термином или понятием. Однако Спербер и Уилсон трактуют остенсию шире – как особый вид поведения, в котором проявляется «явное намерение сделать что-то явным»¹⁰, например, человек намеренно сдвигается в сторону, чтобы тот, с кем он в настоящий момент общается, смог увидеть то, вид чего он до этого заслонял (скажем, приближающегося к ним знакомого), и именно так прочитывается его действие, т.е. не как произвольное, а как реализующее «явное» намерение. Вслед за Грайсом теоретики релевантности полагают, что важнейшим аспектом коммуникации служит распознавание намерений, а потому относят коммуникацию, включая вербальную, к остенсивному поведению. Впрочем, они вносят важные коррективы в грайсовскую трактовку процесса распознавания намерений, но об этом, а также о том, что они понимают под «допущением о своей собственной оптимальной релевантности», я скажу чуть позже, а пока вернусь к когнитивным аспектам теории и отмечу еще несколько моментов.

Во-первых, указанные два принципа релевантности являются дескриптивными, а не нормативными, т.е. они фиксируют встроенные в когнитивную систему механизмы ее действия, потому они могут и не осознаваться теми, кто реализует их в своем поведении.

Во-вторых, поскольку релевантность представляет собой не абсолютное, а относительное свойство, которым поступающая информация может обладать в большей или меньшей степени, то встает вопрос о том, что считать ее оптимальной мерой. Отвечая на этот вопрос, теоретики релевантности исходят из того, что когнитивные эффекты могут быть как позитивными (способствующими осуществлению когнитивной системой своих целей), так и негативными (препятствующими этому осуществлению), а также из того, что получение когнитивных эффектов предполагает усилия на их обработку (усилия по репрезентации входных данных, обеспечению доступа к контексту и т.п.). В результате оптимальная релевантность в понимании Спербера и Уилсона оказывается чем-то вроде компромисса между когнитивными эффектами и усилиями: чем больше их пропорциональное соотношение, тем ближе к оптимальному значению релевантность входных данных.

В-третьих, теория релевантности строится на основе «модулярной» модели функционирования человеческого разума, разработанной американским философом Джерри Фодором¹¹. Согласно этой модели, в разуме имеется «центральный процессор», способный производить колоссальное количество вычислений, и ряд «модулей», которые, будучи автоматически и информационно инкапсулированными ментальными механизмами особого назначения, снабжают центральный процессор информацией. Одним

⁹ *Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and cognition. P. 260.*

¹⁰ *Ibid. P. 49.*

¹¹ *См.: Fodor J.A. The Modularity of Mind: An Essay on Faculty Psychology. Cambridge (MA), 1983.*

из таких модулей является языковой модуль, который активируется только вербальными стимулами. В дальнейшем Спербер и Уилсон внесли значительные изменения в эту модель (касающиеся, в частности, центрального процессора, который также был представлен состоящим из отдельных модулей), однако это не столь важно для целей настоящей статьи.

Отталкиваясь от указанных когнитивных представлений, теоретики релевантности предложили новое видение вербальной коммуникации. Прежде всего, они подвергли критике так называемую кодовую модель коммуникации, которая, по их мнению, лежит в основе всех традиционных лингвистических теорий. Согласно этой модели, высказывания представляют собой особого рода сигналы, кодирующие сообщения, которые говорящие намерены передать, и понимание слушающими этих сообщений достигается в результате декодирования данных сигналов. Здесь предполагается, что для каждого значения, которое намерен сообщить говорящий своему собеседнику, есть предложение, имеющее тождественное лингвистическое (или буквальное) значение, поэтому-то передача значения и считается делом кодирования его в соответствующую вербальную форму, которую слушающий декодирует обратно в соответствующее лингвистическое значение. Однако, полагают Спербер и Уилсон, «идея о том, что для большинства, если не для всех, возможных значений, которые говорящий мог бы намереваться передать, имеется предложение естественного языка, которое имеет точно такое же значение в качестве своего лингвистического значения, является совершенно неправдоподобной»¹². Этот свой вывод теоретики релевантности основывают на следующих соображениях.

Кодовая модель, согласно Сперберу и Уилсон, является нереалистичной картиной вербальной коммуникации, поскольку в ней не учитывается существование значительного разрыва между закодированным в произнесенном предложении значением и тем значением, которое говорящий намеревался передать собеседнику посредством этого закодированного значения. Этот разрыв, как полагают многие разработчики современной прагматики¹³, заполняется выводом. Огромная заслуга Грайса как раз и состоит в том, что он указал на необходимость делать определенные выводы в процессе вербальной коммуникации и описал в своей теории имплицатур, как эти выводы совершаются. Тем самым Грайс открыл альтернативу для классической кодовой модели коммуникации – так называемую инференциальную модель, однако, по мнению теоретиков релевантности, он сделал лишь первый шаг в нужном направлении, ибо был склонен минимизировать разрыв между значением предложения и значением, вкладываемым говорящим. В представлении Грайса декодируемое слушающим значение предложения (после того, как приписаны референты индексикальным выражениям, снята многозначность используемых слов и словосочетаний и получены имплицатуры) является очень близким по содержанию к выражению мысли, которую ему намеревался сообщить говорящий. Спербер и Уилсон с этим совершенно не согласны, поскольку это не согласуется с реальной практикой нашей коммуникации. Начнем с того, что, если бы произнесенные предложения достаточно полно кодировали сообщаемую мысль, людям пришлось бы произносить

¹² Wilson D., Sperber D. Meaning and Relevance. P. ix.

¹³ См., к примеру: Carston R. Thoughts and Utterances: The Pragmatics of Explicit Communication. Oxford, 2002.

крайне длинные предложения. Например, вместо того, чтобы сказать своему собеседнику следующее: «Думаю, что Сюзан положила книгу на полку в гостиной»¹⁴, говорящий был бы вынужден произнести примерно следующее: «Я думаю, что Сюзан Томас, моя сестра, положила книгу Спербера, которую она купила два дня назад, на одну из полок в гостиной, расположенной на первом этаже этого дома». Этот пример и множество подобных ему свидетельствуют о том, что значение предложения, как правило, является довольно фрагментарным и неполным и поэтому значение, передаваемое говорящим, значительно выходит за рамки минимальной пропозиции, получаемой при снятии многозначности и приписывании референтов.

Указанная особенность вербальной коммуникации была обобщена в так называемом *тезисе лингвистической недоопределенности* (the linguistic underdeterminacy thesis): то, что люди буквально говорят, менее информативно, чем то, что они действительно хотят передать. Теоретики релевантности одними из первых выступили в защиту этого тезиса и на его основе сделали ряд важных выводов.

Во-первых, произносимые предложения не кодируют значение, вкладываемое говорящим, не кодируют даже его части, ибо их функция состоит в ином – в обеспечении свидетельств, на основании которых слушающий выводит это значение, причем указанные свидетельства предоставляются не только произнесенным предложением, но и контекстом высказывания. Впрочем, это не означает, что процессы кодирования и декодирования полностью исключаются из вербальной коммуникации, поскольку произносимое предложение представляет собой «лингвистически закодированное свидетельство».

Во-вторых, произносимые предложения не выражают полноценные пропозиции, содержание которых фиксируется их условиями истинности, а являются скорее схематичными логическими формами, преобразуемыми в пропозиции посредством выводов, которые делает слушающий¹⁵. Не совсем понятно, что Спербер и Уилсон имеют в виду под схематичными логическими формами. Из того, что они пишут по этому поводу, можно заключить, что, поскольку мы не можем буквально кодировать мысли, которые хотим передать, мы вычлняем из них нечто наиболее важное (релевантное), что в купе с данными, предоставляемыми контекстом, позволит слушающему воспроизвести нашу мысль и тем самым понять, что мы хотели сказать. Возьмем, к примеру, такое произнесенное кем-то предложение: «Эта книга трудна». Даже после того, как будет контекстуально установлена референция выражения «эта книга», данное высказывание все равно остается семантически неполным, и для превращения его в полную, имеющую истинностное значение пропозицию слушающий должен решить, для чего именно, в представлении говорящего, эта книга трудна – для чтения, понимания, написания, обзора, продажи, поиска и т.п. Было бы неправдоподобно допускать, считают Спербер и Уилсон, что информацию для этого решения

¹⁴ Здесь я воспользовалась примером из: Yus F. Relevance Theory // The Oxford Handbook of Linguistic Analysis. Oxford, 2010. P. 687.

¹⁵ Как правило, эти выводы трактуются как недедуктивные или правдоподобные, и, поскольку они совершаются на основе информации, получаемой из контекста, их принято называть прагматическими.

слушающий может извлечь из лингвистических правил и конвенций, определяющих семантику данного высказывания.

В-третьих, если Грайса интересуют главным образом выводы в процессе «имплицитной» коммуникации, т.е. в ходе распознавания «скрытого» намерения, с которым говорящий произнес свои слова, то для теоретиков релеванности выводы играют важную роль и на «эксплицитном» уровне, связанном с обработкой лингвистически закодированных свидетельств. Для такого рода выводов ими был введен специальный термин – *экспликатура* (*expliciture*), которой они дали следующее определение: «пропозиция, передаваемая произнесенным предложением, является экспликатурой, если и только если она является развитием логической формы, закодированной в данном произнесенном предложении»¹⁶. Совместно имплицатуры и экспликуратуры образуют то, что является значением, передаваемым говорящим. Для иллюстрации экспликуратуры Спербер и Уилсон приводят такой пример¹⁷: однажды вечером Лиза забежала к своим соседям Джонсонам, когда они сидели за ужином, и произошел следующий фрагмент разговора:

- a. Алан Джонсон: Не присоединись к нашему ужину?
- b. Лиза: Нет, спасибо. Я поела.

Произнеся: «Я поела», Лиза хотела сказать не просто то, что она съела что-то в предшествующее время (как было бы истолковано значение ее высказывания при чисто семантическом анализе), она сказала нечто более сильное, а именно, что она уже поужинала в вечер, когда происходит разговор. Это и является экспликатурой (обогащением логической формы произнесенного ею предложения), которую должны с помощью прагматического вывода получить ее собеседники, чтобы правильно понять ее слова. Более того, они так поймут ее слова автоматически, что указывает на неосознаваемый характер многих прагматических выводов.

Наконец, в своем изложении я подошла к ключевому аспекту теории релеванности – к вопросу о том, как в целом происходит понимание или интерпретация слушающими высказывания говорящего. Вслед за Грайсом Спербер и Уилсон исходят из того, что понимание высказывания связано с распознаванием стоящего за ним намерения говорящего, однако если у автора теории имплицатур намерение что-либо сообщить истолковывается как «рефлексивное», т.е. включающее как часть своего содержания необходимость распознавания этого намерения слушающими для обеспечения успешной коммуникации, то в теории релеванности постулируется существование двух видов намерений – информационных (намерений передать сообщение) и коммуникативных (намерений предупредить слушающих о своем информационном намерении); правда, также признается, что для успешной коммуникации необходимо осуществление обоих намерений. Специфика вербальной коммуникации, в представлении Спербера и Уилсон, состоит в том, что в ней коммуникативное намерение лежит на «поверхности», является явным и легко считываемым, ибо, когда человек вступает с нами в разговор, мы мгновенно, без всяких ментальных усилий понимаем, что он собирается нам что-то сообщить. Именно поэтому вербальная коммуникация является остенсивной в том смысле, который был разъяснен выше. И именно об этом, по сути, говорит коммуникативный принцип

¹⁶ Wilson D., Sperber D. Meaning and Relevance. P. 12.

¹⁷ Ibid. P. 11.

релевантности: стремясь к успешной коммуникации, говорящий своим актом высказывания указывает, что он ожидает от слушающих восприятия его высказывания как релевантного. В этом и заключается допущение о собственной оптимальной релевантности, которое несет в себе любой акт остенсивной коммуникации. Разумеется, наличие этого допущения не отменяет, а, наоборот, подводит слушающих к необходимости решить более сложную задачу – распознать информационное намерение говорящего, выстроив посредством соответствующих выводов интерпретацию его высказывания.

В своем описании процесса интерпретации (понимания) слушающим высказывания говорящего теоретики релевантности отмечают несколько его важных характеристик¹⁸. (а) Любое произносимое предложение имеет множество возможных интерпретаций, совместимых с информацией, которая в нем закодирована, поэтому интерпретационная задача, стоящая перед слушающим, заключается в выборе наиболее подходящей интерпретации из этого множества. (б) Не все возможные интерпретации сразу приходят в голову слушающему, некоторые из них появляются после усиленных размышлений над словами говорящего. (в) В распоряжении слушающих имеется единственный общий критерий для оценки интерпретаций и выбора среди них наиболее подходящей. Таким критерием является релевантность. (г) Этот критерий является достаточно эффективным, и его применение позволяет исключить все возможные интерпретации, кроме одной, и на этом прекратить свои поиски.

Каким же образом коммуникативный принцип релевантности осуществляет свою регулятивную функцию в процессе поиска интерпретации для высказывания говорящего? Согласно Сперберу и Уилсон, допущение оптимальной релевантности, которое содержится в каждом акте вербальной коммуникации¹⁹ и означает, что высказывания говорящего заслуживают «обработки» со стороны слушающего и их релевантность согласуется со способностями и предпочтениями говорящего²⁰, с одной стороны, порождает в слушающем ожидание, что высказывание говорящего будет релевантным в каком-то отношении, а с другой – образует основу для особой – *релевантноориентированной* – эвристики понимания, которую слушающие могут использовать в ходе интерпретации высказываний говорящих: «(а) Следуй по пути наименьшего усилия при построении интерпретации высказывания (и, в частности, при разрешении многозначностей и референциальных неопределенностей, при выходе за пределы лингвистического значения, при определении контекстуальных допущений, при вычислении импликатур и т.п.). (б) Остановись, когда твои ожидания релевантности удовлетворены»²¹.

¹⁸ В ясном и обобщенном виде эти характеристики представлены в работе: *Wilson D. Relevance and Understanding // Language and Understanding. Oxford, 1994. P. 44.*

¹⁹ По их словам, «говорящие... не могут, если они совершают подлинный акт коммуникации (а не, скажем, репетируют речь), производить высказывания, которые не несут в себе допущения об их собственной релевантности» (*Wilson D., Sperber D. Meaning and Relevance. P. 6).*

²⁰ *Ibid. P. 7.* См. также: *Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and Cognition. P. 266–278.*

²¹ *Wilson D., Sperber D. Meaning and Relevance. P. 7.*

Таким образом, используя релевантно ориентированную эвристику, слушающий должен совершить ряд прагматических выводов, которые позволят ему обогатить закодированное значение произнесенного предложения на эксплицитном уровне и дополнить его на имплицитном уровне, а также добавить контекстуальные допущения, которые вкупе с дополненным и обогащенным значением высказывания обеспечат достаточно заключений (или других позитивных когнитивных эффектов), чтобы сделать высказывание релевантным в ожидаемом плане. Совершая все эти выводы, слушающий «измеряет» релевантность в соответствии с критерием «цена-выгода», т.е. он будет склонен выбрать ту интерпретацию, которая удовлетворяет условию наибольшего когнитивного вознаграждения при наименьших ментальных усилиях. В случае вербальной коммуникации позитивные когнитивные эффекты, как правило, представляют собой изменения во взглядах и верованиях индивида. Новая информация считается релевантной, если она, к примеру, позволяет подтвердить или укрепить имеющиеся верования, либо, наоборот, ослабить их или даже аннулировать, либо, сочетаясь с имеющимися у индивида допущениями, привести к важным для него заключениям.

Для иллюстрации рассмотрим следующий пример из книги Уилсон и Спербера «Релевантность и значение»²²:

- a. Билл: Я слышал, ты переехала с Манхэттена в Бруклин.
- b. Сью: Арендная плата ниже.

Интерпретируя высказывание Сью, Билл, в соответствии с коммуникативным принципом релевантности, ожидает, что оно будет релевантным в отношении его собственного замечания, например, опровергнет его, или разовьет в каком-то новом аспекте, или будет включать ответ на имплицитно содержащийся в нем вопрос: «Почему ты переехала?». Поскольку наиболее легкой и подходящей интерпретацией высказывания Сью в этом случае было бы то, что она объясняет свой поступок, Билл должен на эксплицитном уровне дополнить ее высказывание: истолковать «арендная плата» как «арендная плата в Бруклине», а «ниже» – как «меньше по стоимости, чем на Манхэттене» и тем самым принять имплицитное допущение, что более низкая арендная плата является причиной для переезда. Исходя из него, Билл мог бы добавить к нему и другие имплицитные послышки (например, то, что Сью не могла себе позволить арендную плату на Манхэттене, или то, что Сью предпочла бы тратить как можно меньше на аренду) и в зависимости от выбранной посылки сделать свое имплицитное заключение (импликатуру). Поскольку в намерения Сью, когда она отвечала на замечание Билла, входило, чтобы он добавил подобную посылку и вывел подобное заключение, выстроенную им интерпретацию можно считать воспроизведением значения, которое Сью намеревалась передать ему в своем высказывании.

Спербер и Уилсон предложили свой коммуникативный принцип релевантности в противовес принципу кооперации Грайса, ибо считали, что он позволяет дать более адекватное объяснение того, как достигается понимание в ходе вербальной коммуникации. Во-первых, хотя для Грайса интерпретация высказывания говорящего включает построение определенных выводов, в его описании они представляют собой довольно сложную последовательность шагов, которую можно выполнить только осознанно

²² Wilson D., Sperber D. Meaning and Relevance. P. 15.

и рационально. Однако обычно люди не осознают, как они выводят свои интерпретации, поэтому принцип релевантности, отражающий эволюционно закрепленную особенность функционирования когнитивной системы, которая по большей части автоматически выполняет эти выводы, намного лучше согласуется с этим фактом. Во-вторых, в отличие от двухступенчатой модели коммуникации Грайса, согласно которой человек вначале интерпретирует услышанное высказывание буквально, осознает его неадекватность и только затем переходит к выявлению имплицитной информации и построению импликатур, в теории релевантности процесс интерпретации высказывания изображается как более гибкий и динамичный, не предполагающий четкой последовательности шагов: решаемые в процессе интерпретации подзадачи (снятие многозначности и референциальной неопределенности, построение экспликатур, выявление контекстуальных допущений и имплицитных посылок, выведение импликатур) вполне допускают возврат на предыдущие шаги для пересмотра полученных результатов.

Таковы в общих чертах ключевые положения теории релевантности. Эта теория задумывалась, скорее, не как философское, а как научное исследование вербальной коммуникации в рамках когнитивного подхода, но на сегодняшний день еще нет возможности подтвердить или опровергнуть данное в ней описание когнитивных механизмов коммуникативной деятельности. Основные принципы и тезисы теории релевантности имеют пока статус гипотез, хотя ее создатели отмечают в качестве важного достижения тот факт, что выдвинутые ими «гипотезы в отношении базовых когнитивных диспозиций и механизмов, задействованных в интерпретации высказывания... способствовали развитию экспериментальной прагматики»²³. Как бы то ни было, теория релевантности имеет и философскую значимость, о которой я хотела бы сказать в завершении своей статьи.

III

Как было отмечено в самом начале, интерес философов языка к возникшему благодаря усилиям Грайса и его последователей новому направлению исследований – прагматике – вылился, прежде всего, в обсуждение вопроса о границе между семантикой и прагматикой. Как известно, в течение долгого времени доминирующим было представление о том, что «прагматика – это изучение того, каким образом знаки или символы употребляются в контексте, тогда как семантика касается значения символа, взятого в абстракции от его употребления»²⁴. Однако как разработки в рамках самой формальной семантики²⁵, так и исследования позднего Витгенштейна и философов обыденного языка показали, что лингвистическое выражение приобретает значение,

²³ *Wilson D., Sperber D. Meaning and Relevance. P. x.* Подробнее об экспериментальной прагматике см.: *Experimental Pragmatics. Basingstoke, 2004.*

²⁴ *Salmon N. Two Conceptions of Semantics // Semantics versus Pragmatics. Oxford, 2005. P. 317.*

²⁵ Например, исследования Дэвида Каплана показали, что семантика таких индексикальных выражений, как «здесь», «этот» и др., с необходимостью включает релятивизацию стандартных семантических атрибутов, таких как истинностное значение, содержание и денотация относительно контекстов их употребления (см.: *Kaplan D. Demonstratives // Themes from Kaplan. Oxford, 1989. P. 481–563.*)

которое оно имеет (отчасти или полностью), посредством его употребления. Грайс же, проведя различие между значением предложения (изучаемым семантикой) и значением, вкладываемым говорящим (изучаемым прагматикой), по сути, лишил семантику ее претензий на исключительное «владение» значением. В результате граница между семантикой и прагматикой была истолкована им как граница между сказанным и имплицированным. Однако некоторые последователи Грайса сочли его решение непоследовательным, поскольку в нем признается буквальное или конвенциональное значение предложения, определяемое условиями истинности. Обозначив эту позицию как *буквализм*, ряд исследователей, включая Спербера и Уилсон, противопоставили ей так называемый *контекстуализм*, согласно которому то, что Грайс называет значением предложения, не является полноценной пропозицией и, чтобы образовать такую пропозицию, оно должно быть значительно дополнено посредством прагматических выводов на основе контекста его произнесения²⁶. Это означает, что граница между семантикой и прагматикой проходит иначе – между информацией, кодируемой в вербальной коммуникации, и информацией, получаемой благодаря прагматическим выводам.

На первый взгляд, семантико-прагматическое различие может показаться чисто терминологическим и не затрагивающим природы языка, коммуникации и значения, но это не так. Во-первых, это различие имеет важные методологические последствия. Как показало развитие формальной семантики и прагматики, созданной Грайсом, в языке и вербальной коммуникации есть немало аспектов (индексикальность, многозначность, неопределенность, условные и контрфактические высказывания и многое другое), которые допускают как семантическое решение, так и прагматическое. На каких основаниях можно было бы отдать предпочтение одному из этих решений? Возможны ли критерии оценивания достоинств каждого из них? Думаю, что ответы на данные вопросы можно будет найти, только если мы четко очертим роль и область действия семантических и прагматических факторов в вербальной коммуникации.

Во-вторых, позволю себе высказать предположение, что философы, выступающие за автономность семантики и против ее поглощения прагматикой, стремятся сохранить тот философский взгляд на проблему значения, который сформировался и поддерживался на протяжении XX столетия. Я имею в виду, что, как бы ни трактовалось значение лингвистического выражения – как физическая или абстрактная сущность, как способ употребления, как выражение условий истинности, как диспозиция к определенному поведению и т.п., – его источник, так сказать, всегда локализовался в чем-то одном, что позволяло и само значение рассматривать как нечто единое и определенное²⁷. Если же взять трактовку значения, предлагаемую в рамках современной прагматики, то здесь значение предстает как вырастающее из самых разных источников, будь то психические состояния говорящих (их намерения, верования и воспоминания), биологически закрепленные когнитивные структуры, контекст (как физический, так и социально-

²⁶ Подробнее о противостоянии буквализма и контекстуализма см.: *Вострикова Е.В.* Семантика vs прагматика: современные подходы // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2011. Т. XXX. № 4. С. 99–115.

²⁷ Впрочем, именно этот взгляд на значение был подвергнут критике поздним Витгенштейном в его «Философских исследованиях».

культурный) и т.п. Значение оказывается чем-то сложным и разнородным, и непонятно, как все его разрозненные части могут быть объединены вместе. Я не берусь здесь судить о том, какой из этих двух взглядов на природу значения является правильным. Я хочу лишь обратить внимание читателя на то, как много вещей связано в философии с трактовкой значения предложения как чего-то единого и определенного, как полноценной пропозиции. В логике суждение (высказывание или пропозиция) трактуется как мысль, выражаемая декларативным предложением, т.е. как составляющая его значение. В эпистемологии пропозиции выступают первичным носителем истинностного значения. В философии сознания без них не может обойтись анализ пропозициональных установок (выражений вроде «знает, что», «считает, что», «надеется, что» и т.п.). Радикальный пересмотр природы значения, предлагаемый в рамках современной прагматики, заставляет отказаться от многих сложившихся в философии стереотипов или, во всяком случае, внести значительные коррективы в ряд важных общепринятых допущений.

И еще один момент я хотела бы отметить. Для философов характерно рассмотрение языка и вербальной коммуникации в целом как социального феномена. В теории релевантности же упор сделан на когнитивных механизмах, а социальное измерение коммуникации, по сути, оказалось вынесенным за скобки: если оно как-то предполагается, то только лишь в сократившихся в своей функциональной значимости процессах кодирования и декодирования конвенциональных значений. Хотя Спербер и Уилсон признают это и отмечают, что всеобъемлющая картина коммуникации должна включать и когнитивный, и социальный факторы, не совсем понятно, как можно было бы, опираясь на допущения, лежащие в основе теории релевантности, выстроить адекватное объяснение социальных аспектов коммуникации. Впрочем, справедливости ради нужно сказать, что теоретики релевантности предпринимают шаги в этом направлении, стремясь вписать вербальную коммуникацию в контекст «культурной эволюции»²⁸.

Список литературы:

- Вострикова Е.В. Семантика vs прагматика: современные подходы // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки*. 2011. Т. XXX. № 4. С. 99–115.
- Грайс П. Значение / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой // *Философский журнал / Philosophy Journal*. 2020. Т. 13. № 4. С. 69–88.
- Грайс П. Логика и речевое общение / Пер. с англ. В.В. Туrowsкого // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
- Carston R. *Thoughts and Utterances: The Pragmatics of Explicit Communication*. Oxford: Blackwell, 2002. 432 p.
- Dummett M. What Do I Know When I Know a Language // *Dummett M. The Seas of Language*. Oxford: Clarendon Press, 1996. P. 94–105.
- Experimental Pragmatics / Ed. by I. Noveck, D. Sperber. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. 348 p.
- Fodor J.A. *The Modularity of Mind: An Essay on Faculty Psychology*. Cambridge (MA): MIT Press, 1983. 145 p.
- Harris R.A. *Linguistics Wars*. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1993. 372 p.

²⁸ См.: *Sperber D. Explaining Culture: A Naturalistic Approach*. Oxford, 1996; *Metarepresentations: A Multidisciplinary Perspective*. Oxford, 2000.

- Kaplan D.* Demonstratives // *Themes from Kaplan* / Ed. by J.P. Almog, H. Wettstein. Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 481–563.
- Metarepresentations: A Multidisciplinary Perspective* / Ed. by D. Sperber. Oxford: Oxford University Press, 2000. 464 p.
- Salmon N.* Two Conceptions of Semantics // *Semantics versus Pragmatics* / Ed. by Z.G. Szabo. Oxford: Clarendon Press, 2005. P. 317–328.
- Soames S.* What is Meaning? Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2010. 144 p.
- Sperber D.* Explaining Culture: A Naturalistic Approach. Oxford: Blackwell Publishers, 1996. 184 p.
- Sperber D., Wilson D.* Relevance: Communication and Cognition. 2nd ed. Oxford: Blackwell, 1995. 338 p.
- Strawson P.F.* Meaning and Truth // *Strawson P.F. Logico-Linguistic Papers*. L.: Methuen & Co. Ltd, 1971. P. 170–189.
- Wilson D.* Relevance and Understanding // *Language and Understanding* / Ed. by G. Brown, K. Malmkjaer, A. Pollit, J. Williams. Oxford: Oxford University Press, 1994. P. 35–58.
- Wilson D., Sperber D.* Relevance Theory // *UCL Working Papers in Linguistics*. 2002. Vol. 14. P. 249–287.
- Wilson D., Sperber D.* Meaning and Relevance. N.Y.: Cambridge University Press, 2012. 395 p.
- Yus F.* Relevance Theory // *The Oxford Handbook of Linguistic Analysis* / Ed. by B. Heino, H. Narrog. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 679–701.

The relevance theory, pragmatics and the problem of meaning*

Lolita B. Makeeva

National Research University Higher School of Economics. 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation; e-mail: lmakeeva@hse.ru

The paper discusses the theory of relevance, advanced in the middle of the 1980s by Dan Sperber and Deidra Wilson, in the context of opposition between the proponents of “ideal language philosophy”, or formal semantics, and adherents of “ordinary language philosophy”. Though the theory was created as a version of cognitive pragmatics, an area at the junction of cognitive sciences and theoretical linguistics, it is of undoubted interest for philosophical comprehension of language, verbal communication, and the nature of meaning. Treating verbal communication as a cognitive process, Sperber and Wilson formulate the two most important principles underlying the process – the cognitive principle of relevance and the communicative principle of relevance. The paper explains the basic notions of the theory – ostensive communication, informative and communicative intentions, optimal relevance, explicature; it reveals the advantages that the authors of the theory see in the “inferential” model of communication over the “code” model and discusses how they present the process of understanding a speaker’s utterance by a hearer on the “implicit” and “explicit” levels and what role in the process they ascribe to pragmatic inferences. The account of the relevance theory is accompanied by its comparison with the picture of verbal communication elaborated by Paul Grice, and it is shown that though Sperber and Wilson make a start from Grice’s ideas in many respects, they introduce significant alterations and so they are regarded as representatives of post-Gricean pragmatics. In conclusion, it is examined how, according to the relevance theory, the semantics/pragmatics distinction should be drawn. It is discussed how the proposed decision alters the understanding of the nature of meaning and what consequences it has for philosophy.

* The article has been prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program, 2022.

Keywords: relevance, verbal communication, sentence meaning, speaker meaning, semantics/pragmatics distinction, inferential model of communication, explicature, implicature, communicative intention

For citation: Makeeva, L.B. “Teoriya relevantnosti, pragmatika i problema znacheniya” [The relevance theory, pragmatics and the problem of meaning], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2022, Vol. 15, No. 3, pp. 125–139. (In Russian)

References

- Carston, R. *Thoughts and Utterances: The Pragmatics of Explicit Communication*. Oxford: Blackwell, 2002. 432 pp.
- Dummett, M. “What Do I Know When I Know a Language” in: M. Dummett, *The Seas of Language*. Oxford: Clarendon Press, 1996, pp. 94–105.
- Fodor, J.A. *The Modularity of Mind: An Essay on Faculty Psychology*. Cambridge, MA: MIT Press, 1983. 145 pp.
- Grice, H.P. “Logika i rechevoe obshchenie” [Logic and Conversation], trans. by V.V. Turovskii, *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [The New in Foreign Linguistics], Vol. XVI. Moscow: Progress Publ., 1985, pp. 217–237. (In Russian)
- Grice, H.P. “Znachenie” [Meaning], trans. by L.B. Makeeva, *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2020, Vol. 13, No. 4, pp. 69–88. (In Russian)
- Harris, R.A. *Linguistics Wars*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1993. 372 pp.
- Kaplan, D. “Demonstratives”, *Themes from Kaplan*, ed. by J.P. Almog and H. Wettstein. Oxford: Oxford University Press, 1989, pp. 481–563.
- Noveck, I. & Sperber, D. (eds.) *Experimental Pragmatics*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. 348 pp.
- Salmon, N. “Two Conceptions of Semantics”, *Semantics versus Pragmatics*, ed. by Z.G. Szabo. Oxford: Clarendon Press, 2005, pp. 317–328.
- Soames, S. *What is Meaning?* Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2010. 144 pp.
- Sperber, D. *Explaining Culture: A Naturalistic Approach*. Oxford: Blackwell Publishers, 1996. 184 pp.
- Sperber, D. (ed.) *Metarepresentations: A Multidisciplinary Perspective*. Oxford: Oxford University Press, 2000. 464 pp.
- Sperber, D. & Wilson, D. *Relevance: Communication and Cognition*, 2nd ed. Oxford: Blackwell, 1995. 338 pp.
- Strawson, P.F. “Meaning and Truth”, in: P.F. Strawson, *Logico-Linguistic Papers*. London: Methuen & Co. Ltd, 1971, pp. 170–189.
- Vostrikova, E.V. “Semantika vs pragmatika: sovremennye podkhody” [Semantics vs Pragmatics: Contemporary Approaches], *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filozofiya nauki*, 2011, Vol. XXX, No. 4, pp. 99–115. (In Russian)
- Wilson, D. “Relevance and Understanding”, *Language and Understanding*, ed. by G. Brown, K. Malmkjaer, A. Pollit and J. Williams. Oxford: Oxford University Press, 1994, pp. 35–58.
- Wilson, D. & Sperber, D. “Relevance Theory”, *UCL Working Papers in Linguistics*, 2002, Vol. 14, pp. 249–287.
- Wilson, D. & Sperber, D. *Meaning and Relevance*. New York: Cambridge University Press, 2012. 395 pp.
- Yus, F. “Relevance Theory”, *The Oxford Handbook of Linguistic Analysis*, ed. by B. Heino, H. Narrog. Oxford: Oxford University Press, 2010, pp. 679–701.

М.А. Смирнов

ОСНОВАНИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КОРРЕКТНОСТИ* **

Смирнов Михаил Алексеевич – исследователь. Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки». Российская Федерация, 105062, г. Москва, Лялин пер., д. 1/36, стр. 2; e-mail: mikhailsmirnov84@gmail.com

Понятие семантической корректности (осмысленности) высказываний активно используется в логико-философской и лингвистической литературе, а также в экспериментальной когнитивистике. Однако его содержание недостаточно прояснено, о чем свидетельствует множество дискуссионных моментов, возникающих при его употреблении. В настоящей работе впервые отчетливо артикулируется и решается ряд взаимосвязанных проблем, анализ которых необходим для прояснения этого понятия. Прежде всего, ставится вопрос о том, является ли семантическая корректность нормативной или дескриптивной характеристикой (иначе говоря, указывает ли она на некий общезначимый идеал использования языка, приписываемый абстрактному рациональному агенту, но необязательно реализуемый и даже осознающийся реальными агентами, или же на определенное отношение к языковым выражениям конкретных пользователей языка). Показывается, что понятие семантической корректности закрепляется в теоретических контекстах как нормативное в связи с его ролью в концепциях научной рациональности. При этом у него можно зафиксировать и дескриптивный аспект, однако необходимо четко определить, в чем этот аспект состоит. В частности, следует ответить на вопрос о том, можно ли отождествлять семантическую корректность в естественном языке с сочетаемостью онтологических категорий в картине мира, принимаемой пользователем языка (назовем это онтологической корректностью). В статье показывается, что такое отождествление недопустимо. Онтологические категориальные ошибки не следует относить к семантическим девиациям, поскольку в таком случае невозможно четко отграничить бессмысленные предложения от противоречивых и просто ложных предложений естественного языка. Наконец, предлагается оригинальный взгляд на специфику дихотомии осмысленно/бессмысленно: она занимает особое место в ряду семантических дистинкций, относясь к структурным закономерностям приращения знаний и развертывания дискурса. Из этой перспективы предлагается единый подход к условиям осмысленности/бессмысленности высказываний с учетом ряда

* Подготовлено при поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00496 «Семантическая структура пропозициональных установок сознания».

** Автор благодарит Е.Г. Драгалину-Черную и П.С. Куслия за ценные замечания и рекомендации в адрес ранних версий этой работы.

факторов; в частности, анализируются условия бессмысленности для противоречий и тавтологий.

Ключевые слова: осмысленность, семантическая девиантность, семантическая корректность, теоретико-типовая семантика

Для цитирования: Смирнов М.А. Основания, проблемы и перспективы современных концепций семантической корректности // *Философский журнал / Philosophy Journal*. 2022. Т. 15. № 3. С. 140–156.

1. Введение

Понятие семантической корректности (осмысленности) высказываний широко употребляется в современной литературе по фундаментальным вопросам логической семантики, философии языка и теоретической лингвистики, а также в концептуальном аппарате экспериментальных исследований в когнитивистике и нейронауке. Однако само это понятие, несмотря на его базовый статус и активное использование, недостаточно прояснено. Обращаясь к нему, исследовательвольно или невольно оказывается включен в ряд теоретических контекстов, связанных с допущениями, которые в эксплицитном виде, возможно, не пожелал бы принять. Это делает необходимой внимательную рефлексию над генезисом и содержанием этого понятия.

Под семантической корректностью (осмысленностью) языковых выражений сегодня обычно подразумевается исполнение двух критериев: 1) осмысленность каждой из структурных составляющих в составе выражения (наличие у них значений); 2) корректность их соединения в единое целое.

На первый взгляд, эти критерии просты и однозначны. В целом это действительно так в формализованных языках, таких как языки символической логики, где элементы алфавита наделяются значениями посредством специальных характеристик, а класс правильно построенных выражений задается определением и отождествляется с классом осмысленных. Применение же этих критериев к естественным языкам вызывает целый ряд вопросов. Можно встретить мнение, что оно представляет собой искусственный перенос свойств формализованных языков на естественные языки. Думается, однако, что концепция формализованных языков здесь не является первичной. Напротив, она складывается в контексте определенных взглядов на возможности и принципы использования естественных языков.

Рассмотрим некоторые примеры приложения указанных выше критериев к естественным языкам и связанные с этим разногласия и трудности. С очевидностью отсеиваются как семантически некорректные по первому критерию конструкции, где в грамматически правильной «обертке» подаются слова с корнями, отсутствующими в языке, такие как классический пример Л.В. Щербы: «Глокая куздра штеко кудланула бокра». Однако философы зачастую объявляют бессмысленными и достаточно привычные слова. Например, Р. Карнап считает таковыми слова «Бог», «сущность», «абсолют», «безусловное», «бесконечное» и ряд других¹. Нетрудно догадаться, что эта позиция вызвана определенными философскими дискуссиями и провоцирует дальнейшие. Проблематичен первый критерий и в силу того,

¹ Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка // *Аналитическая философия: становление и развитие (антология)*. М., 1998. С. 75.

что представление о денотации языковых единиц зависит от философских взглядов на способы существования объектов, которые варьируются от мейн-онгианства до радикального номинализма.

Второй критерий ничуть не более однозначен. Во-первых, существуют различные взгляды на то, что является основанием для оценки семантической корректности построения. Нередко в качестве такового подразумевается соответствие между структурой высказываний и возможной структурой фактов (Б. Рассел, Р. Карнап и др.); при этом употребление термина «факт» и понимание природы соответствия варьируются. По мнению других философов, эта корреспондентная концепция – неуместное удвоение сущностей, при котором высказывания, входящие в принятую теоретическую систему, «вписываются» в реальность под именем фактов; подобные взгляды развиваются уже в рамках «левого крыла» Венского кружка². Альтернативой является процедурная концепция семантической корректности, которую И.Б. Микиртумов формулирует так: «Осмысленность предложения означает, во-первых, что всякий употребляемый в нем термин языка является осмысленным, т.е. имеет денотат, и, во-вторых, что каждый такой денотат доступен для мысленной или практической... процедуры проверки предложения»³. Однако процедурная концепция также требует уточнений, в первую очередь – объяснения объективных факторов, в силу которых проверка предложения складывается тем или иным образом⁴.

Во-вторых, что еще важнее, нет консенсуса о том, какие именно предложения бессмысленны. Так, приводя в качестве примера бессмыслицы фразу «Число, большее всех натуральных, приятно пахнет», И.Б. Микиртумов отмечает, что ее можно рассматривать и как ложную⁵. Другой пример бессмыслицы – фраза «Бесцветные зеленые идеи спят яростно» из работы Н. Хомского⁶ – сводится к нескольким имплицитным противоречиям и также может трактоваться как ложная. Эти два примера представляют собой

² См.: *Hempel C.* On the Logical Positivists' Theory of Truth // *Analysis*. 1935. Vol. 2. No. 4. P. 49–59.

³ *Микиртумов И.Б.* Пропозициональные установки и интенциональные сущности // *Логико-философские штудии*. 2006. № 4. С. 140.

⁴ Здесь уместно сказать о соотношении терминов «высказывание» и «предложение». Опираясь на стандартное современное словоупотребление, его можно охарактеризовать так: высказывание – это инвариантное содержание некоторых повествовательных предложений, в том числе на разных языках. Например, предложения «Снег бел», «Снег является белым», «Snow is white» и др. выражают одно и то же высказывание. При этом одно и то же предложение может выражать разные высказывания: например, предложение «Я сейчас голоден» в устах разных лиц и в разное время. Известна философская критика в адрес понятий высказывания и синонимии предложений, на которой я не буду здесь останавливаться. Важно прояснить следующую проблему: может возникнуть искушение считать, что высказывание – это и есть смысл повествовательного предложения; тогда выражение «осмысленное высказывание» оказывается тавтологичным, а «бессмысленное высказывание» – противоречивым. Думается, однако, что понятия «смысл повествовательного предложения» и «высказывание» все же не эквивалентны; они взаимозаменяемы не в любых контекстах. Например, по Фреге, предложение «Цезарь существует» бессмысленно. При этом, очевидно, мы можем сказать, что оно выражает некоторое содержание, которое можно выразить и по-иному (допустим, аналогичными предложениями на других языках). Таким образом, в этом случае можно говорить о *бессмысленном высказывании*.

⁵ Там же.

⁶ *Chomsky N.* *Syntactic Structures*. 2nd ed. Berlin; N.Y., 2002. P. 15.

случаи так называемой категориальной ошибки, часто рассматриваемой как основание для утверждения о бессмысленности. Однако из сказанного выше видно, что это основание проблематично.

Другая категория случаев, в которых можно говорить о бессмысленности, – предложения с референциальными терминами, являющимися (или кажущимися) пустыми, такие как «нынешний король Франции лыс». Их оценка также разнится, что демонстрирует известная дискуссия между Б. Расселом и П. Стросоном. Рассел считает это предложение ложным, отмечая, что оно может казаться бессмысленным⁷. Стросон полагает, что в нем имеет место провал истинностного значения⁸; такую квалификацию с определенной точки зрения можно приравнять к оценке этого предложения как бессмысленного.

Еще одна категория случаев, в которых принято говорить о бессмысленности, – парадоксы автореференции, подобные парадоксу лжеца или парадоксу Рассела. Многие считают, что во избежание их возникновения, т.е. для обеспечения осмысленности предложений, необходимо придерживаться специальных нормативных принципов (теории типов или разграничения объектного языка и метаязыка). Однако консенсуса нет и по этому поводу. Например, в работах Л. Витгенштейна можно встретить мнение, что нормативные подходы здесь излишни, вместо этого нужен внимательный дескриптивный анализ языка. Позиция Витгенштейна актуализируется в недавней литературе. В.А. Ладов эксплицирует ее следующим образом: «логичность... не привносится в язык в качестве некоторой теоретической добавки... но уже обнаруживается в языке, который оказывается логически последовательным изначально»⁹.

Одна из фундаментальных проблем формальной семантики – вопрос о существовании синтаксически корректных, но семантически девиантных конструкций в естественных языках. Стоит отметить, что постановка этого вопроса основывается на допущении, что для рассматриваемого естественного языка можно выделить класс синтаксически корректных конструкций. Хотя строгие критерии такого выделения не вполне ясны, мысль о существовании такого класса достаточно убедительна; в качестве основного неформального критерия обычно указывается языковая интуиция носителей языка.

По мнению Р. Монтегю, не существует принципиального различия между естественными языками и искусственными языками логики¹⁰. Таким образом, его проект формальной семантики основывается на убеждении в том, что классы синтаксически и семантически корректных выражений в естественном языке совпадают. Однако лингвисты, продолжающие этот проект, зачастую придерживаются иной позиции, которую И. Хайм и А. Кратцер формулируют так: «...мы допускаем существование структур, которые являются интерпретируемыми, хотя и синтаксически незаконными, а также

⁷ *Russell B.* On Denoting // *Mind*. 2005. Vol. 114. No. 456. P. 484.

⁸ *Strawson P.* On Referring // *Mind*. 1950. Vol. 59. No. 235. P. 320–344; *Idem.* Identifying Reference and Truth-Values // *Theoria*. 1964. Vol. 30. No. 2. P. 96–118.

⁹ *Ладов В.А.* Критика теории типов в философии раннего Л. Витгенштейна // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2021. № 62. С. 196. См. также дискуссию с участием Г.Г. Антуха, Е.В. Борисова, А.В. Нехаева, В.А. Суворцева, А.В. Хлебалина и В.А. Целищева в том же номере.

¹⁰ *Montague R.* Universal Grammar // *Theoria*. 1970. Vol. 36. No. 3. P. 373.

структур, которые синтаксически корректны, но не интерпретируемы»¹¹. С другой стороны, в формальной семантике естественных языков в последнее время активно развиваются направления, предполагающие построение развернутой системы семантических категорий с жесткой регуляцией их сочетаемости. Такие подходы основываются на применении к естественному языку интуиционистской теории типов П. Мартин-Лёфа¹²; их теоретико-типологическая структура может обозначаться как *богатая теория типов* (rich type theory), *современная теория типов* (modern type theory), *теория зависимых типов* (dependent type theory). Например, Ж. Луо и С. Хацикириакидис считают необходимым назначать каждому имени существительному отдельный базовый тип¹³. По их мнению, это позволяет установить в выстраиваемом формализме соответствие между синтаксической и семантической корректностью языковых выражений и «объяснить» семантическую девиантность таких фраз, как «Бутерброд с ветчиной ходит»: «... в качестве типа такого глагола, как *ходить*, будет установлена функция *животное* → *Пропозиция*, а типом бутерброда с ветчиной будет [[*еда*]] или [[*бутерброд*]], что несовместимо по типу с *ходить*»¹⁴.

Думается, что столь существенное расхождение в фундаментальных принципах проектов схожей направленности вряд ли может быть разрешено их собственными теоретическими средствами. Оно является весомым доводом в пользу необходимости рефлексии над самим понятием семантической корректности, которую следует осуществлять с учетом его генезиса.

Как уже упоминалось, понятие семантической корректности сегодня фигурирует и в экспериментальных исследованиях. Примером могут служить известные эксперименты в сфере нейролингвистики, в которых посредством электроэнцефалографии исследовалось воздействие на мозг реципиентов синтаксически корректных, но необычных по семантике фраз; семантическая необычность при этом ранжировалась на слабую («Он сделал глоток из водопада») и сильную («Он сделал глоток из радиопередатчика») ¹⁵. Согласно опубликованным результатам, семантические отклонения вызывают у реципиентов явления в головном мозге, фиксируемые как связанный с событиями потенциал N-400, и эта реакция варьируется по силе в зависимости от степени отклонений. Еще один пример – использование

¹¹ Heim I., Kratzer A. *Semantics in Generative Grammar*. Malden (Mass.), 1998. P. 49.

¹² См.: Martin-Löf P. *Intuitionistic Type Theory*. Napoli, 1984.

¹³ См.: Chatzikiyriakidis S., Luo Zh. *On the Interpretation of Common Nouns: Types Versus Predicates // Modern Perspectives in Type-Theoretical Semantics*. N.Y.; Berlin; Heidelberg, 2017. P. 43–70. Впрочем, в рамках этого направления существуют и другие позиции относительно имен существительных. Д. Бекки и К. Минешима рассматривают их как «предикаты типа *сущность* → тип» (Bekki D., Mineshima K. *Context-Passing and Underspecification in Dependent Type Semantics // Modern Perspectives in Type-Theoretical Semantics*. N.Y.; Berlin; Heidelberg. 2017. P. 17). Здесь следует пояснить, что предикат в их системе – это функция, значением которой является именно тип (а не истинностное значение, как в более традиционной формальной семантике). В статье В.В. Долгорукова и А.О. Копыловой рассматривается возможность выборочного подхода, при котором лишь некоторые существительные трактуются как базовые типы (Долгоруков В.В., Копылова А.О. «Онтологический квадрат» и теоретико-типологическая семантика // *Логические исследования / Logical Investigations*. 2018. Т. 24. № 2. С. 46).

¹⁴ Chatzikiyriakidis S., Luo Zh. *Natural Language Inference in Coq // Journal of Logic, Language and Information*. 2014. Vol. 4. No. 23. P. 444–445.

¹⁵ Kutas M., Hillyard S. *Reading Senseless Sentences: Brain Potentials Reflect Semantic Incongruity // Science. New Series*. 1980. Vol. 207. No. 4427. P. 203–205; Yamada Y., Neville H.J. *An ERP Study of Syntactic Processing in English and Nonsense Sentences // Brain Research*. 2007. Vol. 1130. P. 167–180.

дихотомии *осмысленно/бессмысленно* в современных экспериментальных исследованиях болезни Альцгеймера¹⁶. Существуют также работы, направленные на интеграцию теоретико-типовых подходов в формальной семантике с понятиями нейронауки¹⁷. Однако оценка дизайна когнитивных экспериментов и способ интерпретации их результатов существенно зависят от теоретического понимания семантической корректности.

Настоящая работа направлена на прояснение следующих вопросов, некоторые из которых недостаточно проанализированы в предшествующей литературе, а некоторые даже не поставлены:

1. Является понятие семантической корректности дескриптивным или нормативным?

2. Существует ли строгий критерий отграничения бессмысленных предложений от других синтаксически корректных, но не истинных предложений естественного языка (противоречивых и просто ложных)?

3. Какую роль в критериях семантической корректности играют представления о сочетаемости онтологических категорий, принимаемые субъектом речевой деятельности (или исследователем)?

Необходимо пояснить дистинкцию, о которой идет речь в первом вопросе. Если это понятие нормативно, то оно подразумевает существование абстрактных общезначимых ориентиров, теоретически в полной мере воплощаемых идеальным агентом речевой деятельности, но необязательно воплощаемых или даже осознаваемых реальными агентами. Если же это дескриптивное понятие, то оно указывает на некоторую оценку, интуитивно применяемую к языковым выражениям любыми (или типичными) конкретными агентами языковой деятельности, хотя и необязательно одинаково.

Как станет ясно далее, ответы на поставленные вопросы взаимосвязаны.

2. Семантическая корректность и научная рациональность

Исследование сформулированных вопросов стоит начать с генезиса понятия семантической корректности. Как будет показано ниже, он весьма тесно связан с определенными концепциями научной рациональности. Под концепциями научной рациональности здесь подразумеваются комплексы методологических ориентиров и норм, которые предлагает некоторая эпистемологическая программа. Генетическая связь между концепциями научной рациональности и понятием семантической корректности служит весомым аргументом в пользу сугубо нормативного характера последнего; однако с окончательными выводами лучше не торопиться. Представленный в этом параграфе анализ позволит заострить внимание на важных нюансах трактовки семантической корректности в логико-философской литературе и показать гетерогенность их оснований.

Тезис о необходимости правильной организации (или, скорее, реорганизации) языка формулируется на заре Нового времени и связан с характерными тенденциями в философии этого периода. Фрэнсис Бэкон указывает на неправильное устройство и употребление языка как на один из факторов,

¹⁶ Cusimano Ch. Language and Neurology: Alzheimer's Disease. Hoboken, 2021. P. 55–56.

¹⁷ Cooper R. Representing Types as Neural Events // Journal of Logic, Language and Information. 2019. Vol. 28. P. 131–155.

препятствующих познанию мира: «Большая же часть слов имеет своим источником обычное мнение и разделяет вещи по линиям, наиболее очевидным для разума толпы. Когда же более острый разум и более прилежное наблюдение хотят пересмотреть эти линии, чтобы они более соответствовали природе, слова становятся помехой»¹⁸.

Требование Бэкона исправить эту ситуацию можно на современном языке назвать требованием *семантической корректности терминов*. Оно отличается от более традиционных критериев использования языка, таких как риторическая сила или логическая правильность, понятая как формальная корректность вывода. О последней Бэкон пишет: «Силлогизмы состоят из предложений, предложения из слов, а слова суть знаки понятий. Поэтому если сами понятия... спутаны и необдуманно отвлечены от вещей, то нет ничего прочного в том, что построено на них»¹⁹.

Эти высказывания Бэкона можно считать одной из ранних манифестаций идеи идеального языка, которая становится актуальной именно в контексте философии эмпиризма, утверждающей приоритет опыта над понятиями и словами. Еще одной необходимой предпосылкой является реалистическая трактовка опыта: в природе есть «разделительные линии»; они доступны в опыте, и язык в идеале должен их воспроизводить; однако человеческое восприятие и знание не (всегда) является достаточно тонким для того, чтобы их различить; обыденный язык устроен согласно грубому восприятию среднего человека («толпы») и поэтому искажает реальность.

В начале XX в. на первый план выдвигается проблема *семантической корректности предложения* как целого. Один из наиболее заметных мотивов в логико-философской литературе этого периода – разграничение осмысленных предложений, которые могут быть истинными или ложными, и бессмысленных предложений (или псевдопредложений), не способных ни к тому ни к другому. Это можно связать, во-первых, с утверждением семантических концепций, основанных на схеме *функтор/аргумент*, а во-вторых – с актуальнейшей для этого периода проблемой логико-математических антиномий.

Момент этого перехода представлен в творчестве Фреге. В его ранних работах мы находим рассуждения вполне в духе Бэкона о том, что нужно избавиться мышление от искажений, вносимых в него обычным языком; свое исчисление понятий он рассматривает как средство для этой цели²⁰. Один из его методологических принципов – «заповедь научной строгости»: «...принимать меры к тому, чтобы никогда ни одно выражение не оставалось без значения, чтобы никогда нельзя было... оперировать с пустыми знаками, полагая, что мы имеем дело с предметами»²¹. Из этого принципа для него вытекает требование «четкой отграниченности» понятий: для любого предмета и любого понятия первого порядка должно быть определено, подпадает этот предмет под это понятие или нет. Однако Фреге разграничивает понятия различных порядков как функции с разными областями определения, находящимися в иерархии: к предметам применимы понятия первого порядка, а к тем – понятия второго порядка. Попытка же подвести предмет под понятие

¹⁸ Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1972. С. 25–26.

¹⁹ Там же. С. 14.

²⁰ Фреге Г. Логика и логическая семантика: сборник трудов. М., 2000. С. 67.

²¹ Там же. С. 223–224.

второго порядка, по его мысли, приводит к логической ошибке: например, она возникает в высказывании «Цезарь существует», если понимать его буквально (см. ниже). Таким образом, Фреге полагает, что некоторые сочетания значимых выражений, кажущиеся приемлемыми в естественном языке, являются бессмысленными логически – по крайней мере, в определенном их прочтении. Тем самым он обозначает контуры теоретико-типовой семантики, хотя его семантическая концепция основывается на представлении о едином предметном универсуме.

По всей видимости, именно Фреге учреждает специальное логико-семантическое употребление слов «смысл» и «бессмысленность», отграничивая его от обыденного. Он пишет: «Что два больше трех – это ложь, но не бессмыслица. Легко или трудно усмотреть ложность некоторой мысли – это для логика ничего не меняет»²². Он отказывается считать бессмысленными и противоречивые выражения, делая следующее замечание: «...общее имя может... быть незначащим, каковым является “круглый квадрат”. Но Шредер называет такое имя бессмысленным <...> Это отношение к предмету... несущественное»²³. Критерий осмысленности, по Фреге, состоит в другом – в определенности перехода от знака к смыслу и от смысла к значению:

...то, что... высказывается о понятии, никак не может быть высказано о предмете; ибо собственное имя никогда не может быть выражением, обозначающим предикат, хотя оно может быть его частью. <...> Предложение «существует Юлий Цезарь» не истинно и не ложно, оно не имеет смысла²⁴.

Важно отметить, что под бессмысленностью Фреге подразумевает не какие-либо категориальные ошибки содержательного характера, а, скорее, нарушение сочетаемости на уровне логической синтактики языка.

Теория типов в явном виде формулируется Расселом в связи с известной антиномией, обнаруженной им в концепции самого Фреге. Стремясь к ее разрешению, Рассел предлагает считать антиномические высказывания бессмысленными, подразумевая под этим наличие в них категориальной ошибки – некорректного сочетания семантических типов²⁵. В дальнейшем он под влиянием Витгенштейна придает этой теме философскую направленность, утверждая, что высказывание имеет смысл лишь в том случае, если его структура соответствует возможной структуре факта²⁶.

Таким образом, понятие семантической корректности от Ф. Бэкона до Фреге и Рассела выступало как вторичное по отношению к принимаемым этими философами ориентирам научной рациональности. В ряде последующих эпистемологических программ XX в. происходит примечательный поворот: в них, напротив, разграничение осмысленных и бессмысленных высказываний становится критерием демаркации научного дискурса. Это явным образом декларируется в логическом эмпиризме Венского кружка²⁷.

²² Фреге Г. Логика и логическая семантика: сборник трудов. С. 362.

²³ Там же. С. 251–252.

²⁴ Там же. С. 259.

²⁵ См.: Russell B. Mathematical Logic as Based on the Theory of Types // American Journal of Mathematics. 1908. Vol. 30. No. 3. P. 222–262.

²⁶ См.: Russell B. The Philosophy of Logical Atomism. L.; N.Y., 2010.

²⁷ Что касается критического рационализма К. Поппера, то в его основном принципе – считать научными лишь те высказывания, которые принципиально фальсифицируемы,

Манифестом данного подхода является работа Р. Карнапа «Преодоление метафизики логическим анализом языка», где разграничиваются два вида некорректного употребления выражений естественного языка: 1) синтаксическая, или синтактико-семантическая, некорректность: «Цезарь есть и»; 2) чисто семантическая некорректность: «Цезарь есть простое число». В последней фразе Карнап усматривает категориальную ошибку. При этом он стремится свести семантическую некорректность к синтаксической, обращаясь к понятию идеального языка. По его мысли, бессмысленные высказывания могут казаться синтаксически правильными на естественном языке, однако предстали бы синтаксически неправильными после перевода на идеальный язык.

В работе Карнапа отчетливо прослеживается влияние Фреге, однако последний, очевидно, не согласился бы с трактовкой фразы «Цезарь есть простое число» как бессмысленной. Ведь, согласно приведенному выше его принципу, предмет (*Цезарь*) либо подпадает, либо не попадает под понятие первого порядка (*простое число*²⁸); значит, эта фраза истинна или ложна, а не бессмысленна. Таким образом, хотя карнаповское понимание бессмысленности кажется продолжением фрегевского, в действительности оно несет его изменение.

Позиция Карнапа (как и Рассела) связана с тезисом о логическом несовершенстве естественных языков, в пользу которого он приводит ряд примеров. По мнению Е.В. Востриковой и П.С. Куслия, эти доводы неубедительны с точки зрения современной формальной семантики, поскольку для подобных случаев в ней предлагаются способы вполне стройного логического анализа; при этом авторы отмечают, что развитие формально-семантического подхода к естественным языкам во многом обязано программе, заведенной Карнапом²⁹.

Это позволяет объяснить природу дискуссии о соотношении синтаксической и семантической корректности в естественных языках, которая ведется в формальной семантике. Она возникает из-за попытки трактовать нормативные принципы научной рациональности как законы естественного языка, обнаруживаемые в нем дескриптивно. Монтегю, отрицая утверждение Рассела и Карнапа о «нелогичности» естественного языка, тем не менее сохраняет сам способ постановки вопроса. Позиция, артикулируемая Хайм и Кратцер, означает отказ от прямого проецирования этих принципов на естественные языки. Современные семантики на основе богатой теории типов, напротив, основаны на еще более радикальном проведении этой линии.

т.е. могут предстать истинными или ложными в свете фактов, – содержится определенная аналогия с разграничением осмысленных (истинных или ложных) и бессмысленных (ни истинных, ни ложных) высказываний; правда, в подходе Поппера не делается акцент на языковых свойствах теорий.

²⁸ По Фреге, числа задаются предикатами второго порядка, выражающими равночисленность понятий, однако сами числа являются предметами. См.: *Фреге Г.* Логико-философские труды. Новосибирск, 2008. С. 193.

²⁹ *Вострикова Е.В., Куслий П.С.* Преодоление критических аргументов Карнапа против метафизики с помощью логического анализа естественного языка // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2019. Т. 56. № 4. С. 80.

3. Мысли о невозможном и невозможные мысли

Выше был приведен ряд соображений в пользу нормативного характера семантической корректности. Однако тщательный анализ концепции столь важного в этом контексте мыслителя, как Фреге, может пролить свет на дескриптивный аспект этого понятия.

Как уже отмечалось, Фреге подчеркивает, что бессмысленны не те выражения, логическая структура которых приводит к противоречию, а те, логическая структура которых не приводит ни к какому определенному значению. С логико-математической точки зрения для него бессмысленны те выражения, в которых аргументом функции становится объект вне ее области определения, в силу чего с ним невозможно сопоставить какое-либо ее значение. Применение этого подхода в формализованных языках не вызывает вопросов. Однако если он применяется к выражениям естественного языка, то для такой трактовки их логической структуры уже должны иметься основания, лежащие вне формализма. Выполняется ли это условие в тех случаях, о которых идет речь у Фреге?

Рассмотрим высказывание «Существует Юлий Цезарь», приводимое Фреге как пример бессмыслицы. Его объяснение можно эксплицировать следующим образом: слово *существует* обозначает свойство понятия, т.е. представляет собой предикат второго порядка – функцию, область определения которой составляют понятия, а область значений – истинностные значения. Имя *Юлий Цезарь* – обозначение предмета. Поскольку данный аргумент не входит в область определения этой функции, то, примененная к нему, она не может выдать никакого значения.

Однако квалификация высказывания «Существует Юлий Цезарь» как бессмысленного на первый взгляд совершенно не поддерживается нашей интуицией. Тем не менее более тщательный анализ дает основания считать, что теория Фреге согласуется с ней. Дело в том, что, рассматривая высказывание «Существует Юлий Цезарь» как осмысленное, мы воспринимаем его как эллиптическую форму некоторого другого высказывания (допустим, «Существует человек по имени Юлий Цезарь»). Фреге отмечает, что в такой трактовке высказывание осмысленно, однако имеет иную логическую форму: здесь предикат второго порядка применяется к предикату первого порядка, что вполне законно. Бессмысленным он называет лишь высказывание «Существует Юлий Цезарь» в его буквальном прочтении, однако воспринять его в таком ключе нам трудно. Это проще сделать с высказыванием, в котором фигурирует предмет другого рода – какое-либо число, например: «Существует число 2». Оно действительно производит впечатление бессмысленного, поскольку сообщает о существовании предмета, который и так дан как существующий любому, кто понимает само выражение *число 2*. Утверждение о существовании предмета вряд ли уместно, если он с очевидностью явлен как таковой.

Таким образом, фрегевский критерий бессмысленности формален: он фиксирует возможную структуру мысли в терминах *предмет, понятие первого порядка, понятие второго порядка* (как известно, Фреге трактует мысль как объективную данность, которая не творится, а открывается индивидуальным сознанием, однако этот аспект здесь не столь важен). В работах же Рассела и Карнапа понятие бессмысленности приобретает более конкретное содержание, по всей видимости отсылая к устройству мира. Об этом говорит само представление об идеальном языке у Карнапа, ведь критерии

его отграничения от языков несовершенных, очевидно, должны быть внеязыковыми. Однако ясны ли эти критерии? Для ответа на данный вопрос рассмотрим классический пример Карнапа.

Поясняя свою оценку высказывания «Цезарь есть простое число» как бессмысленного, Карнап пишет: «Быть “простым числом” – это свойство чисел; по отношению к личности это свойство не может ни приписываться, ни оспариваться»³⁰. Однако где проходит граница, отделяющая свойства, которые могут приписываться Цезарю, от тех, для которых это невозможно?

Вероятно, подход Карнапа можно эксплицировать следующим образом: ложное высказывание описывает такое положение дел, которое не имеет места, но в принципе возможно, а бессмысленное высказывание не описывает никакого возможного положения дел. Эту мысль можно выразить также с помощью понятия возможный мир: ложны те высказывания, которым не соответствует положение дел в актуальном мире, но соответствует положение дел хотя бы в одном возможном мире; бессмысленны – те, которым не соответствует положение дел ни в одном возможном мире.

Однако эта формулировка вполне может быть понята как семантическая характеристика тождественно-ложных высказываний, что возвращает нас к вопросу о разграничении бессмыслицы и противоречия. Если мы желаем сохранить их различие, то, вероятно, это можно сделать за счет следующего допущения: противоречивость высказывания обуславливается свойствами языка (например, аналитическими противоречиями, возникающими при использовании его словаря), а бессмысленность – границами множества возможных миров.

Адекватность этого допущения подтверждается приведенным выше примером Луо и Хацкириакидиса (подход которых типологически схож с подходом Карнапа): упоминаемый в нем ходячий бутерброд с ветчиной может быть персонажем фантастического произведения, и если включить фантастические миры в состав множества возможных миров, то высказывание «Бутерброд с ветчиной ходит» окажется соответствующим положению дел в одном из них.

Однако этот критерий бессмысленности основывается на конкретных эпистемических факторах – нашей готовности допустить или способности представить некоторые возможные миры. С учетом этого идею Карнапа о языке, в котором семантическая и синтаксическая корректность совпадут, вряд ли можно понимать иначе, чем как призыв зафиксировать в синтаксисе определенное состояние нашего знания о реальности (хотя претендует она, по всей видимости, на выявление общей структуры возможного знания).

Такой характер подхода Карнапа становится очевиден, если учесть, что знание об употреблении языковых выражений также является знанием о реальности. Рассматривая его пример в этом свете, можно заметить, что *Цезарь* – это имя собственное, за которым, в принципе, может стоять любой предмет (в том числе простое число).

Это дает повод обратиться к теориям, где провал истинностного значения получает не семантическую трактовку, отсылающую к систематическим отношениям между языком и реальностью, а, скорее, трактовку прагматическую, в которой акцент делается на соотношении высказывания с конкретным внеязыковым контекстом. Подобный подход предлагает П. Стросон

³⁰ Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка. С. 76.

в заочной дискуссии с Расселом об истинностном значении высказываний с пустыми референциальными выражениями (таких как «Нынешний король Франции лыс»). Как известно, теория дескрипций Рассела позволяет трактовать подобные высказывания как ложные благодаря тому, что пустое референциальное выражение рассматривается как входящее в высказывание с экзистенциальной квантификацией. Стросон в статье «О референции» критикует подход Рассела, утверждая, что необходимым условием для истинностной оценки высказываний является непустота референциальных выражений, а если это условие не выполняется, то высказывание нельзя квалифицировать ни как истинное, ни как ложное³¹. По его мысли, участники нормальной коммуникативной ситуации придерживаются пресуппозиции (допущения) о соблюдении этого условия. В более поздней статье «Идентифицирующая референция и истинностные значения»³² Стросон представляет проблему более сложной. Во-первых, он указывает на то, что подобные высказывания могут трактоваться и как не обладающие истинностным значением, и как ложные в зависимости от аспекта их рассмотрения. Во-вторых, он выделяет различные типы высказываний с пустыми референциальными выражениями и связывает их истинностную оценку с тематической структурой высказывания (согласно его теории, провал истинностного значения возникает, если пустое референциальное выражение является темой высказывания; если же оно фигурирует в той части, где что-то сообщается о теме, то высказывание оценивается как ложное). В-третьих, он констатирует зависимость истинностной оценки от такого контекстуального фактора, как знания агента коммуникации.

Это позволяет сформулировать прагматический критерий осмысленности высказываний, на первый взгляд кардинально расходящийся с рассмотренными выше семантическими требованиями. Согласно последним, высказывание обладает смыслом тогда и только тогда, когда оно правильно построено с семантической точки зрения, т.е. когда приемлемы фигурирующие в нем значения и конфигурация их объединения. Прагматический же критерий можно выразить так: высказывание имеет смысл тогда и только тогда, когда его употребление оказывается релевантным (уместным, продуктивным) в рамках дискурсивного и внеязыкового контекста.

Однако можно ли найти перспективу, в которой оба понимания совместимы? На мой взгляд – да, и обозначить ее можно так: для агента речевой деятельности обладают смыслом те и только те высказывания, которые способны привести к обновлению его знаний.

Для пояснения и подтверждения этого подхода стоит показать его совместимость с теорией Фреге, рассмотренной выше. В этой перспективе она прочитывается следующим образом: применение предиката второго порядка *существует* к имени предмета бессмысленно, поскольку обозначение предмета именем уже предполагает его данность как существующего; получаемое таким образом высказывание не несет обновления знаний, являясь тривиально истинным. С учетом этого подразумеваемые Фреге принципы правильного построения высказывания уместно трактовать как отражение универсальной структуры любой конкретной ситуации познания. Одним из основных возможных факторов непродуктивности высказывания является

³¹ См.: Strawson P. On Referring. P. 320–344.

³² См.: Strawson P. Identifying Reference and Truth-Values. P. 96–118.

тривиальность, которая может представлять собой как тривиальную истинность (включая тавтологичность), так и тривиальную ложность (включая противоречивость). Еще один возможный фактор – отсутствие контекста, необходимого для продуктивного использования высказывания, например невыполнение presupпозиции.

Намечая линии дальнейшей разработки этого подхода, стоит обратить внимание на соотношение тривиальности с тавтологичностью/противоречивостью. Здесь возникают следующие вопросы: 1) являются ли любые тавтологические или противоречивые высказывания тривиальными? 2) существуют ли другие виды тривиальности? Вероятно, на второй вопрос следует ответить утвердительно: истина может быть банальной, не будучи тавтологичной. На первый же вопрос следует дать отрицательный ответ, подкрепив его следующим примером: сложная математическая тавтология может не осознаваться нами в качестве таковой без специального исследования, и ее утверждение отнюдь не будет тривиальным. Однако как теоретически обосновать этот ответ?

Такое обоснование может быть дано за счет выделения в высказывании дополнительного структурного уровня, фиксирующего вхождение его компонентов в диахронические структуры развертывания дискурса и расширения знаний. Наиболее простым аспектом этого можно считать тема-рематическую структуру дискурса. Существует традиционный способ употребления слова «логический», при котором оно указывает именно на эти отношения (например, тему и рему можно называть логическими подлежащим и сказуемым в противовес грамматическим). Однако стандартное современное понимание логического, очевидно, отсылает к чему-то иному: например, к поведению истинностно-функциональных операторов, в силу которого отдельно взятое молекулярное высказывание может оказываться тавтологией или противоречием.

Думается, что фрегевское понимание семантической корректности исходно относится именно к первой из ипостасей логического. Так, присоединение квантора существования к имени предмета оказывается бессмысленным именно в силу дискурсивно-познавательной тавтологичности. Семантическую корректность в таком понимании можно рассматривать как дескриптивную характеристику дискурса³⁵. При этом данная характеристика в определенном смысле носит формальный характер, относясь к структуре дискурса, а не к его конкретному содержанию.

Понятия «тавтология» и «противоречие» выступают в этих двух пониманиях логического в совершенно разных ипостасях. В логике дискурса и расширения знания они трактуются негативно: и противоречие, и тавтология (порочный круг) лишают смысла процесс аргументации и научного обоснования. При этом о тавтологии можно говорить как о *дискурсивном противоречии*: в нормальном дискурсе рематический компонент высказывания не может совпадать с темой, и если это происходит, то возникает дискурсивно противоречивая ситуация. В математической логике же тавтология и противоречие являются тем местом, где «логика работает». Объяснить

³⁵ Возможно, именно в этом смысле Фреге считает нелогичное мышление «родом безумия». Это дает основание по-новому осмыслить проблему нормативности логики у Фреге, однако данная задача выходит за рамки настоящей статьи. См. по этому поводу: Драгалина-Черная Е.Г. Неформальные заметки о логической форме. СПб., 2015. С. 129–131.

последнее обстоятельство можно, допустив, что в математике построение языка, в котором истины оказываются тавтологиями, – это часть и результат процесса познания, а не его предусловие.

4. Заключение

Итак, в настоящей статье рассмотрены современные способы использования понятия семантической корректности и проанализированы их основания в классических логико-философских работах. Показано, что семантическую корректность необходимо отграничивать от онтологической корректности. Если онтологическая корректность отсылает к сочетаемости категорий в картине мира, то семантическая корректность – к структурным закономерностям развития знаний и развертывания дискурса. Это можно выразить следующей формулировкой: бессмысленным высказываниям соответствуют не мысли о невозможном, но невозможные мысли. Полученные выводы позволили наметить оригинальный подход к условиям осмысленности/бессмысленности высказываний с учетом ряда факторов: тривиальности утверждения, тема-рематической структуры дискурса, роли пресуппозиции. Представляется перспективной дальнейшая интеграция проблем и подходов, в частности распространение обозначенных условий бессмысленности на случаи с аномалиями референции.

Список литературы

- Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / Под. общ. ред. А.Л. Субботина. М.: Мысль, 1972. 582 с.
- Вострикова Е.В., Куслий П.С. Преодоление критических аргументов Карнапа против метафизики с помощью логического анализа естественного языка // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки*. 2019. Т. 56. № 4. С. 78–98.
- Долгоруков В.В., Копылова А.О. «Онтологический квадрат» и теоретико-типология семантика // *Логические исследования / Logical Investigations*. 2018. Т. 24. № 2. С. 36–58.
- Драгалина-Черная Е.Г. Неформальные заметки о логической форме. СПб.: Алетейя, 2015. 202 с.
- Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка / Пер. с нем. А.В. Кезина // *Аналитическая философия: становление и развитие (антология) / Общ. ред. и сост. А.Ф. Грязнова*. М.: Дом интеллектуальной книги; Прогресс-Традиция, 1998. С. 69–89.
- Ладов В.А. Критика теории типов в философии раннего Л. Витгенштейна // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2021. № 62. С. 194–203.
- Микиртумов И.Б. Пропозициональные установки и интенциональные сущности // *Логико-философские штудии*. 2006. № 4. С. 133–148.
- Фреге Г. Логика и логическая семантика: сборник трудов / Пер. с нем. Б.В. Бирюкова. М.: Аспект Пресс, 2000. 512 с.
- Фреге Г. Логико-философские труды / Пер. с англ., нем. и фр. В.А. Суровцева. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008. 283 с.
- Bekki D., Mineshima K. Context-Passing and Underspecification in Dependent Type Semantics // *Modern Perspectives in Type-Theoretical Semantics / Ed. by S. Chatzikyriakidis, Zh. Luo*. N.Y.; Berlin; Heidelberg: Springer, 2017. P. 11–42.
- Chatzikyriakidis S., Luo Zh. Natural Language Inference in Coq // *Journal of Logic, Language and Information*. 2014. Vol. 4. No. 23. P. 441–480.

- Chatzikyriakidis S., Luo Zh.* On the Interpretation of Common Nouns: Types Versus Predicates // *Modern Perspectives in Type-Theoretical Semantics* / Ed. by S. Chatzikyriakidis, Zh. Luo. N.Y.; Berlin; Heidelberg: Springer, 2017. P. 43–70.
- Chomsky N.* Syntactic Structures. 2nd ed. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2002. xviii, 117 p.
- Cooper R.* Representing Types as Neural Events // *Journal of Logic, Language and Information*. 2019. Vol. 28. P. 131–155.
- Cusimano Ch.* Language and Neurology: Alzheimer's Disease. Hoboken: Wiley, 2021. 192 p.
- Heim I., Kratzer A.* Semantics in Generative Grammar. Malden (Mass.): Blackwell, 1998. x, 324 p.
- Hempel C.* On the Logical Positivists' Theory of Truth // *Analysis*. 1935. Vol. 2. No. 4. P. 49–59.
- Kutas M., Hillyard S.* Reading Senseless Sentences: Brain Potentials Reflect Semantic Incongruity // *Science, New Series*. 1980. Vol. 207. No. 4427. P. 203–205.
- Martin-Löf P.* Intuitionistic Type Theory. Napoli: Bibliopolis, 1984. 91 p.
- Montague R.* Universal Grammar // *Theoria*. 1970. Vol. 36. No. 3. P. 373–398.
- Russell B.* Mathematical Logic as Based on the Theory of Types // *American Journal of Mathematics*. 1908. Vol. 30. No. 3. P. 222–262.
- Russell B.* On Denoting // *Mind*. 2005. Vol. 114. No. 456. P. 873–887.
- Russell B.* The Philosophy of Logical Atomism. L.; N.Y.: Routledge, 2010. xlii, 162 p.
- Strawson P.* Identifying Reference and Truth-Values // *Theoria*. 1964. Vol. 30. No. 2. P. 96–118.
- Strawson P.* On Referring // *Mind*. 1950. Vol. 59. No. 235. P. 320–344.
- Yamada Y., Neville H.J.* An ERP Study of Syntactic Processing in English and Nonsense Sentences // *Brain Research*. 2007. Vol. 1130. P. 167–180.

Foundations, problems and perspectives of the modern conceptions of semantic correctness*

Mikhail A. Smirnov

Interregional Non-Governmental Organization “Russian Society for History and Philosophy of Science”, 1/36, 2 Lyalin Lane, Moscow, 105062, Russian Federation; e-mail: mikhailsmirnov84@gmail.com

The notion of semantic correctness (meaningfulness, or sensefulness) of propositions is widespread in logico-philosophical and linguistic works, as well as in experimental cognitive science. Nevertheless, its content is not clear. Many discussions connected to its use serve as evidence for its obscurity. In this investigation, I articulate and solve some interrelated problems which should be analyzed to make this notion more intelligible. Firstly, I pose a question whether semantic correctness is a normative or a descriptive characteristic. In other words: does it refer to a certain ideal of language usage ascribed to the abstract rational agent but not necessarily observed or even recognized by real agents (the normative option), or to some attitude of real language users towards linguistic expressions (the descriptive option)? I show that the notion of semantic correctness emerged in theoretical contexts as normative due to its role within certain conceptions of scientific rationality. However, one can say that it also contains a descriptive aspect, but it is needed to state distinctively what this aspect is. Particularly, there is a question: can the compatibility of ontological categories in the worldview of a language user (call it ontological correctness) be taken as a criterion of semantic correctness for natural languages? I show that this is inadmissible: ontological categorial mistakes should not be seen as semantic deviations because in this case it would be impossible to delimit senseless sentences from contradictory and simply false sentences in natural languages. Finally, I propose a novel view of the content of the meaningful/senseless dichotomy. It occupies

* Supported by Russian Science Foundation, project No. 21-18-00496 “The semantic structure of the propositional attitudes of consciousness”.

a special place among semantic distinctions being related to structural laws of knowledge incrementation and discourse deployment. From this perspective, I outline an integral approach to the conditions of meaningfulness/senselessness of propositions considering a number of factors. In particular, I analyze the conditions of senselessness for contradictions and tautologies.

Keywords: meaningfulness, semantic deviation, semantic correctness, type-theoretic semantics

For citation: Smirnov, M.A. “Osnovaniya, problemy i perspektivy sovremennykh kontseptsii semanticheskoi korrektnosti” [Foundations, problems and perspectives of the modern conceptions of semantic correctness], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2022, Vol. 15, No. 3, pp. 140–156. (In Russian)

References

- Bacon, F. *Sobranie sochineniy* [Collected works], Vol. 2, ed. by A.L. Subbotin. Moscow: Mysl' Publ., 1972. 582 pp. (In Russian)
- Bekki, D., & Mineshima, K. “Context-Passing and Underspecification in Dependent Type Semantics”, *Modern Perspectives in Type-Theoretical Semantics*, ed. by S. Chatzikyriakidis and Zh. Luo. New York; Berlin; Heidelberg: Springer, 2017, pp. 11–42.
- Carnap, R. “Preodolenie metafiziki logicheskim analizom yazyka” [The Elimination of Metaphysics Through Logical Analysis of Language], trans. by A.V. Kezin, *Analiticheskaya filosofiya: stanovlenie i razvitie (antologiya)* [Analytic Philosophy: Establishment and Development (anthology)], ed. by A.F. Gryaznov. Moscow: Dom intellektual'noi knigi; Progress-Traditsiya Publ., 1998, pp. 69–89. (In Russian)
- Chatzikyriakidis, S. & Luo, Zh. “Natural Language Inference in Coq”, *Journal of Logic, Language and Information*, 2014, Vol. 4, No. 23, pp. 441–480.
- Chatzikyriakidis, S. & Luo, Zh. “On the Interpretation of Common Nouns: Types Versus Predicates”, *Modern Perspectives in Type-Theoretical Semantics*, ed. by S. Chatzikyriakidis and Zh. Luo. New York; Berlin; Heidelberg: Springer, 2017, pp. 43–70.
- Chomsky, N. *Syntactic Structures*, 2nd ed. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2002. xviii, 117 pp.
- Cooper, R. “Representing Types as Neural Events”, *Journal of Logic, Language and Information*, 2019, Vol. 28, pp. 131–155.
- Cusimano, Ch. *Language and Neurology: Alzheimer's Disease*. Hoboken: Wiley, 2021. 192 pp.
- Dolgorukov, V.V. & Kopylova, A.O. “‘Ontologicheskii kvadrat’ i teoretiko-tipovaya semantika” [The ‘ontological square’ and modern type theories], *Logicheskie issledovaniya / Logical Investigations*, 2018, Vol. 24, No. 2, pp. 36–58. (In Russian)
- Dragalina-Chernaya, E.G. *Neformal'nye zametki o logicheskoy forme* [Informal Notes on Logical Form]. St. Petersburg: Aletya Publ., 2015. 202 pp. (In Russian)
- Frege, G. *Logika i logicheskaya semantika: sbornik trudov* [Logic and Logical Semantics: A Collection of Works], trans. by B.V. Biryukov. Moscow: Aspekt Press Publ., 2000. 512 pp. (In Russian)
- Frege, G. *Logiko-filosofskie trudy* [Logico-Philosophical Works], trans. by V.A. Surovtsev. Novosibirsk: Sibirskoe universitetskoe izdatel'stvo Publ., 2008. 283 pp. (In Russian)
- Heim, I. & Kratzer, A. *Semantics in Generative Grammar*. Malden, Mass.: Blackwell, 1998. x, 324 pp.
- Hempel, C. “On the Logical Positivists’ Theory of Truth”, *Analysis*, 1935, Vol. 2, No. 4, pp. 49–59.
- Kutas, M. & Hillyard, S. “Reading Senseless Sentences: Brain Potentials Reflect Semantic Incongruity”, *Science, New Series*, 1980, Vol. 207, No. 4427, pp. 203–205.
- Ladov, V.A. “Kritika teorii tipov v filosofii rannego L. Vitgenshteyna” [Criticism of the Theory of Types in the Early Wittgenstein’s Philosophy], *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2021, No. 62, pp. 194–203. (In Russian)
- Martin-Löf, P. *Intuitionistic Type Theory*. Napoli: Bibliopolis, 1984. 91 pp.

- Mikirtumov, I.B. "Propozitsional'nye ustanovki I intensional'nye sushchnosti" [Propositional Attitudes and Intensional Entities], *Logiko-filosofskie studii*, 2006, No. 4, pp. 133–148. (In Russian)
- Montague, R. "Universal Grammar", *Theoria*, 1970, Vol. 36, No. 3, pp. 373–398.
- Russell, B. "Mathematical Logic as Based on the Theory of Types", *American Journal of Mathematics*, 1908, Vol. 30, No. 3, pp. 222–262.
- Russell, B. "On Denoting", *Mind*, 2005, Vol. 114, No. 456, pp. 873–887.
- Russell, B. *The Philosophy of Logical Atomism*. London; New York: Routledge, 2010. xlii, 162 pp.
- Strawson, P. "Identifying Reference and Truth-Values", *Theoria*, 1964, Vol. 30, No. 2, pp. 96–118.
- Strawson, P. "On Referring", *Mind*, 1950, Vol. 59, No. 235, pp. 320–344.
- Vostrikova, E.V. & Kusliy, P.S. "Preodolenie kriticheskikh argumentov Karnapa protiv metafiziki s pomoshch'yu logicheskogo analiza estestvennogo yazyka" [The Elimination of Carnap's Critical Arguments against Metaphysics through Formal Semantic Analysis of Natural Language], *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2019, Vol. 56, No. 4, pp. 78–98. (In Russian)
- Yamada, Y. & Neville, H.J. "An ERP Study of Syntactic Processing in English and Nonsense Sentences", *Brain Research*, 2007, Vol. 1130, pp. 167–180.

М.А. Секацкая

МОРАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КОМПАТИБИЛИЗМА*

Секацкая Мария Александровна – кандидат философских наук. Университет Дюссельдорфа. Germany, 40225, Düsseldorf, Universitätsstr. 1; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; e-mail: maria.sekatskaya@gmail.com

Большинство участников современных дискуссий о свободе воли не верят в то, что наш мир физически детерминирован. Тем не менее компатибилисты продолжают приводить аргументы в пользу того, что свобода воли совместима с физическим детерминизмом, в то время как инкомпатибилисты продолжают оспаривать этот тезис. В первом и втором разделах статьи я показываю, что тезис физического детерминизма по-прежнему важен, потому что он позволяет определить критерии, которым должно соответствовать свободное действие, влекущее за собой моральную ответственность. Либертарианцы натуралистического направления принимают те же критерии свободного действия, за которое агент несет моральную ответственность, что и компатибилисты, но вводят дополнительное требование о том, что свободное действие должно быть индетерминированным. В трех последних разделах я ставлю под вопрос моральную обоснованность этого требования. В третьем разделе я формулирую условия мысленного эксперимента, в котором агенты, соответствующие инкомпатибилистским критериям свободы (ИС-агенты), и агенты, соответствующие компатибилистским критериям свободы (КС-агенты), находятся в одном возможном мире. Если либертарианцы правы, что соответствие инкомпатибилистским критериям меняет моральный статус агента, то и наше отношение к ИС- и КС-агентам должно учитывать моральную разницу между агентами этих двух типов. Однако как минимум в некоторых случаях это не так, что я демонстрирую на примере двух моральных дилемм в четвертом и пятом разделах. Вывод заключается в том, что предположение о различном моральном статусе КС- и ИС-агентов не подтверждается нашими моральными интуициями и, следовательно, не может утверждаться инкомпатибилистами как самоочевидная истина, а требует дополнительного обоснования.

Ключевые слова: свобода воли, моральная ответственность, детерминизм, индетерминизм, компатибилизм, либертарианство

Для цитирования: Секацкая М.А. Моральные аспекты компатибилизма // Философский журнал / Philosophy Journal. 2022. Т. 15. № 3. С. 157–171.

* Статья подготовлена при поддержке НИУ ВШЭ, проект «Натурализация этики: естественнонаучные подходы к свободе воли и моральной ответственности».

1. Почему вопрос о детерминизме имеет значение

Компатибилисты полагают, что в физически детерминированном мире могут существовать агенты, обладающие свободой воли. Инкомпатибилисты с ними не согласны. При этом начиная со второй половины XX в. большинство философов не верят в истинность тезиса физического детерминизма, поскольку он противоречит стандартной интерпретации квантовой механики, а натуралистическая метафизика исходит из того, что фундаментальные научные теории являются наиболее надежным источником знаний об устройстве мира¹. Почему практически единодушный отказ от утверждения истинности тезиса физического детерминизма не стал решающим аргументом в дебатах о свободе воли?

Один из ответов на этот вопрос состоит в том, что истинность физического детерминизма нельзя исключать, пока у нас нет в наличии финальной теории всего². Это, безусловно, так, но это соображение, как мне кажется, не объясняет всей важности дискуссии о совместимости этих двух понятий. Многие современные компатибилисты согласны с утверждениями физиков о том, что фундаментальные законы природы имеют индетерминистский характер, но полагают, что ответ на вопрос о том, истинен или ложен тезис физического детерминизма в некотором возможном мире, попросту неважен для ответа на вопрос о том, обладают ли агенты в этом возможном мире свободой воли³. Наличие или отсутствие свободы воли, с точки зрения большинства современных компатибилистов, определяется психологическими свойствами агентов, их историей, обстоятельствами, в которых они совершают тот или иной поступок, и т.д.⁴, а не тем, живут ли эти агенты в физически детерминированном или индетерминированном мире. Для чего компатибилистам в таком случае нужно настаивать на совместимости свободы воли с физическим детерминизмом?

Во втором разделе статьи я покажу, что обсуждение вопроса о совместимости свободы воли с физическим детерминизмом позволяет четко определить критерии, которым должно соответствовать свободное действие. Современные либертарианцы натуралистического направления принимают те же критерии свободного действия, за которое агент несет моральную ответственность, что и компатибилисты, но вводят дополнительное требование о том, что свободное действие должно быть индетерминированным. Соответственно, если агент несет моральную ответственность только за свободные действия и если свободные действия требуют истинности индетерминизма, то должна существовать тесная связь между моральной ответственностью и индетерминизмом.

¹ Maudlin T. The metaphysics within physics. Oxford, 2009.

² Earman J. Determinism: what we have learned and what we still don't know // Freedom and Determinism. Cambridge (Mass), 2004. P. 21–46.

³ Vihvelin K. Causes, laws, and free will: why determinism doesn't matter. N.Y., 2013.

⁴ Васильев В.В. В защиту классического компатибилизма: Эссе о свободе воли. М., 2017; Волков Д.Б. Свобода воли. Иллюзия или возможность. М., 2018; Секацкая М.А. Либертарианские волевые акты и проблема удачи // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57. № 4. С. 87–106; Она же. Условный анализ свободы воли и аргумент последствий // Омский научный вестник. 2020. Т. 5. № 4. С. 61–65.

В трех последних разделах статьи я ставлю под вопрос обоснованность этого требования. На примере двух мысленных экспериментов я показываю, что у нас есть моральное обязательство одинаково относиться к агентам, различающимся только с точки зрения того, детерминированы их действия или нет. Я хочу показать, что, даже если мы в порядке дискуссии принимаем инкомпатибилистское определение свободы воли, гласящее, что агенты, соответствующие компатибилистским, но не соответствующие инкомпатибилистским критериям свободы, не несут моральной ответственности, тем не менее наше отношение к детерминированным и индетерминированным агентам должно быть одинаковым, потому что считать одних более ценными, чем другие, или достойными иного обращения будет несправедливо. А если наши этические интуиции свидетельствуют, что детерминированные и индетерминированные агенты обладают одинаковой моральной ценностью для нас, то тем самым оказывается поставлено под вопрос инкомпатибилистское убеждение в том, что соответствие инкомпатибилистским критериям свободы представляет собой нечто такое, к чему следует стремиться и отсутствие чего будет означать потерю и крушение нашего образа себя, – потерю, которая вполне возможна, если окажется, что детерминизм истинен!⁵

2. Компатибилистские и инкомпатибилистские критерии свободы воли

Многие инкомпатибилисты утверждают, что несовместимость свободы воли с физическим детерминизмом интуитивно очевидна, и что согласиться с компатибилистами возможно лишь будучи переубежденным сложными философскими аргументами⁶. Многие компатибилисты, в свою очередь, утверждают, что инкомпатибилистские интуиции – это результат философской индоктринации и что в обыденном словоупотреблении и в повседневной практике приписывание кому-либо свободы и моральной ответственности не требует даже имплицитного вынесения суждения о ложности тезиса физического детерминизма⁷. Кто бы ни был прав в этой дискуссии,

⁵ В неявном виде это убеждение пронизывает собой многие либертарианские аргументы против компатибилистских теорий свободы воли. Напрямую оно высказывается, например, Робертом Кейном (*Kane R. The Significance of Free Will. Oxford, 1996*) или Дерком Перебумом (*Pereboom D. Living without free will. Cambridge, 2001; Idem. Free will, agency, and meaning in life. Oxford, 2014*). Перебум исходит из того, что отсутствие моральной ответственности в смысле «базовой заслуги» имеет настолько важные последствия, что требует пересмотра всей юридической системы и переосмысления нашего отношения к себе и другим. Моя цель – та же, которую ставил Питер Стросон: показать, что истинность или ложность физического детерминизма ничего не меняет в наших моральных установках, хотя примеры и аргументы, которые я привожу, основываются на развитии дискуссий о свободе воле, происходивших за 60 лет после публикации «Свободы и обиды», и не связаны с рассуждениями Стросона напрямую (см.: *Strawson P. Freedom and resentment // Proceedings of the British Academy. 1962. Vol. 48. P. 1–25*; рус. пер.: *Стросон П. Свобода и обида // Финиковый компот. 2020. С. 204–221*).

⁶ См., напр.: *Kane R. Op. cit.*

⁷ *Беседин А.П.* Натуралистический аргумент П. Стросона в пользу моральной ответственности // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2015. № 6. С. 8–16; *Denneft D. Freedom Evolves. N.Y., 2003; Nahmias E., Morris S.G., Nadelhoffer Th., Turner J. Is Incompatibilism Intuitive? // Philosophy and Phenomenological Research. 2006. Vol. 73. No. 1. P. 28–53; Strawson P. Op. cit. P. 1–25.*

на данный момент инкомпатибилистские интуиции распространены достаточно широко. Но если понятия свободы воли и физического детерминизма действительно несовместимы друг с другом, что именно делает их несовместимыми?

Исследования этого концептуального вопроса на протяжении последних десятилетий позволили инкомпатибилистам ясно сформулировать необходимые условия для наличия свободы воли, которые, как они полагают, несовместимы с физическим детерминизмом. Среди этих условий наиболее важны следующие:

- (1) наличие у агента альтернативных возможностей,
- (2) наличие у агента изначальной ответственности,
- (3) наличие у агента такого типа контроля над своими действиями, который необходим для приписывания этому агенту моральной ответственности в смысле базовой заслуги.

Инкомпатибилисты утверждают, что как минимум одно из этих условий невыполнимо в мире, в котором истинен физический детерминизм. Одним из наиболее влиятельных способов обоснования несовместимости условия (1) с физическим детерминизмом является аргумент последствий Питера ван Инвагена⁸. Несовместимость условия (2) с физическим детерминизмом утверждает Роберт Кейн⁹. Условие (3) обосновывается в работах Дерка Перебума¹⁰. Не все инкомпатибилисты считают необходимым выполнение всех трех вышеперечисленных условий. Некоторые полагают, что для свободы воли важно выполнение только условия (1), другие полагают, что важно выполнение (2) и т.д.: любая комбинация трех этих условий возможна. Самая сильная инкомпатибилистская позиция состоит в том, что все три условия необходимы для свободы воли и невыполнимы, если физический детерминизм истинен. Назовем эту комбинацию условий «инкомпатибилистским критерием свободы» (ИС).

Компатибилисты в ответ на это могут выбрать одну из двух стратегий:

1. Классический компатибилизм – продемонстрировать, что выполнение всех этих условий совместимо с истинностью тезиса физического детерминизма. Классические компатибилисты полагают, что в физически детерминированном мире агенты могут обладать рядом свойств и способностей, достаточных для наличия у них свободы воли и представляющих собой детерминистский аналог ИС. Назовем такой набор способностей «компатибилистским критерием свободы» (КС).

2. Неклассический компатибилизм – согласиться с инкомпатибилистами в том, что одно или более из этих условий невыполнимо, но продемонстрировать, что выполнение одного, двух или даже всех трех условий не требуется для свободы воли.

В этой статье я не буду рассматривать аргументы классических и неклассических компатибилистов, т.к. моя цель состоит в том, чтобы продемонстрировать, что предъявляемые инкомпатибилистами критерии ведут к этически проблематичным выводам. Аргументы в защиту классической стратегии

⁸ Van Inwagen P. An essay on free will. Oxford, 1983; *Idem*. Free will remains a mystery // *Philosophical Perspectives*. 2000. Vol. 14. No. 1. P. 1–20.

⁹ Kane R. *Op. cit.*

¹⁰ Pereboom D. Living without free will. Cambridge, 2001; *Idem*. Free will, agency, and meaning in life. Oxford, 2014.

могут быть найдены в публикациях российских и зарубежных философов¹¹, так же как и аргументы в защиту неклассической компатибилистской стратегии¹². Я полагаю, что обе эти стратегии работают: компатибилисты могут обосновать как то, что свобода воли, достаточная для приписывания агенту моральной ответственности и совместимая с нашими повседневными представлениями об агентности и моральной ответственности, не требует выполнения инкомпатибилистских критериев, так и то, что выполнение этих критериев совместимо с истинностью физического детерминизма. Однако проблема в том, что даже самая успешная защита какой-либо позиции от контраргументов оставляет ощущение уязвимости: если компатибилистам удалось отбить предшествующие атаки инкомпатибилистов, это не значит, что им удастся отбить следующую. Пока компатибилисты обороняются, не переходя в наступление, позиция инкомпатибилистов представляется интуитивно привлекательной и диалектически выгодной. В данной статье я использую другую тактику: я продемонстрирую, как компатибилисты могут атаковать инкомпатибилистские принципы путем прояснения этически неприемлемых следствий, которые из этих принципов проистекают.

3. Компатибилистские и либертарианские агенты

Прежде чем мы начнем рассматривать моральные последствия проведения этически значимых различий между агентами, которые соответствуют ИС (ИС-агентами), и агентами, которые соответствуют КС (КС-агентами), отметим, что не все поступки, совершенные ИС-агентами, являются свободными поступками, за которые ИС-агенты несут моральную ответственность. Агент, в принципе соответствующий инкомпатибилистским критериям свободы воли, может не обладать свободой воли в некотором конкретном случае: если он был вынужден совершить аморальный поступок под дулом пистолета, был загипнотизирован, подвергся манипуляции и т.д. В этом случае ИС-агент будет временно лишен свободы воли (относительно данного поступка), т.к. он не соответствовал КС. Таким образом, с точки зрения инкомпатибилистов, КС являются необходимым, но недостаточным условием для наличия у агента свободы воли: только тот агент действует свободно, кто в момент совершения действия соответствует как ИС, так и КС.

С точки зрения компатибилистов, соответствие КС необходимо и достаточно для наличия свободы воли и моральной ответственности. Типичные читатели данного текста соответствуют КС и, следовательно, являются свободными и морально ответственными агентами, полагают компатибилисты. Либертарианцы полагают, что ИС-агенты не только концептуально возможны, но и реальны: они действительно существуют в актуальном мире. Типичные читатели данного текста – это ИС-агенты, убеждены либертарианцы. Жесткие инкомпатибилисты утверждают, что ИС-агенты концептуально

¹¹ Васильев В.В. Указ. соч.; Секацкая М.А. Либертарианские волевые акты и проблема удачи. С. 87–106; Она же. Условный анализ свободы воли и аргумент последствий. С. 61–65; Lehrer K. A Possible Worlds Analysis of Freedom // Lehrer K. Metamind. Oxford; N.Y., 1990. P. 50–78; Vihvelin K. Op. cit.

¹² Волков Д.Б. Указ. соч.; Секацкая М.А. Моральная ответственность без свободы воли. Аргумент в пользу натуралистической этики // Вопросы философии. 2014. № 10. С. 151–161; Dennett D. Op. cit.; Strawson P. Op. cit.

возможны, но по тем или иным причинам не существуют в актуальном мире. Типичные читатели данного текста думают, что они – ИС-агенты, но они, к сожалению, заблуждаются, утверждают жесткие инкомпатибилисты.

На примере двух мысленных экспериментов я покажу, что инкомпатибилистское предположение о том, что ИС-агенты, соответствующие как КС, так и ИС, обладают иным моральным статусом, чем КС-агенты, соответствующие только КС, ведет к этически неприемлемым выводам.

Представим себе, что в возможном мире m_1 ИС- и КС-критерии в принципе выполнимы. В этом мире физический детерминизм ложен и существует два типа агентов: ИС- и КС-агенты. При этом, хотя в m_1 детерминизм как метафизический тезис ложен, КС-агенты не удовлетворяют инкомпатибилистскому условию (1): они обладают альтернативными возможностями только в компатибилистском прочтении (в версии классического условного анализа, нового диспозиционализма или иной компатибилистской интерпретации)¹³. Также они не удовлетворяют инкомпатибилистским условиям (2) и (3): у них нет ни изначальной ответственности, ни моральной ответственности в смысле базовой заслуги. Во всех остальных отношениях КС- и ИС-агенты не отличаются друг от друга: они обладают сознанием, способны рационально мыслить и излагать свои мысли, испытывают эмоции и т.д. Когда КС- и ИС-агенты размышляют о том, какую из двух альтернатив выбрать, т.е., например, совершить альтруистический или эгоистический поступок, их мысли, ощущения, переживания и эмоции могут быть феноменально неотличимы. Зная только субъективные факты о внутреннем мире и объективные факты о поведении некоторого агента, невозможно установить, является ли он КС- или ИС-агентом. Иными словами, единственное отличие КС-агентов от ИС-агентов – это их несоответствие метафизическим ИС-критериям¹⁴.

Предположим, что причины этого несоответствия заключаются в том, что, хотя m_1 на фундаментальном физическом уровне индетерминирован, на макроуровне подавляющее количество индетерминистских эффектов взаимно уничтожаются, так что большая часть макрообъектов и макропроцессов подчиняются детерминистским законам. Таким образом, КС-агенты полностью детерминированы, т.к. все ментальные процессы, происходящие в их сознании, супервентны физически детерминированным нейрональным процессам, происходящим в их мозге. В отличие от них ИС-агенты не полностью детерминированы: некоторые из ментальных процессов этих агентов супервентны физически индетерминированным нейрональным процессам. Иными словами, некоторые индетерминированные нейрональные процессы ИС-агентов взаимно однозначно коррелируют с теми сознательными состояниями и процессами, которые необходимы для осуществления агентом свободных действий. Таким образом, ИС-агенты удовлетворяют условиям, описанным Робертом Кейном, Лаурой Экстром или Марком Бала-

¹³ Эти версии компатибилизма изложены в литературе, приведенной в ссылке 11.

¹⁴ Многие либертарианцы полагают, что феноменологически «свободу воли» обнаружить невозможно: некий поступок будет свободным или несвободным в зависимости от соблюдения ИС (т.е., в частности, отсутствия физического детерминизма), при том что физический детерминизм, так же как и «изначальная ответственность», – это метафизические характеристики агента и мира, в котором он находится, а не субъективные ощущения этого агента: *Balaguer M. Free will as an open scientific problem. Cambridge, 2010; Ekstrom L. Free will: a philosophical study. Boulder (CO), 2000; Kane R. Op. cit.*

гером¹⁵. Для нашего мысленного эксперимента неважно, какая именно из этих либертарианских теорий ближе к истине: для формулировки нижеследующих мысленных экспериментов достаточно того, что детали внутреннего устройства ИС-агентов могут соответствовать условиям, выдвигаемым любым из этих авторов¹⁶.

Допустим, что во всем остальном m_1 подобен актуальному миру. Собственно говоря, если натуралистически мыслящие либертарианцы правы, то в актуальном мире тоже существуют КС- и ИС-агенты, а разница с m_1 состоит лишь в том, что де-факто все агенты, соответствующие КС, также соответствуют ИС¹⁷. Теперь мы готовы к рассмотрению двух мысленных экспериментов, из которых, как мне представляется, следует, что моральный статус КС- и ИС-агентов одинаков.

4. Первая моральная дилемма: очередность спасения

Представим себе, что в m_1 существует тоталитарная страна А, в которой функционируют концентрационные лагеря, официально называемые «центрами профессионального обучения». В этих лагерях содержатся противники правящего режима, их родственники и знакомые, представители подозрительных для режима национальностей, религиозных конфессий и т.д. Официальная цель этих лагерей – перевоспитать реальных и потенциальных противников режима и сделать из них лояльных граждан. Методы перевоспитания являются антигуманными, несовместимыми с человеческим достоинством и потому могут вести к гибели «перевоспитываемых». Теперь представим себе, что часть узников этих лагерей – КС-агенты, а другая часть – ИС-агенты. Если инкомпатибилисты правы, что у ИС-агентов дру-

¹⁵ См. литературу в предыдущей ссылке.

¹⁶ Важно отметить, что это описание ИС-агентов подразумевает натуралистический подход к сознанию и агентности, который явно разделяется всеми упомянутыми выше либертарианцами. Поскольку эти авторы не проясняют, какой именно версии физикализма они придерживаются, то читатели могут выбрать ту, которая представляется им наиболее убедительной. Если придерживаться редуктивной версии физикализма, то корреляция нейрональных и сознательных процессов агентов метафизически объясняется за счет того, что эти процессы тождественны, см.: *Секацкая М.А.* Почему разрыв в объяснении не является решающим аргументом против натурализма в философии сознания // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2015. Т. 44. № 2. С. 125–135. Если придерживаться нередуктивной версии физикализма, то корреляция нейрональных и сознательных процессов метафизически объясняется за счет того, что сознательные процессы супервентны нейрональным процессам, но не тождественны им, см.: *Иванов Д.В.* Природа феноменального сознания. М., 2013; *Разеев Д.Н.* О двух уровнях эпистемологии сознания // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2015. Т. 44. № 2. С. 74–86. В любом случае как тождество, так и супервентность без тождества предполагают, что процессы, происходящие в сознании, определяются нейрональными процессами и не могут существовать независимо от своего физического коррелята.

¹⁷ Возможность сосуществования в одном мире агентов с различным каузальным статусом (детерминистским и индетерминистским) также рассматривает С.М. Левин, который приводит мысленный эксперимент, основывающийся на функционалистской интерпретации расширенного сознания и призванный опровергнуть утверждение о том, что наличие у агента свободы воли зависит от каузального статуса данного агента: *Левин С.М.* Расширенное сознание и каузальный статус деятелей // *Логос.* 2016. Т. 26. № 5. С. 227–242.

гой моральный статус, потому что они, в отличие от КС-агентов, обладают свободой воли и несут моральную ответственность за свои поступки, следует ли из этого, что содержание ИС-агентов в этих лагерях представляет собой более серьезное преступление, чем содержание там же КС-агентов? И что если кто-то может спасти только часть узников, то он должен в первую очередь спасать ИС-агентов, а КС-агентов – во вторую очередь?

Мне представляется, что подобная дискриминация узников будет настолько же аморальной, насколько аморальной будет дискриминация их по принципу этнического происхождения, вероисповедания, сексуальной ориентации, уровня образования, уровня доходов и т.д. Собственно говоря, одно из наиболее возмутительных обстоятельств всей этой истории заключается именно в том, что правительство страны А себя в праве помещать людей в концентрационные лагеря и насильственно «перевоспитывать» только потому, что эти люди имеют «неправильные» вероисповедание, политические взгляды или этническое происхождение. Служба спасения, которая будет применять подобные же выборочные критерии к тому, кого спасать, по сути дела, согласится с правительством страны А, что некоторые люди более заслуживают нахождения в этих лагерях, чем другие люди, – разница будет состоять лишь в том, какие именно критерии применяются и с какой целью.

Первый ответ, который могут дать инкомпатибилисты, состоит в том, что из ИС-критериев нельзя делать подобных выводов, потому что моральный статус самого агента неважен, если речь идет об испытываемых этим агентом страданиях и счастье. Обоснование этого ответа основывается на консеквенциалистской этической теории. КС-агенты, по определению испытывают те же эмоции и ощущения, что и ИС-агенты следовательно, с точки зрения консеквенциализма между КС- и ИС-агентами нет морально значимой разницы. Это логично – многие участники дискуссий о свободе воли отмечают, что консеквенциалистская этика вполне совместима с компатибилистскими теориями свободы воли¹⁸. Но проблема в том, что сторонники ИС не могут сослаться на консеквенциализм, чтобы ответить на мой пример вышеприведенным образом. Весь смысл ИС-условия (3) заключается в том, что, с точки зрения инкомпатибилистов, сама способность ИС-агентов нести моральную ответственность в смысле базовой заслуги представляет собой нечто более ценное, чем способность КС-агентов нести консеквенциалистскую КС-совместимую моральную ответственность. Мой пример ставит под вопрос это утверждение, потому что показывает, что эта способность не должна влиять на наше отношение к КС- и ИС-агентам. В данном мысленном эксперименте речь не идет о том, что кто-то из находящихся в концлагере агентов несет моральную ответственность, так как они находятся там не за совершенные ими проступки, а за сам факт того, что они являются тем, кем являются, – политически, этнически и религиозно неблагонадежными гражданами. Тем не менее если инкомпатибилисты правы, то между этими агентами все равно есть существенная моральная разница: ведь только ИС-агенты в принципе обладают свободой воли и способны на моральные поступки. Если это так, то почему при выборе, кого спасать в первую очередь, мы не должны руководствоваться ИС-критериями, а должны использовать консеквенциалистские критерии?

¹⁸ См.: *Pereboom D. Free will, agency, and meaning in life.*

Второй ответ, который могут дать инкомпатибилисты, состоит в том, что ИС-критерии действуют асимметрично: хотя КС-агенты и не несут моральной ответственности за свои действия в том же смысле, в котором ее несут ИС-агенты, они обладают такими же правами. Этот ответ не требует консеквенциалистской интерпретации моральной ответственности и может показаться особенно правдоподобным, если провести аналогию с детьми: маленькие дети не отвечают ИС-критериям, но, несмотря на это, мы имеем по отношению к детям не меньше моральных обязательств, чем по отношению к взрослым. Однако эта аналогия обманчива: во-первых, с точки зрения либертарианцев, дети, в отличие от КС-агентов, потенциально обладают таким же моральным статусом, как ИС-агенты, поскольку они вырастут и станут ИС-агентами¹⁹. Во-вторых, дети, в отличие от КС-агентов, не соответствуют КС-критериям, а КС-агенты по определению им соответствуют. Таким образом, если КС-агенты и маленькие дети с этической точки зрения имеют те же права, что ИС-агенты, причина этого не в том, что они подобны друг другу, а в том, что они, наоборот, отличаются с точки зрения соответствия КС-критериям. Следовательно, аналогия с детьми не проясняет, почему ИС-критерии действуют асимметрично. Если инкомпатибилисты хотят обосновать асимметричность ИС-критериев, им нужно привести дополнительные аргументы. Инкомпатибилисты, конечно, могут сказать, что асимметричность ИС-критериев является фундаментальным моральным фактом, не основанным ни на чем другом и доступным нам путем интуитивного понимания смысла слов «моральная ответственность». Против такого поворота дискуссии сложно возразить, т.к. интуиции относительно моральной ответственности могут быть различными. Тем не менее такой ответ ослабляет позиции инкомпатибилистов, поскольку показывает, что пункт (3) ИС не имеет дополнительного подтверждения за счет размышления над смыслом и областью применения наших моральных интуиций, но сам по себе является одной из возможных моральных интуиций, фундаментальной и потому ничем не обоснованной.

Третий ответ, который могут дать инкомпатибилисты, состоит в том, чтобы согласиться, что содержание ИС-агентов в концлагерях представляет собой более серьезное преступление, чем содержание там же КС-агентов. Такое согласие не подразумевает автоматически, что ИС-агентов следует освобождать в первую очередь. Инкомпатибилисты могут сказать, что в связи с тем, что ситуация, имеющая место в концлагерях, настолько ужасна, разница в моральном статусе между КС- и ИС-агентами, хотя и является реальной и морально значимой, менее важна, чем моральное обязательство спасти всех. Здесь можно привести аналогию с пожаром в тюрьме. Предположим, в некоторой тюрьме находятся заключенные, совершившие преступления различной степени тяжести. Некоторые из них украли незначительные суммы денег, другие совершили разбойное нападение, третьи совершили убийство. Более того, в этой тюрьме находятся и несколько невиновных человек, попавших туда вследствие судебной ошибки. Между заключенными существует моральное различие: кто-то виновен, а кто-то нет, притом кто-то виновен в тяжких преступлениях, а кто-то – в преступлениях небольшой тяжести. Тем не менее, если в этой тюрьме начнется пожар, мы имеем моральное обязательство спасти всех заключенных, а если всех не удастся,

¹⁹ Lemos J. A pragmatic approach to libertarian free will. L.; N.Y., 2018.

то, по крайней мере, спасти тех, кого получится. Более того, морально обоснованным, хотя, возможно, и не бесспорным, выглядит утверждение о том, что если нам придется заранее выбрать, кого спасти, а кого нет, то этически самым правильным способом будет способ случайной выборки. Если кто-то не согласен с этим утверждением, то причины такого несогласия не связаны с ИС и КС. Следовательно, сторонники ИС могут использовать эту интуицию для подтверждения своего тезиса. Однако не все проблемы с асимметричностью ИС и КС решаются за счет подобной интуиции, как я надеюсь показать с помощью еще одного мысленного эксперимента.

5. Вторая моральная дилемма: виртуальный рай

Представим себе, что в m_1 проходит несколько десятков лет со времени нашего первого мысленного эксперимента, технологии развиваются и в стране Б возникают заведения, совмещающие в себе функции Голливуда (как фабрики мечтаний) и машины удовольствия, описанной Робертом Нозиком²⁰. В этих заведениях, называемых «виртуальным раем» (ВР), посетителей подключают к виртуальной реальности, в которой они живут захватывающей, интересной, абсолютно устраивающей их внутренней жизнью, при этом все их физиологические потребности полностью удовлетворяются без какого бы то ни было ущерба для здоровья и долголетия. Раз в пять лет у обитателей виртуального рая спрашивают, желают ли они вернуться в обычную реальность, но большинство из них отказывается. Из тех немногих, кто соглашается покинуть виртуальный рай, большинство вскоре возвращается обратно, т.к. обычный мир доставляет им куда меньше удовольствия. Граждане поступают в эти заведения добровольно, хотя у них есть и другие варианты: жить нормальной жизнью, учиться, ходить на работу, заводить семью и т.д. Более того, за пребывание в ВР нужно платить, чтобы окупить затрачиваемые на посетителя ресурсы. Однако, поскольку экономика m_1 в описываемый момент включает в себя экологические квоты, измеряющие индивидуальный углеродный след, фактически пребывание в ВР полностью оплачивается за счет соответствующих квот, так как обитатели ВР наносят куда меньше ущерба экосистеме, чем те, кто путешествует, ездит на работу или живет в собственном доме.

Предположим, что в одном из заведений ВР находятся КС- и ИС-агенты и что мы можем всех их «спасти»: вызволить из ВР, перевести в другую страну, где ВР запрещены (по идеологическим причинам), и направить на курс психологической реабилитации и реадaptации к нормальной жизни. Есть ли у нас моральный долг спасти некоторых или всех обитателей ВР? Ответ «да» подразумевает, что ВР нарушают некий этический принцип. О каком принципе может идти речь? Если мы уверены, что обитатели ВР попали туда добровольно, т.е. дали осознанное и информированное согласие, не находясь под влиянием неких вынуждающих или вводящих их в заблуждение обстоятельств, и не испытывают никаких сожалений, а, наоборот, абсолютно счастливы и не хотят покидать ВР²¹, то этический принцип,

²⁰ Nozick R. Anarchy, state, and utopia. N.Y., 1974.

²¹ Иными словами, если решение агентов находится в ВР соответствует КС-критериям свободного действия.

признающий ВР злом, не может быть исключительно консеквенциалистским. Т.е. этот принцип должен утверждать, что зло или благо для агента не исчерпывается счастьем или страданием, испытываемым этим агентом, а включает в себя еще что-то. Например, «истинное творчество», где под «истинным» понимается творчество в реальном, а не виртуальном мире, «истинную дружбу», «истинную любовь», определяемые подобным же образом, и т.д. Так, этот принцип должен включать в себя представление о том, что пребывание в реальном мире само по себе является ценностью, отсутствие которой невозможно компенсировать никакими, даже самыми приятными, субъективными ощущениями. Назовем этот принцип «принципом реальности». Принцип реальности хорошо сочетается с ИС, т.к. он, по крайней мере на первый взгляд, не может быть объяснен исключительно консеквенциалистскими соображениями. Можно ли применить принцип реальности для того, чтобы обосновать асимметричность ИС-критериев?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны сначала ответить на другой вопрос: следует ли ИС-агентов спасать в первую очередь, а КС-агентов – во вторую? Я полагаю, что нет, так как принцип реальности гласит, что пребывание в реальности само по себе более ценно, чем пребывание в ВР, вне зависимости от того, попал ли агент в ВР свободно или нет, и вне зависимости от того, способен ли этот агент нести моральную ответственность в смысле (3). Поэтому, если сторонники ИС полагают, что ИС-агентов нужно спасать в первую очередь, т.к. их пребывание в ВР в каком-то смысле более трагично, чем пребывание там КС-агентов, эта интуиция не может быть обоснована принципом реальности. Иными словами, асимметричность ИС-критериев не следует из принципа реальности.

Более того, асимметричность ИС-критериев противоречит принципу реальности. Если мы предположим, что принцип реальности дает нам моральное основание «спасти» всех агентов из ВР и перевести их в другую страну, где они пройдут курс реабилитации, то по окончании этого курса реабилитации, если какие-то агенты все-таки изъявят желание вернуться в ВР, желание ИС-агентов вернуться должно иметь больше веса, чем желание КС-агентов, т.к. только ИС-агенты могут быть по-настоящему свободны! Таким образом, если мы считаем, что свободный выбор агента имеет больший вес, чем принцип реальности, мы должны позволить ИС-агентам вернуться в ВР. Но должны ли мы при этом насильно удерживать КС-агентов от возвращения – в том случае, если они, несмотря на курс реабилитации, все-таки захотят вернуться? Ответ на этот вопрос зависит от того, считаем ли мы, что КС-агенты обладают свободой воли и моральной ответственностью в достаточной степени для того, чтобы принимать решения о своей судьбе. Если да, то мы должны позволить им вернуться на тех же основаниях, на которых мы позволяем ИС-агентам вернуться. В таком случае между ИС- и КС-критериями нет асимметричности. Если нет, то получается, что КС-агенты в большей степени заслуживают спасения из ВР: их следует не только спасти, но и насильственно удерживать от последующего попадания в ВР. Но моральный принцип, который требует от нас удерживать КС-агентов от ВР, не может быть принципом, применимым асимметрично только к ИС-агентам, именно потому, что мы предполагаем, что этот принцип применяется к КС-агентам!

Таким образом, единственная непротиворечивая асимметрия может заключаться в том, что соответствие ИС-критериям нивелирует принцип

реальности. Если ИС-критерии обосновывают асимметричный моральный статус ИС-агентов и если этот асимметричный моральный статус превалирует над принципом реальности, то мы обязаны удерживать от возвращения в ВР только КС-агентов. ИС-агенты, которые все-таки захотят пребывать в ВР даже после курса реабилитации, имеют право пребывать там со всей присущей им свободой воли и моральной ответственностью. Такой вывод, вероятно, не понравится сторонникам ИС. Однако именно этот вывод следует из их позиции, если мы принимаем все вышеуказанные допущения. Инкомпатибилисты могут возразить, что их теория опровергает эти допущения, но для этого им нужно будет предъявить дополнительные аргументы, которые на данный момент мне неизвестны.

Заключение

Инкомпатибилисты утверждают, что моральный статус ИС- и КС-агентов различен. Я рассмотрела два мысленных эксперимента, в одном из которых КС- и ИС-агенты находятся в ситуации, безусловно требующей вмешательства (пример с концлагерем), а в другом – в ситуации, потенциально требующей вмешательства (пример с виртуальным раем), и привела ряд аргументов в пользу того, что предположение о различном моральном статусе КС- и ИС-агентов не подтверждается нашими моральными интуициями. Мои аргументы не демонстрируют однозначно, что КС- и ИС-агенты обладают одинаковым моральным статусом, потому что я принимаю в качестве допущения, что только ИС-агенты способны нести моральную ответственность, но они меняют диалектическую ситуацию, потому что показывают, что наше отношение к КС- и ИС-агентам должно быть одинаковым. А если это отношение одинаково, на чем тогда основывается инкомпатибилистское утверждение о том, что КС- и ИС-агенты не обладают одинаковым моральным статусом? Я допускаю, что это утверждение может быть каким-то образом обосновано, но оно не может быть просто принято как самоочевидная истина. Чтобы обосновать, что между КС- и ИС-агентами действительно есть моральные различия, инкомпатибилистам нужно привести дополнительные аргументы, которые должны быть достаточно убедительны для того, чтобы мы смогли дать такой анализ двух приведенных в статье мысленных экспериментов, который будет соответствовать инкомпатибилистскому тезису о том, что только ИС-агенты обладают настоящей свободой воли и моральной ответственностью. Пока такие аргументы не приведены, я утверждаю, что компатибилистские теории свободы воли и моральной ответственности лучше соответствуют нашим моральным интуициям, чем инкомпатибилистские теории.

Список литературы

- Беседин А.П.* Натуралистический аргумент П. Стросона в пользу моральной ответственности // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2015. № 6. С. 8–16.
- Васильев В.В.* В защиту классического компатибилизма: Эссе о свободе воли. М.: ЛЕНАНД: URSS, 2017. 200 с.
- Волков Д.Б.* Свобода воли. Иллюзия или возможность. М.: Карьера Пресс, 2018. 368 с.
- Иванов Д.В.* Природа феноменального сознания. М.: Либроком, 2013. 240 с.

- Левин С.М. Расширенное сознание и каузальный статус деятелей // Логос. 2016. Т. 26. № 5. С. 227–242.
- Разеев Д.Н. О двух уровнях эпистемологии сознания // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 44. № 2. С. 74–86.
- Секацкая М.А. Моральная ответственность без свободы воли. Аргумент в пользу натуралистической этики // Вопросы философии. 2014. № 10. С. 151–161.
- Секацкая М.А. Почему разрыв в объяснении не является решающим аргументом против натурализма в философии сознания // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 44. № 2. С. 125–135.
- Секацкая М.А. Либертарианские волевые акты и проблема удачи // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57. № 4. С. 87–106.
- Секацкая М.А. Условный анализ свободы воли и аргумент последствий // Омский научный вестник. 2020. Т. 5. № 4. С. 61–65.
- Стросон П. Свобода и обида / Пер. с англ. Е. Логинова // Финиковый компот. 2020. С. 204–221.
- Balaguer M. Free will as an open scientific problem. Cambridge (MA): MIT Press, 2010. 202 p.
- Dennett D. Freedom evolves. N.Y.: Viking Press, 2003. 368 p.
- Earman J. Determinism: what we have learned and what we still don't know // Freedom and Determinism / Ed. by J.K. Campbell. Cambridge (Mass): Bradford Book, 2004. P. 21–46.
- Ekstrom L. Free will: a philosophical study. Boulder (CO): Westview Press, 2000. 236 p.
- Kane R. The significance of free will. Oxford: Oxford University Press, 1996. 280 p.
- Lehrer K. A possible worlds analysis of freedom // Lehrer K. Metamind. Oxford: Clarendon Press; N.Y.: Oxford University Press, 1990. P. 50–78.
- Lemos J. A pragmatic approach to libertarian free will. L.; N.Y.: Routledge; Taylor & Francis Group, 2018. 184 p.
- Maudlin T. The metaphysics within physics. Oxford: Oxford University Press, 2009. 197 p.
- Nahmias E., Morris S.G., Nadelhoffer Th., Turner J. Is incompatibilism intuitive? // Philosophy and Phenomenological Research. 2006. Vol. 73. No. 1. P. 28–53.
- Nozick R. Anarchy, state, and utopia. N.Y.: Basic Books, 1974. 372 p.
- Pereboom D. Living without free will. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2001. 231 p.
- Pereboom D. Free will, agency, and meaning in life. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2014. 219 p.
- Strawson P. Freedom and resentment // Proceedings of the British Academy. 1962. Vol. 48. P. 1–25.
- Van Inwagen P. An essay on free will. Oxford: Clarendon Press, 1983. 248 p.
- Van Inwagen P. Free will remains a mystery // Philosophical Perspectives. 2000. Vol. 14. No. 1. P. 1–20.
- Vihvelin K. Causes, laws, and free will: why determinism doesn't matter. N.Y.: Oxford University Press, 2013. 284 p.

Moral aspects of compatibilism*

Maria A. Sekatskaya

Heinrich Heine University Düsseldorf. 1 Universitätsstr., Düsseldorf, 40225, Germany; National Research University "Higher School of Economics". 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation; e-mail: maria.sekatskaya@gmail.com

Most participants in the current free will debate do not believe that the thesis of physical determinism is true in the actual world. Regardless of this fact, compatibilists keep arguing that free will is compatible with physical determinism, and incompatibilists keep

* The article has been prepared with the support from the HSE University, project.

challenging this claim. In the first and second section of this paper, I show that the compatibility of free will with physical determinism is mainly discussed as a means to clarify what the criteria of free will and moral responsibility are. Many naturalistically minded libertarians accept the same criteria of free and morally responsible action as many compatibilists do, but they introduce an additional criterion of indeterminism. In the last three sections, I question the moral implications of this additional criterion. In the third section, I propose a thought experiment in which agents meeting the incompatibilist criteria of freedom (IC-agents) and agents meeting the compatibilist criteria of freedom (CC-agents) live in the same possible world. If libertarians are right that an agent's moral status depends on whether that agent meets the additional incompatibilist criterion of indeterminism, then our treatment of IC- and CC-agents in that world should be sensitive to the moral difference between these two types of agents. However, at least in some circumstances this is not the case, as I demonstrate with the example of two moral dilemmas in sections four and five. I conclude that the assumption about the different moral status of CC- and IC-agents is not supported by our moral intuitions, and thus cannot be asserted by incompatibilists as a self-evident truth, but requires further justification.

Keywords: free will, moral responsibility, determinism, indeterminism, compatibilism, libertarianism

For citation: Sekatskaya, M.A. "Moral'nye aspekty kompatibilizma" [Moral aspects of compatibilism], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2022, Vol. 15, No. 3, pp. 157–171. (In Russian)

References

- Balaguer, M. *Free will as an open scientific problem*. Cambridge, MA: MIT Press, 2010. 202 pp.
- Besedin, A.P. "Naturalisticheskii argument P. Strosona v pol'zu moral'noi otvetstvennosti" [Peter Strawson's naturalistic argument for moral responsibility], *Vestnik Moskovskogo universiteta, Series 7: Philosophy*, 2015, No. 6, pp. 8–16. (In Russian)
- Dennett, D. *Freedom evolves*. New York: Viking Press, 2003. 368 pp.
- Earman, J. "Determinism: what we have learned and what we still don't know", *Freedom and Determinism*, ed. by J.K. Campbell. Cambridge, Mass: Bradford Book, 2004, pp. 21–46.
- Ekstrom, L. *Free will: a philosophical study*. Boulder, CO: Westview Press, 2000. 236 pp.
- Ivanov, D.V. *Priroda fenomenal'nogo soznaniya* [The nature of phenomenal consciousness]. Moscow: Librokom Publ., 2013. 240 pp. (In Russian)
- Kane, R. *The significance of free will*. Oxford: Oxford University Press, 1996. 280 pp.
- Lehrer, K. "A possible worlds analysis of freedom", in: K. Lehrer, *Metamind*. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1990, pp. 50–78.
- Lemos, J. *A pragmatic approach to libertarian free will*. London; New York: Routledge; Taylor & Francis Group, 2018. 184 pp.
- Levin, S.M. "Rasshirennoe soznanie i kauzal'nyi status deyatelei" [The extended mind and the causal status of the agent], *Logos*, 2016, No. 26 (5), pp. 227–242. (In Russian)
- Maudlin, T. *The metaphysics within physics*. Oxford: Oxford University Press, 2009. 197 pp.
- Nahmias, E., Morris, S.G., Nadelhoffer, Th. & Turner, J. "Is incompatibilism intuitive?", *Philosophy and Phenomenological Research*, 2006, Vol. 73, No. 1, pp. 28–53.
- Nozick, R. *Anarchy, state, and utopia*. New York: Basic Books, 1974. 372 pp.
- Pereboom, D. *Free will, agency, and meaning in life*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2014. 219 pp.
- Pereboom, D. *Living without free will*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2001. 231 pp.
- Razeev, D.N. "O dvukh urovnyakh epistemologii soznaniya" [On the two levels in the epistemology of consciousness], *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filozofiya nauki*, 2015, No. 44 (2), pp. 74–86. (In Russian)

- Sekatskaya, M.A. "Pochemu razryv v ob'yasnenii ne yavlyaetsya reshayushchim argumentom protiv naturalizma v filosofii soznaniya" [Why explanatory gap is not a decisive argument against naturalism in philosophy of mind], *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2015, No. 44 (2), pp. 125–135. (In Russian)
- Sekatskaya, M.A. "Libertarianskie volevye akty i problema udachi" [Libertarian volition and the problem of luck], *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2020, No. 57 (4), pp. 87–106. (In Russian)
- Sekatskaya, M.A. "Moral'naya otvetstvennost' bez svobody voli. Argument v pol'zu naturalisticheskoi etiki" [Moral responsibility without free will. An argument for ethics naturalized], *Voprosy filosofii*, 2014, No. 10, pp. 151–161. (In Russian)
- Sekatskaya, M.A. "Uslovnyi analiz svobody voli i argument posledstviy" [Conditional analysis of free will and the consequence argument], *Omsk Scientific Bulletin, Series: Society. History. Modernity*, 2020, No. 5 (4), pp. 61–65. (In Russian)
- Strawson, P. "Freedom and resentment", *Proceedings of the British Academy*, 1962, Vol. 48, pp. 1–25.
- Strawson, P. "Svoboda i obida" [Freedom and resentment], trans. by E. Loginov, *Finikovyi Kompot*, 2020, pp. 204–221. (In Russian)
- Van Inwagen, P. *An essay on free will*. Oxford: Clarendon Press, 1983. 248 pp.
- Van Inwagen, P. "Free will remains a mystery", *Philosophical Perspectives*, 2000, Vol. 14, No. 1, pp. 1–20.
- Vasilyev, V.V. *V zashchitu klassicheskogo kompatibilizma: Esse o svobode voli* [In defense of classical compatibilism]. Moscow: LENAND Publ.; URSS Publ., 2017. 200 pp. (In Russian)
- Vihvelin, K. *Causes, laws, and free will: why determinism doesn't matter*. New York: Oxford University Press, 2013. 284 pp.
- Volkov, D.B. *Svoboda voli. Illyuziya ili vozmozhnost'* [Free will. Illusion or opportunity]. Moscow: Kar'era Press, 2018. 368 pp. (In Russian)

ДИСКУССИИ

А.Н. Фатенков

НАТУРНЫЙ УМ В КОНТРАТАКЕ НА ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ (ПОЛЕМИЧЕСКИЙ ОТКЛИК НА «ЭВОЛЮЦИЮ РАЗУМА» РЭЯ КУРЦВЕЙЛА)

Фатенков Алексей Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Российская Федерация, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23; профессор кафедры социально-гуманитарных наук. Приволжский исследовательский медицинский университет. Российская Федерация, 603005, г. Нижний Новгород, пл. Минина и Пожарского, д. 10/1; e-mail: fatenkov@fnsn.unn.ru

Обращаясь к геометрическим метафорам, автор защищает природно фундированный ум и – в контексте анализа концепции Рэя Курцвейла – обсуждает возможность решения человеком и машиной так называемых неразрешимых задач. Обсуждение данной проблемы ведется в сопряжении с проблемами иерархии, однородности и неоднородности, противоречия и аналогии, смысла и информации. Приводятся аргументы в подтверждение следующих идей: 1) цифровые технологии не преодолевают принципиальной ограниченности аналоговых технологий, что влияет на возможности искусственного интеллекта; 2) натуральный ум мыслит самобытно (не по аналогии), для него нет неразрешимых теоретических задач; 3) в здоровом человеческом мозгу нет ни избытка, ни недостатка, он не нуждается в искусственном усовершенствовании; 4) неполнота актуализации потенциала мозга не слабость, а сильная особенность человеческого ума; 5) теория искусственного интеллекта характеризуется избыточным редукционизмом и фетишизацией скорости.

Ключевые слова: натуральный ум, искусственный интеллект, Р. Курцвейл, однородность, неоднородность, аналогия, противоречие, иерархия, смысл, информация

Для цитирования: *Фатенков А.Н.* Натурный ум в контракте на искусственный интеллект (полемический отклик на «Эволюцию разума» Рэя Курцвейла) // Философский журнал / Philosophy Journal. 2022. Т. 15. № 3. С. 172–183.

В неприятии, отвержении чего-то или кого-то всегда важную роль берет на себя человеческое иррациональное. Вместе с тем этот ментальный, а вернее, психосоматический акт и соответствующее состояние человека никогда не являются сугубо иррациональными.

Некоторым образом разъяснит ситуацию и вдобавок высветит существенную черту натурального ума обращение к Ф.М. Достоевскому. Его герои что-то искренне отвергают, чем-то и кем-то искренне дорожат. Они принимают

во внимание все возможные аргументы, будучи в готовности сходу отвергнуть их. Как в случае с Иваном Карамазовым: «Пусть даже параллельные линии сойдутся и я это сам увижу: увижу и скажу, что сошлись, а все-таки не приму»¹. Знаменитый и концептуально емкий, многогранный тезис. Рассмотрим его.

Действительно, можно ли по поведению линий (фигур одномерных) однозначно судить о характере пространства (реалии трехмерной, соразмерной человеку)? В однородном (гомогенном) пространстве есть и пересечения, и параллели; причем параллельными могут быть и прямые линии, и ломаные. В неоднородном (гетерогенном) пространстве параллелизм, строго говоря, невозможен, если не редуцировать неоднородность к комплексу сегментов, каждый из которых, отличаясь по плотности от других, внутри себя однороден. В гетерогенной среде линии только сходятся и расходятся. Однако изначальная фиксация непараллелизма никак не гарантирует нам встречу именно с гетерогенной средой.

Брат Иван не принимает не возможность схождения одномерных фигур – он отвергает гомогенность пространства, в которой все фигуры, даже проективно объемные, невольно становятся одномерно-плоскостными. И тогда, чтобы хоть как-то воспрепятствовать фатальной геометрической редукции, низведению плоскости к точке, не остается ничего другого, как табуировать схождение параллелей.

Что скрывается за жадной точечной гегемонией? Во-первых, нигилистическая по своей сути стратегия замещения минимизированной реальной (чувственно воспринимаемой) фигуры виртуальным (лишь мыслимым) означающим без означаемого, когда гомогенность отождествляется с пустотой, а точка, следовательно, с условно дробным отсутствующим в континуально отсутствующем. Во-вторых, обнаруживается и радикально прогрессистский замысел о допустимости проведения через идеальную точку сколь угодно числа линий, ведь с графической точкой на плоскости это допущение невыполнимо: какими бы тонкими ни были фигуры, неизбежно наступит момент, когда для начертания очередной линии места уже не останется.

Теперь – о карамазовском упрямстве (как выясняется, не сугубо иррациональным), в продолжение его. Признаюсь, в сегодняшней дискуссии вокруг искусственного интеллекта (ИИ) нахожусь среди тех, кто противится его безоглядному продвижению. У привносимого им комфорта, коммуникативных и медицинских вспоможений непомерно высокая цена (понимаю, что кто-то со мной и не согласится). В социальном плане диагностируются зачатки хронической тоталитарности: повышенный комфорт оборачивается повышенным контролем, никак не препятствующим, кстати, росту числа мошенничеств. В экзистенциальном плане отчетливо распознаются следы бесчеловечности, включая фиксируемое современной психиатрией цифровое слабоумие. И кем бы и какие бы аргументы ни приводились в защиту ИИ (даже не сугубо апологетические²), они не кажутся убедительными. Поэтому детально проработанные рациональные контраргументы тоже представлю. Цель – показать колеблющимся, взвешивающим вероятности, немалые возможности натурального ума, нисколько не нуждающегося для

¹ *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений: в 15 т. Т. 9: Братья Карамазовы. Л., 1991. С. 265.

² См., в частности: *Бостром Н.* Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. М., 2016.

достижения жизненных смыслов в подключении к электронному информационному облаку. Иначе говоря, под защиту берется стратегия, согласно которой когнитивные способности человека фундаментальны не только социально-культурно, но и биологически, и не одной лишь нервной системой, но всей нашей телесной организацией³. Умным может быть исключительно живое. Машину не оживить, и незакавыченно умной ей никогда не стать. Хотя соблазны, конечно, останутся. У тех, прежде всего, кто предъявляет претензии к природе, будто она им что-то недодала. Вот они и грезят о точке сингулярности, в которой естественный интеллект должен слиться с искусственным. Сингулярианское мировоззрение с его стремлением избавиться от тела, как справедливо отмечает Кори Пайн, насквозь мизантропично⁴.

Недавно уже доводилось говорить и писать о том, что отказ от тех, казалось бы, неоспоримых преимуществ, которые дает гуманитарии компьютер (пишущая машинка + библиотека + почта в одном компактном флаконе), и возвращение к доинновационному формату работы совершенно точно не отразятся негативным образом на ее качестве – скорее наоборот, с устранением спешки и суеты, детерминируемой скоростными возможностями «умной машины», качество текстов наверняка повысится⁵. Полтора пандемических года наглядно продемонстрировали паллиативность и образовательных онлайн-процедур: уровень знаний, умений и навыков студентов-первокурсников, обучавшихся в старших классах средней школы фактически заочно, крайне низок. Чем отвечать и восполнять пробелы? Где только позволялось, вел занятия очно, уважительно вспоминая Майкла Полани и его книгу о личностном знании, о необходимости и желательности непосредственного, без всякого экранирования, общения учителя и ученика⁶. (Не удивлюсь, если цифровое общество отправит труд Полани в реестр не рекомендованных к изучению.) Словом, привычный встречный выпад прагматического плана со стороны инноваторов – дескать, ругает то, чем сам с выгодой пользуется, – не страшен.

Сосредоточимся далее на преимущественно теоретических аспектах полемики с приверженцами ИИ, выбрав в качестве главного оппонента Рэя Курцвейла, открыто заявляющего, что без подключения к компьютерным ресурсам, расширяющим мозг, он чувствует себя неполноценным⁷. Заранее ожидаема, в общем-то, типичная для ИТ-шника экстраполяция компьютерной матрицы на структуру человеческого мозга и функционирующее человеческое сознание, как и встреча с характерным для сциентистского умонастроения жестким редукционизмом. Отдельные проявления его, впрочем, могут быть до некоторой степени любопытны.

Сомнительных упрощений в концепции Курцвейла предостаточно. Жизнь и эволюция сводятся им к процессу обучения, а далее к операциям с информацией. Мышление уравнивается с памятью, причем такой, применительно

³ См., в частности: Матурана У., Варела Ф. Древо познания. М., 2011.

⁴ См.: Пайн К. Живи, вкальвай, сдохни. Репортаж с темной стороны Кремниевой долины. М., 2019. С. 277.

⁵ См.: Фатенков А.Н. С цифровыми технологиями – в бесчеловечное будущее // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1 (49). С. 217–219.

⁶ См.: Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М., 1985.

⁷ См.: Курцвейл Р. Эволюция разума: как развитие искусственного интеллекта изменит будущее цивилизации. М., 2020. С. 414.

к которой забывание трактуется однозначно негативно; уравнивание педалируется, когда ставится задача подчеркнуть интеллигентный гомоморфизм человека и компьютера, и маскируется, когда приоритетно обсуждаются проблемы прогнозирования и предвидения будущего. Понимание отождествляется со статистическим анализом, которому приписывается иерархический (ранжирующий) характер. Мозг животного и человека подстраивается под машинный схематизм, трансформирующуюся систему нейронных модулей (блоков). В целом, обновленная вариация сциентизированного просвещенческого механицизма.

Ситуация становится чуть занятнее, когда выясняется, что каждый из нейронных блоков проще и мозга как такового, и отдельного нейрона. Курцвейлом постулируется, что нейроны плотно прижаты друг к другу в модуле, между ними нет выстроенных отношений. Отсутствие такой реляционной структуры и делает модуль простым. Сложность же, прежде всего сложность мозга, обусловлена как раз наличием реляционного каркаса, образующегося и разрастающегося в процессе совместного параллельного функционирования нейронных блоков. Введенный постулат позволяет, во-первых, обнулить, по сути, биологическую специфику нейрона и не обращать внимания на его сложность; во-вторых, подготовить возможность легкой замены и дополнения естественного мозгового модуля искусственным; в-третьих, подчеркнуть приоритет сети отношений перед нереляционными элементами (блоками) этой сети; в-четвертых, эксплуатировать идею ранга, без которой не обойтись при легитимации прогрессивной эволюции разума.

Американский интеллектуал и бизнесмен много рассуждает об иерархии: и в глобальном масштабе, касательно мироздания, и в масштабе локальном, касательно мозга *Homo sapiens*. Более того, обсуждается пластичная иерархия (идея и вовсе мне близкая⁸). Но как же ее истолковывает Курцвейл?

Истолковывает с явными логическими прорехами. Когда восторгается эволюцией и прогрессом, иерархия трактуется им как процесс и результат роста сложности: человеческий мозг, благодаря развитию новой коры, сложнее мозга любого другого млекопитающего (с эволюционно-прогрессивной точки зрения так оно и есть), но одновременно заявляет, что «один нейрон устроен сложнее, чем вся новая кора»⁹. И в чем же тогда прогресс? Допустим (другого варианта нет), в том, что появляется упрощенная (соразмерная возможностям компьютера) сложность, каждый уровень которой отличается от предыдущего лишь числом и величиной повторяющихся структурных блоков и, соответственно, числом связей между ними, иными словами, отличается фиксируемыми количественными параметрами. Однако, даже если некоторые из этих отличий описываются экспоненциально (как полагает Курцвейл), у нас никогда не будет гарантий ни того, что они носят качественный характер, ни того, что любая из складывающихся комбинаторных композиций умнее отдельного нейрона, а тем более умнее мозга, не редуцируемого к ассоциации модулей.

⁸ См., в частности: Фатенков А.Н. К онтологическим истокам идеи подвижной иерархии // Вопросы философии. 2008. № 5. С. 47–57.

⁹ Курцвейл Р. Эволюция разума. С. 19.

По Курцвейлу, «важнейшая особенность новой коры – удивительная однородность ее основных структур»¹⁰. Он намеревается совместить ранжированность с гомогенностью (без которой априори невозможно полное сопряжение от природы полученного разума и технически смонтированного интеллекта)... и моментально реальная иерархия замещается у него симулятивной. Есть смысл настаивать: ранжированность аутентична только в гетерогенном пространстве, она и делает его собственно гетерогенным; живое существо характеризуется (в корректном приближении) органичной неоднородностью, не доходящей в здоровом состоянии до дуалистической и плюралистической расколотости. Всамделишная неоднородность, включая человеческую, становится серьезным препятствием для бесконечного прогресса: какой-то очередной рубеж восходящее движение может и не преодолеть. В частности, может не состояться (и, надеюсь, не состоится) слияние естественного и искусственного интеллекта.

Апологет слияния, ему деваться некуда, пытается одновременно сидеть на двух стульях: «иерархическом» (иначе прогресс недоказуем) и «однородном» (иначе недоказуем бесконечный прогресс, вернее, бесконечное движение в определенном направлении). В итоге нам предъявляют имитацию иерархии и заведомо содержащий погрешности гомогенный аналог негомогенного.

Солидаризируясь с Д. фон Нейманом, Курцвейл ставит компьютер с его якобы более пластичной структурой выше человеческого мозга. Вот, собственно, и результат спекулятивно-иерархического подспорья. Естественное не сопрягается, а поглощается искусственным. Агрессивный технократический «прогресс». Его агент, апеллируя уже к последним *IT*-разработкам, поясняет: современные компьютеры используют исключительно цифровую алгоритмику, тогда как человек в своих мыслительных процедурах – и цифровую, и аналоговую (якобы гораздо менее совершенную). Однако находим и такой примечательный тезис: «Аналоговые механизмы действия мозга можно моделировать с помощью цифровых механизмов, поскольку цифровые вычисления способны моделировать аналоговые значения с любой степенью точности (а точность передачи аналоговой информации в мозге достаточно низкая)»¹¹.

Курцвейл будто (а может, и вправду) не замечает, что проговаривается, что цифровой метод оказывается опять же аналогом, пусть и усовершенствованным, – аналогом аналога. Декларируемое превосходство компьютера сразу становится шатким. Оно исчезает вовсе, если иметь в виду еще три момента: 1) плавность аналогии зачастую ценнее дробности цифровых операций (с чем вынужден согласиться отчасти и автор «Эволюции разума» в ответе критикам¹²); 2) цифра сама по себе есть универсально-абстрактный аналог конкретно сущего (семь цветов радуги и столько же самураев в культовом фильме, к примеру); 3) рассуждение по аналогии с аристотелевских времен оценивается как ненадежное (какой цвет какому персонажу Куросавы приписать?).

Иначе говоря (усилим натиск), цифровые и аналоговые схемы, пусть они даже количественно преобладают в человеческом мышлении, не схватывают

¹⁰ Курцвейл Р. Эволюция разума. С. 54.

¹¹ Там же. С. 285.

¹² См.: Там же. С. 405.

и не выражают его атрибутивного качества. Пространство натурального ума неоднородно, в силу чего он и самобытен. В нем возникают порой такие смысловые композиции, для которых принципиально невозможны аналогии и параллели. Отсюда неустранимое недопонимание между людьми (отнодь не однозначно негативное, впрочем: всецело понятое грозит сделаться безразличным нам). Но и отсюда же способность натурального ума справляться с так называемыми неразрешимыми задачами.

Соотнося аналогию и оцифровку в контексте канторовской теории множеств, любопытный тезис формулирует Ник Ланд: «Перевод из аналога в цифру стирает информацию. Вкрадывается хаос»¹³. С замечанием британского философа-акселерациониста отчасти можно согласиться, уточнив, правда, несколько моментов. Во-первых, в результате очерченного трансфера теряется не столько информация, сколько смыслы, несводимые к информации. Во-вторых, упомянутый хаос не онтологический (тот порой может быть продуктивным), а гносеологический (этот без шансов на продуктивность). Онтологический хаос (как мощный, так и скудный) не познается адекватно ни упорядоченной, ни беспорядочной мыслью. Здесь требуется неординарная – уходящая от крайностей бинаризма, от механически перебегающих единиц и нулей – собственно человеческая мысль. В-третьих, гносеологический хаос обусловлен прежде всего разъединением рационального и иррационального в человеческой психике. Слепящий свет и непроницаемая тьма одинаково удручающи. Они не оставляют места здоровой иррациональности, без которой невозможно понимание – высший, не сугубо рациональный и не безумный уровень осмысления. Если я захочу кого-то или что-то понять, быть может, и пойму; не захочу – не пойму никогда и ни за что. Именно здоровой иррациональностью наполнено ментальное пространство, благоволящее к разрешению нетривиальных задач, для которых математики устанавливают единственно правильное решение и одновременно невозможность его отыскания.

Против решений чисто гипотетических, допустимых в каком-то одном (в некоторых) из множества возможных миров, активно выступал математик-интуитивист Курт Гёдель. В его философских воззрениях платонизм сопрягается с витализмом¹⁴; Яакко Хинтика усматривает в них также и концептуальные следы «вечного возвращения»¹⁵. Интуитивизм Гёделя – воззрения людей невыводимы полностью из формулируемых ими аксиом – прекрасный пример здоровой иррациональности, недвусмысленно заключающей, что «человеческий ум (даже в области чистой математики) бесконечно превосходит возможности любой конечной машины...»¹⁶.

Согласно Гёделю (в книге Курцвейла он упоминается, но гораздо большее внимание в ней уделяется, разумеется, Алану Тьюрингу и его «машине»), исчерпывающий ответ не может не быть противоречивым. Утверждение о непротиворечивости определенной системы аксиом и правил «не является выводимым из этих аксиом и правил при условии, что эти аксиомы и правила непротиворечивы»¹⁷. Натурный ум, не чуждый диалектике

¹³ Ланд Н. Сочинения: в 6 т. Т. 2: Киберготика. Пермь, 2018. С. 105.

¹⁴ См.: Гёдель К. Некоторые основные теоремы в основаниях математики и их следствия // Хинтика Я. О Гёделе. М., 2014. С. 166–200.

¹⁵ См.: Хинтика Я. О Гёделе. М., 2014. С. 80.

¹⁶ Гёдель К. Некоторые основные теоремы в основаниях математики и их следствия. С. 177.

¹⁷ Там же. С. 174.

(Гёдель с ориентацией на континентально-европейский реализм много ближе к диалектике, чем Тьюринг с характерным для британской интеллектуальной традиции номинализмом), не станет убегать от противоречий. Он постарается их осмыслить. И хотя нам никак не удастся воспользоваться здесь универсальным алгоритмом (его просто не существует в неоднородной среде), мы нередко достигаем желаемого. Когда, скажем, безусловно мыслим речку, одновременно движущуюся и недвижущуюся. Да, эта безупречность ограничена мгновением... но сколько будет длиться мгновение, никто не знает. Мгновенно исчерпывающий ответ мы обретаем тогда, когда не отделяем идею от восприятия и представления и не разбиваем ни интеллигибельное, ни чувственное на отдельные, тяготеющие к разрозненности штрихи. Противное означало бы экстраполяцию машинной специфики на человеческое сознание, к чему поступательно склоняет нас Курцвейл, связывающий нашу способность к распознаванию образов, в частности, с опорой на инвариантные фрагменты рисунка, не изменяющиеся от случая к случаю¹⁸. Выбирая такой путь, мы неизбежно, утратив образ, упрямся в конце концов в точки и пробелы. Смысл тем и отличается во многом от информации, что он не раскладывается на единицы. Он не делится без значимых потерь и ни на что другое. «Разделяя» чьи-то взгляды, мы ставим и себя, и того другого в двусмысленное положение. Фактически мы расписываемся в неполноте постигнутого нами и в нежелании мыслить глубже, обходясь заведомо упрощенными интерпретациями. «Не разделять» взгляды, идеи, чувства означает в одном случае не принимать их (на основании того, что в них нет ничего, с чем соглашаешься безоговорочно), однако, хотя и неприятные, они могут быть поняты нами достаточно глубоко; в другом случае, – наоборот, принимать (если в них есть хоть что-то безоговорочно значимое для тебя, пусть с чем-то в них заведомо и не согласен), устремляясь тем самым к предельной глубине понимания. Неразделенная любовь, в отличие от неразделенного, отринутного знания, способна остаться в нас во всей своей полноте. Ее бессмысленно крепить биохимическими инъекциями. А любовь разделенная, разложенная Курцвейлом на нейромедиаторы и их активность¹⁹, от подобного допинга, наверное, не откажется... превращаясь в вариацию борьбы или бегства.

Редукция высших психических, экзистенциальных способностей и состояний к электрохимическим реакциям служит, в логике Курцвейла, наглядной иллюстрацией «избыточности» мозга. Указание на его «сверхмерность» удобно, конечно, для стратегии сочетания человеческого разума с «оптимальным» искусственным интеллектом (оптимальность и копирует избыточность, и делает ее эффективней). Но действительно ли наш мозг сверхмерен? Нет! В нем нет ничего лишнего, как нет при отсутствии серьезных травм и недостатков. Да, эволюция человеческого мозга практически завершена, что, однако, не является веским основанием для его искусственного усовершенствования. Из того, что мы актуализируем только часть наличествующего потенциала, вытекает не избыточность нашего мозга, а его... человечность. Полнота актуализации стала бы катастрофой.

Знать всё, или хотя бы помнить всё – непосильно, тягостно. Правда подобное состояние и недостижимо, к счастью, для человеческого сознания

¹⁸ См.: Курцвейл Р. Эволюция разума. С. 46.

¹⁹ См.: Там же. С. 172–176.

ни на индивидуальном уровне, ни на коллективном. Помнить всё означало бы держать в уме не только все прежние смыслы и их оттенки, но и все возможные смысловые конфигурации. Каким бы вместительным ни был резервуар памяти, он в случае всепамятования моментально заполняется до краев и никаким новым смыслам в сознание человека уже не вместится. Мышление тем самым обрывается не начавшись. Если всё же мы удовлетворяемся ситуацией с неприбывающими смыслами, т.е. оказываемся в формате вечности или ее аналога, то сталкиваемся либо с непоколебимо-однозначной концептуальной конфигурацией (и тут мыслить незачем – надо просто внимать), либо с вереницей индифферентно-равнозначных концептуальных конфигураций (и тут мышление избыточно: достаточно элементарного чередования готовых матриц). Так или иначе, всеобъемлющая память обрекает нас на примитивное в интеллектуальном плане существование: не допуская интенциональности сознания, лишая его явных и неявных предпочтений, она делает невозможным ранжирование смысловых композиций, а стало быть, невозможным становится и понимание, ведь ему как минимум никак не обойтись без иерархически выстраиваемой демаркации противоречиво-истинного и противоречиво-ложного. Понимание, да и собственно мышление (по преимуществу рациональный пласт понимания), коренится в небеспамятном, разумеется, сознании, но в таком, которому присуще и забывание. Память с лакунами поддерживает или даже запускает процесс мышления и вместе с тем предопределяет невозможность его абсолютистского итога, полного знания обо всем. И замечательно! Ценность, и немалая, человеческого ума – в способности приближаться к полноте знания о чем-то, фиксируя это приближение в истинно-противоречивой мысли. Величие человеческого сознания – в способности понимать то, что до конца не познано.

Очерченная выше позиция позволяет, в частности, категорически не принимать и «не разделять» пропагандируемую Курцвейлом модель сознания, аргументированно выделяя при этом в ней главное и второстепенное. Оппонент уверяет, что человек мыслит линейно, а компьютер научит его мыслить экспоненциально – как будто экспоненциальная кривая не линия. Нет, человек (тот, кто не подстраивается под компьютерный шаблон) мыслит качественно иначе – объемно: так же, как и чувствует, и вместе с чувствованием. Восприятие музыкального произведения в концертном зале не равносильно для нас восприятию тех же мелодий посредством технических стереосистем, имитирующих трехмерность. И не в предвидении будущего, на что упирает Курцвейл, заключена важнейшая особенность нашего ума. Нет, любая мысль о будущем продумывается в настоящем. Именно осмысление настоящего (недаром оно синонимично подлинному) важнее и труднее всего, что фиксирует даже «линейная» логика Аврелия Августина. Логика Курцвейла линейна без оговорок, тенденциозно исчисляющего характера. Ее квинтэссенция – в утверждении о том, что «самые важные эволюционные достижения *Homo sapiens* были количественными...»²⁰. Налицо примитивная редукция качества к количеству, от которой не спасает и возведение исчисляемых величин в степень (согласно курцвейловскому «закону ускорения отдачи»). Вновь подчеркну: никакой, даже порядковый, количественный прирост не гарантирует изменения качества, а тем более качественно-го роста.

²⁰ Курцвейл Р. Эволюция разума. С. 415.

Наряду с «не разделяю и отвергаю» мы вольны, как уже говорилось, «не разделять, но принимать» – и не по причине внешнего насилия, не угождая ложной авторитарности, не вследствие, стало быть, своей бесхребетности, а, напротив, со всей личной ответственностью беря всё на себя, несмотря на то, что соглашаешься далеко не со всем вбираемым. «Умной машине» это не под силу. А у меня так, к примеру, и с Ф.М. Достоевским (хотя религии не симпатизирую), и с М. Хайдеггером (хотя никогда не поддерживаю тезис о том, что бытие не есть сущее). Чтобы обрести подлинное, понимающее мышление, «мы должны сначала прыгнуть на почву, на которой мы, собственно, стоим»²¹ – сногсшибательное противоречие. И далее еще одно: подлинное мышление вращается в стихии многозначности – притом что какая-то мысль заслуживает того, чтобы быть одной-единственной, которая по-настоящему обдумывается²². Не прогресс, а вечное возвращение. Не линия, как и сколь угодно гнущаяся, а объемный пульсар.

Неполнота актуализации возможностей мозга, открывая перед человеком творческие перспективы, обуславливает «лишь» мгновенность истины (без притязаний на вневременность) и насыщенность мышления противоречиями, причем отнюдь не все они истинным образом ориентированы. Осмысление противоречий включает в себя выстраивание надежной иерархии. В том числе соотносящей в психике интеллигибельное и волевое. То есть важно не столько то, что одна наша идея может противоречить другой, сколько то, что любую из них, как и возможный их мыслительный синтез, мы вольны как принять, так и не принять. Важен, к примеру, не сам ответ на вопрос, умирать в конце концов человеку или не умирать, а то, отвергается ответ или не отвергается. В аутентично человеческом мышлении атрибутивен зазор между получением и принятием/отклонением смыслов. И это не сугубо временной зазор. Отнюдь не всегда принятие или отклонение происходит после обнаружения смысла. До его обнаружения какие-то процедуры с ним, конечно, невозможны вовсе. Одновременность же всегда чревата вневременным. Никаким увеличением скорости операций, материально отечающих за процесс мышления, деятельность натурального ума кардинально не изменить.

Искусственный интеллект не терпит ни противоречивой дистанции между получением информации и ее принятием/непринятием, ни противоречий как таковых. Симптоматична ремарка Курцвейла: существенное ограничение новой коры головного мозга «заключается в том, что в ней нет механизма, устраняющего или хотя бы оценивающего противоречащие друг другу данные, отчасти это объясняет весьма распространенную нелогичность человеческих рассуждений. <...> В компьютерной новой коре можно предусмотреть процесс, выявляющий противоречивые данные для их последующего пересмотра»²³. На ликвидацию противоречий и направлены – безнадежно, есть уверенность – ускоренные машинные исчисления. Теоретическая сверхзадача ИИ – сверхскоростным методом обеспечить решение математически неразрешимых задач – заведомо невыполнима. Компьютерная отбраковка противоречий позволит в лучшем случае лишь асимптотически

²¹ Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М., 2007. С. 53.

²² См.: Там же. С. 60, 126.

²³ Курцвейл Р. Эволюция разума. С. 293.

приближаться к исчерпывающему решению, но не достигать его. Параллельные линии вот-вот сойдутся, но каждый раз что-то идет не так...

Поклонение скорости – одна из самых отличительных черт теории искусственного интеллекта и ее эмпирической реализации. Такого рода культ напрямую связан с превознесением времени: чем выше скорость, тем большее расстояние покоряется за одно и то же время. С точки зрения Курцвейла, основа мироздания – информация. Мировой разум философов-панлогистов дробится им на элементарные составляющие, которые наделяются способностью вступать в многочисленные, но поддающиеся типологическим упрощениям комбинации. Чем быстрее происходит выстраивание комбинаторных структур, тем скорее несовершенная поначалу система «информация – материя» превратится в высокоорганизованный конвергентный компьютер. Превращение скорости в фетиш включает в себя редукцию всегда содержательного пути к бессодержательному расстоянию, что корректно лишь в простейших случаях и только в однородной среде. В неоднородной среде подобное сведение неминуемо обернется неулавливаемыми погрешностями.

Для натурального человеческого ума, не спешащего попусту и не озабоченного изгнанием противоречий, теоретически неразрешимых задач не существует. Контекстуально все они решаемы. Ни одна задача не является абсолютно внеконтекстуальной. Те, которые приближаются по характеру к внеконтекстуальным, имеют предрешение, никаким прогрессом не отменяемое (как в случае со смертностью человека). И тут, повторяюсь, важно не столько само предрешение, сколько остающееся неустранимо противоречивым его принятие или непринятие человеком.

Проект Курцвейла и K° – подойдя к точке сингулярности, обрести нескончаемое физико-техническое существование (жизнью его не назвать) – структурообразующий элемент сегодняшней прогрессистской конъюнктуры. Это эпицентр информационной экспансии, умаляющей человеческие смыслы. Всё равно, принимается ли проект за чистую монету или за PR-акцию ради продажи новых компьютерных разработок. Религиозный человек его отвергнет, думая вместе с И.И. Тхоржевским о совершенно ином: «...Легкой жизни я просил у Бога. / Легкой смерти надо бы просить». Натурный человек светской культуры, поняв просьбу, от себя скажет: «Одна из главных жизненных удач – умереть вовремя».

Список литературы

- Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / Пер. с англ. С. Филина. М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2016. 496 с.
- Гёдель К. Некоторые основные теоремы в основаниях математики и их следствия / Пер. с англ. В.В. Целищева // Хинтиikka Я. О Гёделе. М.: Канон+, 2014. С. 166–200.
- Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 9: Братья Карамазовы. Л.: Наука, 1991. 699 с.
- Курцвейл Р. Эволюция разума: как развитие искусственного интеллекта изменит будущее цивилизации / Пер. с англ. Т.П. Мосоловой. М.: Эксмо, 2020. 448 с.
- Ланд Н. Сочинения: в 6 т. Т. 2: Киберготика / Пер. с англ. Д.Я. Хамис. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 208 с.
- Матурана У., Варела Ф. Древо познания / Пер. с англ. Ю.А. Данилина. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 224 с.

- Пайн К. Живи, вкальвай, сдохни. Репортаж с темной стороны Кремниевой долины / Пер. с англ. К. Казбек, И. Мельникова. М.: Индивидуум, 2019. 304 с.
- Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии / Пер. с англ. М.Б. Гнедовского, Н.М. Смирновой, Б.А. Старостина; под общ. ред. В.А. Лекторского, В.И. Аршинова. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
- Фатенков А.Н. К онтологическим истокам идеи подвижной иерархии // Вопросы философии. 2008. № 5. С. 47–57.
- Фатенков А.Н. С цифровыми технологиями – в бесчеловечное будущее // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1 (49). С. 217–219.
- Хайдеггер М. Что зовется мышлением? / Пер. с нем. Э. Сагетдинова. М.: Академический Проект, 2007. 351 с.
- Хинтиikka Я. О Гёделе / Пер. с англ. В.В. Целищева и В.А. Суровцева. М.: Канон+, 2014. 256 с.

Natural intelligence in a counterattack against artificial intelligence (a polemical response to “How to Create a Mind” by Ray Kurzweil)

Aleksey N. Fatenkov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation; Privolzhsky Research Medical University. 10/1 Minin Sq., Nizhny Novgorod, 603005, Russian Federation; e-mail: fatenkov@fsn.unn.ru

By turning to geometric metaphors, the author defends the naturally based intelligence and – in the context of analysing Ray Kurzweil’s conception – criticises the artificial intelligence. The focus is on the ability of man and machine to solve the so-called unsolvable problems. This issue is discussed in conjunction with the issues of hierarchy, homogeneity and heterogeneity, contradiction and analogy, meaning and information. Arguments are given to support the following ideas: 1) digital technologies do not overcome the fundamental limitations of analogue technologies, thus AI capabilities are also irreparably limited; 2) the natural intelligence works in an original way (not by analogy), so there can be no insoluble theoretical problems for it; 3) in a healthy human brain, there is neither excess nor deficiency, it does not need artificial improvement; 4) incomplete actualisation of the brain potential is not a weakness, but a strength and special feature of the human mind; 5) the theory of artificial intelligence is characterised by excessive reductionism and fetishization of speed.

Keywords: natural intelligence, artificial intelligence, R. Kurzweil, homogeneity, heterogeneity, analogy, contradiction, hierarchy, meaning, information

For citation: Fatenkov, A.N. “*Naturnyi um v kontratake na iskusstvennyi intellekt (polemicheskii otklik na ‘Evolutsiyu razuma’ Reya Kurtsveila)*” [Natural intelligence in a counterattack against artificial intelligence (a polemical response to “How to Create a Mind” by Ray Kurzweil)], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2022, Vol. 15, No. 3, pp. 172–183. (In Russian)

References

- Bostrom, N. *Iskusstvennyi intellekt. Etapy. Ugrozy. Strategii* [Superintelligence. Paths, Dangers, Strategies], trans. by S. Filin. Moscow: Mann, Ivanov i Farber Publ., 2016. 496 pp. (In Russian)
- Dostoevsky, F.M. *Sobranie sochinenii, T. 9: Brat’ya Karamazovy* [Works, Vol. 9: The Brothers Karamazov]. Leningrad: Nauka Publ., 1991. 699 pp. (In Russian)

- Fatenkov, A.N. “K ontologicheskim istokam idei podvizhnoi ierarkhii” [To Ontologic Sources of Idea of Mobile Hierarchy], *Voprosy filosofii*, 2008, No. 5, pp. 47–57. (In Russian)
- Fatenkov, A.N. “S tsifrovymi tekhnologiyami – v beschelovechnoe budushchee” [With Digital Technologies – into an Inhuman Future], *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, 2020, No. 1 (49), pp. 217–219. (In Russian)
- Gödel, K. “Nekotorye osnovnye teoremy v osnovaniyakh matematiki i ikh sledstviya” [Some Basic: Theorems on the Foundation of Mathematics and their Implications], trans. by V.V. Tselishchev, in: J. Hintikka, *O Gedele* [On Gödel]. Moscow: Kanon+ Publ., 2014, pp. 166–200. (In Russian)
- Heidegger, M. *Chto zovetsya myshleniem?* [Was heisst Denken?], trans. by E. Sagetdinov. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 2007. 351 pp. (In Russian)
- Hintikka, J. *O Gedele* [On Gödel], trans. by V.V. Tselishchev and V.A. Surovtsev. Moscow: Kanon+ Publ.; Reabilitatsiya Publ., 2014. 256 pp. (In Russian)
- Kurzweil, R. *Evolyuetsiya razuma: kak razvitie iskusstvennogo intellekta izmenit budushchee tsivilizatsii* [How to Create a Mind: The Secret of Human Thought Revealed], trans. by T.P. Mosolova. Moscow: Eksmo Publ., 2020. 448 pp. (In Russian)
- Land, N. *Sochineniya, T. 2: Kibergotika* [Works, Vol. 2: CyberGothic], trans. by D.Ya. Khamis. Perm': Gile Press Publ., 2018. 208 pp. (In Russian)
- Maturana, H.R. & Varela, F.J. *Drevo poznaniya* [The Tree of Knowledge: The Biological Roots of Human Understanding], trans. by Yu.A. Danilin. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2011. 224 pp. (In Russian)
- Pein, C. *Zhivi, vkalyvai, sdokhni. Reportazh s temnoi storony Kremnievoi doliny* [Live Work Work Work Die: A Journey into the Savage Heart of Silicon Valle], trans. by K. Kazbek and I. Melnikov. Moscow: Individuum Publ., 2019. 304 pp. (In Russian)
- Polanyi, M. *Lichnostnoe znanie. Na puti k postkriticheskoi filosofii* [Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy], trans. by M.B. Gnedovsky, N.M. Smirnova and B.A. Starostin; ed. by V.A. Lektorsky and V.I. Arshinov. Moscow: Progress Publ., 1985. 344 pp. (In Russian)

Научно-теоретический журнал

Философский журнал / Philosophy Journal
2022. Том 15. № 3

Учредитель и издатель: Институт философии РАН

Свидетельство о регистрации СМИ: *ПИ № ФС77-61227 от 03 апреля 2015 г.*

Главный редактор *А.В. Смирнов*
Зам. главного редактора *Н.Н. Сосна*
Ответственный секретарь *Ю.Г. Россиус*
Редактор *М.В. Егорочкин*

Художники: *Я.В. Быстрова, Н.Е. Кожина, С.Ю. Растегина*
Корректор *Л.М. Голунова*
Технический редактор *Е.А. Морозова*

Подписано в печать с оригинал-макета 29.08.22.
Формат 70×100 1/16. Печать офсетная. Гарнитура IPH Astra Serif
Усл. печ. л. 15,15. Уч.-изд. л. 14,72. Тираж 1 000 экз. Заказ № 12

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН
Компьютерная верстка: *Е.А. Морозова*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН
109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Информацию о «Философском журнале» см. на сайте журнала: <https://pj.iphras.ru>

Памятка для авторов

- Автор гарантирует, что текст не был опубликован ранее и не сдан в другое издание. Ссылка на «Философский журнал» при использовании материалов статьи в последующих публикациях обязательна. Автор берет на себя ответственность за точность цитирования, правильность библиографических описаний, транскрибирование имен и названий.
- Языки публикаций: русский, английский, французский и немецкий. При этом к публикации не принимаются статьи и рецензии, написанные на иностранных языках русскоязычными авторами.
- Рукописи принимаются в электронном виде в формате MS Word по адресу электронной почты редакции: philosjournal@iphras.ru
- Объем статьи – от 0,7 до 1,2 а.л., включая ссылки, примечания, список литературы, аннотацию. Рецензия – до 0,8 а.л. Для рецензии также требуется аннотация.
- Шрифт: «Times New Roman»; размер шрифта – 12; сноски – 10; междустрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 0,9; выравнивание – по левому краю, поля: 2,5 см со всех сторон.
- Примечания и библиографические ссылки оформляются как постраничные сноски со сквозной нумерацией.
- Тексты на древних и восточных языках должны быть набраны в кодировке Unicode.
- Помимо основного текста, рукопись должна включать в себя следующие обязательные элементы **на русском и английском языках**:
 1. Сведения об авторе(ах):
 - фамилия, имя и отчество;
 - ученая степень, ученое звание (только на русском языке);
 - место работы;
 - полный адрес места работы (включая индекс, страну, город);
 - адрес электронной почты.
 2. Название статьи.
 3. Аннотация (от 200 до 250 слов).
 4. Ключевые слова (до 10 слов и словосочетаний).
 5. Список литературы.
- Рукописи на русском языке должны содержать *два варианта представления списка литературы*:
 1. Список, озаглавленный «Список литературы» и выполненный в соответствии с требованиями ГОСТа. В начале списка в алфавитном порядке указываются источники на русском языке, затем – источники на иностранных языках.
 2. Список, озаглавленный «References» и выполненный в соответствии с требованиями международных библиографических баз данных (Scopus и др.). Все библиографические ссылки на русскоязычные источники приводятся в латинском алфавите по следующей схеме:
 - автор (транслитерация);
 - заглавие статьи (транслитерация);
 - [перевод заглавия статьи на английский язык в квадратных скобках];
 - название русскоязычного источника (транслитерация);

- [перевод названия источника на английский язык в квадратных скобках];
 - выходные данные на английском языке.
 - Для транслитерации русскоязычных источников нужно использовать сайт <https://translit.ru/ru/bsi/>, в графе «варианты перевода» выбрать вариант «BSI».
- После блока русскоязычных источников указываются источники на иностранных языках, оформленные в соответствии с требованиями международных библиографических баз данных.
- Если список литературы состоит исключительно из источников на иностранных языках, «Список литературы» и «References» объединяются: «Список литературы / References». Список оформляется в соответствии с требованиями международных библиографических баз данных и помещается в конце рукописи.
- Порядок расположения обязательных элементов: в начале рукописи располагается русскоязычный блок (инициалы и фамилия автора, название статьи, сведения об авторе, аннотация, ключевые слова, текст статьи, «Список литературы»); в конце рукописи располагается англоязычный блок (название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе, аннотация, ключевые слова, «References»).
 - Более подробные рекомендации и примеры оформления текста, аннотаций, списков литературы и проч. содержатся в «Правилах оформления рукописей» на сайте журнала по адресу: https://pj.iphras.ru/index.php/ph_j/guide
 - Редакция принимает решение о публикации текста в соответствии с решениями редколлегии, главного редактора и оценкой экспертов. Решение о публикации принимается в течение двух месяцев с момента предоставления рукописи (в исключительных случаях срок рассмотрения материала может быть продлен).
 - Плата за опубликование рукописей не взимается. Гонорары авторам не выплачиваются.
 - Рисунки и формулы должны быть продублированы в графическом режиме и записаны отдельным файлом. Тексты, содержащие специфические символы и неевропейские шрифты, должны быть продублированы в формате pdf.
 - Адрес редакции: Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, оф. 612. Тел.: +7 (495) 697-66-01; e-mail: philosjournal@iphras.ru; сайт: <https://pj.iphras.ru>

**Подписка на «Философский журнал» открыта в отделениях связи России.
Подписной индекс ПН 142 в каталоге Почты России**